

K. Okner

Безысходность

18+

К. Окнер

Безысходность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70497220

SelfPub; 2024

Аннотация

Он – вышедший из-под контроля эксперимент и бывший представитель одной из самых влиятельных каст. Она – член гильдии ученых, что поколениями проливают кровь ради бессмертия. Он создан, чтобы умирать. Она рождена, чтобы пытаться. Два изгоя. Две заблудшие души. Два непохожих друг на друга человека, которые всю жизнь шли по разные стороны баррикад, и у которых отняли все, встретились в точке безысходности, где пересекаются судьбы. Игра начинается. Вот только будет ли эта история только об игре? И стоят ли все принесенные жертвы бессмертию, что уже давно свело с ума их мир?

Содержание

ПРОЛОГ.	5
ГЛАВА 1.	8
ГЛАВА 2.	21
ГЛАВА 3.	40
ГЛАВА 4.	47
ГЛАВА 5.	59
ГЛАВА 6.	70
ГЛАВА 7.	76
ГЛАВА 8.	88
ГЛАВА 9.	94
ГЛАВА 10.	105
ГЛАВА 11.	116
ГЛАВА 12.	122
ГЛАВА 13.	144
ГЛАВА 14.	149
ГЛАВА 15.	155
ГЛАВА 16.	158
ГЛАВА 17.	164
ГЛАВА 18.	182
ГЛАВА 19. (10 лет назад).	191
ГЛАВА 20.	199
ГЛАВА 21 (5 лет назад).	207
ГЛАВА 22.	216

ГЛАВА 23.	222
ГЛАВА 24.	232
ГЛАВА 25. (3 года назад).	236
ГЛАВА 26.	246
ГЛАВА 27.	261
ГЛАВА 28.	271
ГЛАВА 29.	278
ГЛАВА 30.	282
ЭПИЛОГ.	288

К. Окнер

Безысходность

ПРОЛОГ.

Серое туманное утро. Промозглый влажный воздух наполняет уставшие от бега легкие, обжигая изнутри. Порывистый ветер треплет пепельные волосы девушки, остановившейся посреди пустой улицы заброшенного города. Тяжелый взгляд пронзительных желтых глаз устремлен вдаль. Тишина. Но долго ли она продлится?

На крыше опустевшего здания, сидит молодой человек. На его бледное лицо сыплется морось, и он, откинув голову назад, будто на встречу мятежной стихии, вдыхает холодный осенний воздух. Его взгляд устремлен вдаль. Но видит ли он что-либо на горизонте?

Ее зовут Амелия – представитель касты ученых и единственный человек в этом некогда заброшенном городе, который точно знает, что происходит вокруг. Его зовут Адремалех – бывший член касты солдат, попавший хотя и против воли в игру, но осознающий причины, по которым оказался здесь.

Совсем скоро улицы наполнятся толпами людей, которым нечего терять и некуда идти. Приговоренные к смерти пре-

ступники, получившие шанс прожить чуть дольше. Представители различных каст, снедаемых ненавистью друг к другу. Игра начинается. Вот только будет ли эта история только об игре?

В мире Адремалеха и Амелии, разделенном на касты, сложно найти свое место. Можно либо удачно родиться в подходящей, либо быть обреченным скитаться по свету без возможности стать частью общества внутри государства, стать изгоем или смириться со своим положением. Самые важные в политическом и социальном устройстве, конечно, каста солдат, что защищают страну и завоевывают новые территории (завоевывают ли?), и каста ученых, что совместно с воителями, стоя у руля, определяют спектр движения и правила, которым обязаны подчиняться граждане. Кроме них, существует еще множество мелких, таких, как касты строителей, лекарей, служащих, фермеров, представителей искусства и других. Однако призванием этих каст, по большей части, является только обслуживание и материальное обеспечение первых двух, а иными словами, как указано в трактатах о праве – служение на благо общества.

Смешно.

Тем не менее, жизнь есть жизнь, и можно либо подстроиться под существующие законы, либо, в конечном итоге, оказаться в сырой земле. Выбор за каждым.

Но эта история не о политике. Она о людях и их желаниях, о потерях и страданиях, об алчности и ее последствиях,

о власти и том, что она порождает. Эта история о двух людях, потерявших смысл существования, и о последствиях, к которым привело насилие, направленное против Бога.

ГЛАВА 1.

Пустые улицы серого провинциального города, напоминающего скорее безжизненную оболочку одного из районов давно отработанного округа, некогда полного жителей с их амбициозными стремлениями, медленно набивались стекавшимися к его центру людьми. Зброшенные строения повсюду навевали тоску и, словно отголосками эха, шептали его новым обитателям о судьбе прежних.

Куда сгинули все те люди, что жили здесь раньше? Что с ними стало?

Определенно, ничего хорошего.

Покинутые дома, целые жилые районы пустовали не один год и даже не один десяток. Полное отсутствие следов добровольности убытия жильцов навевало тревожные мысли на итак брошенных в омут неопределенности пробуждающихся людей. Сквозь мутные стекла витрин магазинов различались продукты питания, лишь частично незатронутые временем, манекены, одетые в обветшалые одежды, оставленные на прилавках пожелтевшие газеты, неубранные кружки, канцелярские принадлежности на офисных столах. Ни следов поспешных сборов при внезапном или, напротив, ожидаемом возникновении чрезвычайной ситуации, ни кровавого отпечатка массовой резни, никаких признаков, что граждане по собственной воле собрали вещи и уехали обживать

новые горизонты, строить лучшие жизни, будто в один день они просто исчезли, а город зачистили от любого напоминания о совершенном преступлении.

Амелия очнулась раньше других в тесном и темном помещении, переполненном грудой тел еще живых людей, бесцеремонно наваленных друг на друга, словно трупы преступников, подлежащих скорой утилизации, хотя это было и недалеко от истины. И без того затхлый воздух полуподвального помещения смешался с тошнотворным запахом грязных тел. Девушка приподнялась на локтях, ощущая сильную слабость в мышцах. Обстановка кружилась перед глазами мутными картинками, сознание не желало фокусироваться на реальности, но она продолжала бороться с последствиями введенной ей ранее инъекции транквилизирующего и усыпляющего препарата.

«Моя голова... Какой сильный побочный эффект. Не думала, что это ощущается *Так*».

Минуты казались часами, сливаясь в единую нескончаемую временную субстанцию. Не разбирая перед собой, она заползла на ближайшее тело, приняла устойчивое сидячее положение, уперев локти о колени, и опустила голову на руки. Картинка перед глазами постепенно переставала кружиться, а сознанию возвращалась ясность мыслей.

Ей потребовалось еще какое-то время, может минуты, может целые десятки минут, чтобы оправиться от головокружения и подступившей следом тошноты. Времени остава-

лось не много. Девушка знала, что ее, хотя и сомнительное, но, все же, преимущество в раннем пробуждении, вызванное иной дозировкой препарата, может исчезнуть в любой момент, ведь остальные участники тоже скоро начнут приходить в себя, что, определенно, принесет ей еще больше проблем и сократит шансы на выживание.

Она заставила себя подняться и сделать шаг по направлению к выходу. Уже достаточно привыкшие к темноте глаза быстро нашли очертания двери. Холодная металлическая ручка со скрипом скользнула вниз под легкой женской ладонью, и девушка неуклюже вывалилась наружу, споткнувшись на выходе об очередное тело. Промозглый воздух приятно обжег лицо, а свет даже такого пасмурного дня на пару секунд ослепил ее. Амелия с усилием толкнула дверь ногой, стараясь как можно скорее закрыть ее, чтобы уличная прохлада и солнечный свет не пробудили остальных участников игры раньше, чем она успеет убраться отсюда. Перевернувшись на спину, она позволила себе еще несколько мгновений пролежать на сыром бетоне, делая глубокие, отрезвляющие и одновременно успокаивающие вдохи.

«Бежать. Мне нужно бежать».

Она заставила себя подняться на ноги, окинула местность беглым взглядом. Тихо. Слишком тихо.

«Стоит подыскать непримечательное здание со свободным выходом на крышу».

Мышцы ломило, тело болело, и ей никуда не хотелось

идти и, тем более, бежать. Мысль о принятии неизбежного столь заманчиво и настойчиво звучала в голове, но Амелия была не из тех, кто сдается, не из тех, кто умирает, обреченно склонив голову под лезвие топора. Она заставила себя сделать шаг, затем второй, третий, и вот она уже идет, спустя пару минут бежит. Сквозь боль и слабость. Сквозь остаточную тошноту и головокружение.

Амелия двигалась вперед, не зная точно, куда приведет ее выбранный маршрут, ведомая лишь своими интуицией и желанием жить, убраться от места, где очнулась, как можно быстрее. Ее никогда не готовили к особым физическим нагрузкам, тем более в экстремальных ситуациях при истощенных внутренних резервах организма, поэтому ее бег не продлился долго, и она, тяжело дыша, остановилась посреди пустой улицы. Промозглый воздух еще сильнее обжигал разгоряченную кожу, а осенние сырость и прохлада только усиливали внутренние ощущения безысходности и отчаяния. Тихо. Вокруг все еще было мертвенно тихо.

Амелия смотрела вдаль, успокаиваемая легким ветерком, и осознавала без тени сомнения, что это место станет для нее могилой, для них всех. Часть ее души даже радовалась подобному исходу. Вновь пронесшаяся в сознании мысль о приближающемся конце и столь желанном забвении, что последует за ним, ощущалась на удивление приятно. Однако это не означало, что настало время сложить оружие и сдаться. Не сейчас. Никогда.

Но как бы Амелия не старалась ускользнуть от судьбы, бежать больше было некуда: вокруг города – стены, а внутри них – сумасшедшая толпа преступников, начинающих приходить в себя. Напряжение, порожденное страхом неизвестности и непониманием происходящего, витало в воздухе. По крайней мере, ей так казалось. Тишина постепенно сменялась еле уловимыми для слуха шорохами, и этот звук все усиливался, нарастал, принося с собой угрозу.

Девушка не хотела рисковать и вовлекаться в грядущий водоворот кровавой мести. Неопределенность, тесно переплетенная с подвернувшимся шансом прожить на пару дней дольше, накаляла и будоражила нервы осужденных к смертной казни представителей разных каст. Люди, которым нечего терять, некуда бежать, не к чему возвращаться. И здесь – место, в котором дозволено отнимать жизни, город, где убийству эквивалентно собственное выживание.

Амелия продолжала идти вперед, пыталась продумать лучшие варианты дальнейших действий.

«Бессмысленный бег не поможет найти выход из ситуации. Мне давно пора принять эту незыблемую истину и, наконец, взглянуть своим страхам в лицо. Только где ж тебя найти?».

Вскоре девушка покинула «офисный район». Вереницы высоких, стеклянных зданий сменились однообразными безликими строениями «спального района». Она заметила впереди пятиэтажный дом. Он выглядел также угрюмо, как

и все остальное вокруг, и не привлекал особого внимания.

«Кажется, удача на моей стороне».

Амелия без труда открыла подъездную дверь, поднялась по лестнице на крышу. Каждая ступенька давалась с трудом: голова вновь начинала кружиться от спертого воздуха давно непроветриваемого и не отапливаемого сырого строения. Глухие стены лестничной клетки делали помещение без электрического освещения слишком темным для человеческого глаза, из-за чего Амелия ступала осторожно, периодически спотыкаясь и ругаясь в голос на свою неуклюжесть. Она не любила ощущать себя слабой.

Добравшись до последнего этажа, она обнаружила выход на крышу приоткрытым. Амелия окинула пространство вокруг внимательным взглядом и была уже практически уверена, что находится здесь все-таки одна, как у дальнего края заметила плавное движение, и резко, непроизвольно отдернулась в сторону. По ту сторону крыши, откуда открывался лучший обзор на город, сидел молодой парень, на вид лет двадцать пять, не больше. На самом деле он бродил по миру уже двадцать восьмой год. Спиной опираясь о бортик и вытянув одну ногу вперед, другой, согнутой в колене, он отстукивал какой-то ритм, глаза держал закрытыми. Его расслабленное положение свидетельствовало о том, что он тоже не ожидал кого-либо увидеть, ведь вероятность встретить другого игрока на крыше именно этого дома, когда кругом расположен целый жилой комплекс, состоящий из одинако-

вых, ничем не отличающихся зданий, крайне мала. Но судьба, порой, любит подкидывать неожиданные повороты.

Амелия внимательно рассматривала юношу, пока медленно подходила ближе. Она не могла поверить своим глазам.

Молодой человек обладал довольно привлекательной и запоминающейся внешностью. Особенно его выделяли огненно рыжие волосы – они немного неряшливо свисали до его скул, и ветер слегка разносил их в стороны. Его кожа выглядела бледной, почти белой, но это не становилось изъяном, а, напротив, оттеняло невероятный цвет волос, создавая еще большее ощущение их неестественности.

Он был довольно худощавого, но жилистого телосложения: тонкие кости, изящные запястья и длинные пальцы, и, несмотря на это, крепкие, натренированные мышцы, особенно выделявшиеся на оголенных частях рук. Черты его лица тоже отличались особой изящностью, почти, что присущей женской внешности: аккуратный небольшой нос, большие глаза, хотя сейчас она и не могла различить их цвет и форму, хотя в точности помнила их еще с детства, острые скулы, об которые можно было порезаться.

«Все еще невероятно хорош собой!».

Из одежды на нем были черные кожаные брюки и футболка с коротким рукавом, свободно висящая на истощенном теле, и хотя на улице стояла осень, и воздух уже был промозглым, дискомфорта он не ощущал, по крайней мере, так казалось визуально.

Амелия подошла ближе.

– Не возражаешь, если я разделю с тобой пространство? – ее голос звучал холодно и безразлично.

Юноша опустил голову и открыл глаза. Они были абсолютно белыми, затянутыми пеленой слепоты. Большие пустые глаза смотрели насквозь, но, одновременно, и затягивали в омут своей своеобразной болезненной притягательности. А какими красивыми они были до его слепоты! Она ведь помнила... Как давно это было...

Амелия сразу узнала юношу, но не подала виду.

– Мне безразлично – тихим, ровным голосом произнес юноша.

Амелия искала уединение, ощущение хотя бы временной, но безопасности, а не компанию незнакомого молодого человека, и в другой ситуации покинула бы крышу, долго не раздумывая, ведь зданий в ближайшей доступности множество. Но она знала его, хотя и опосредованно. Юноша не был незнакомцем. Он был лучшим вариантом, если она, наконец, перестанет бежать от прошлого и настоящего в никогда не наступающее будущее. Сильный союзник, хороший альянс для выживания, если удастся его убедить, поэтому она осталась и заняла место около смежного бортика на комфортном расстоянии.

– Ты помнишь, как и почему сюда попал? – решила напустить на себя образ невинности Амелия.

– Нет, – отчасти соврал юноша. Он действительно не пом-

нил сам процесс своего перемещения на территорию города, но знал, где находится и почему. Этот город был слишком знаком ему. До боли. Его ошибка, изменившая многое.

Он поднял свой пустой взгляд на Амелию.

– Я уверен, что ты единственная, кто помнит.

Амелия действительно знала, как попала сюда, и почему. Но стоит ли ей так открыто говорить об этом незнакомцу?

«Нет. Не незнакомцу», – мысленно поправила она себя: «Но определенно не стоит».

– Как ты понял? – спросила она, открыто противореча собственным мыслям.

– Существует множество факторов. Один из них – ты целенаправленно пришла сюда – в место, откуда открывается хороший обзор, и куда с наименьшей вероятностью двинется толпа, когда они узнают, что в пределах города дозволено все, в том числе и убийства. Кроме этого, ты знаешь, что все эти люди внизу – преступники, которым нечего терять, а, значит, соблазн лишить кого-либо жизни будет слишком велик для них, особенно учитывая взращенную годами ненависть между кастами. Второй – ты не растеряна. По твоим шагам я не услышал спешки или паники. Ты спокойно и рассудительно пришла сюда, подошла ко мне. Отсюда следует третье – ты узнала меня, но не решила скрыться. Ты не одна из них. Но мы с тобой не знакомы лично, иначе ты бы бежала без оглядки.

– Твое имя?

– Ты же итак уже его знаешь, – после недолго молчания он продолжил, – Но я предпочитаю Рем. Твое?

– Амелия.

– Так что ты хочешь от меня? Иначе не задержалась бы здесь надолго.

Амелия и в правду не знала, чего конкретно она желает получить от него, кроме неопределенной вероятности сотрудничества. Судьба ли ее привела именно на эту крышу? Ученым не свойственно размышлять над подобными вещами, скептицизм в ее крови взращивался с самого рождения, но внутренний голос, который она отвергала так рьяно всю свою жизнь, все же, навязчиво шептал ей остаться, не совершать ошибку вновь. И это тяжелое тягучее чувство заставляло продолжать сидеть на этой крыше и пытаться выстроить диалог с монстром.

– Хочу предложить взаимовыгодные условия.

Рем приподнял уголок губ, как бы в слегка надменной усмешке, и вновь посмотрел на девушку.

– Я сам способен о себе позаботиться. Не представляю, о какой выгоде может пойти речь.

– Я тоже не слабая девочка. И я могу знать нюансы этой игры.

– Это не к чему. Все равно все умрут. Так или иначе.

– Здесь не будет спокойно. Тебе пригодится кто-то, кто сможет прикрыть твою спину. И мне тоже. Никто тянуть друг друга за собой не будет. Защищать тоже. Просто не будем бо-

роться поодиночке. И выберемся отсюда живыми. Возможно, я смогу выяснить, как это сделать.

– Ладно. Идет.

«Так просто?»

Без лишних слов, без споров, без привычной надменности и вопросов он согласился при отсутствии видимых причин на этот союз. Рем закрыл глаза и закинул голову назад. Между ними повисла мертвая тишина. Амелия не была до конца уверена, почему так настаивала на сотрудничестве. Да, с Ремом шансы на выживание заметно повышались. Его слава опережала его самого. Тем не менее, она и сама могла справиться. Но ее внутренний голос слишком громко кричал: убеди, пойди с ним, так надо. Убеди его. А инстинктам следует доверять. Слишком долго она их отвергала.

– Можно я задам некорректный вопрос? – нарушила молчание Амелия.

– Спрашивай, но я не гарантирую, что отвечу на него.

– Ты действительно ничего не видишь?

– Да.

Вокруг вновь воцарилась тишина.

Прошло около часа.

– Пойдем. Пора обживаться на новом месте.

Рем медленно поднялся на ноги и неспешно направился к выходу с крыши. Амелия тоже встала и спокойно поплелась за ним, рассматривая юношу в полный рост. Он действительно был довольно худощав от природы, жилист, да и

к тому же истощен. Основываясь только на чертах его лица и наружности в целом, Амелия уверенно отнесла бы Рема к касте представителей искусства. Но он был рожден убивать. Профессиональная машина для убийств.

– Пока я находилась у ворот, – начала было врать Амелия, но затем передумала, – нет, не стану врать, я просто это знаю и все. В первый месяц, кроме настоящего часа вводится запрет на убийства, и что жить мы все должны вместе. Мы обязаны посещать официальные мероприятия, проводимые организаторами, выступать на аренах. Через месяц, когда они дадут команду, можно будет убивать кого угодно, когда угодно и где угодно. Из оружия разрешено только холодное. Огнестрельное – под запретом, но я сомневаюсь, что здесь удастся найти даже хотя бы малокалиберный пистолет.

– Хорошо.

Рем не отличался многословностью при общении с незнакомцами, но ценил по-настоящему полезную информацию и честность. Сведения, что поведала ему Амелия, не были для него тайной, в силу своей бывшей профессиональной деятельности, он знал о таких вещах, давно устоявшиеся основы игр. Его немного удивил ее резкий переход от лжи к правде, поэтому он не стал ее мучить и спрашивать, откуда ей известна информация. Это было ни к чему.

«Целый месяц без убийств. Зачем? Неправильно. Так не должно быть».

Они оба улавливали эту мысль, но одинаково молчали. Не

доверяли. Относились друг к другу и остальным с подозрением.

– Я знаю, где можно остановиться. Если поторопимся, там еще никого не будет. Сможем занять самые комфортные позиции.

– Веди, – голос Рема звучал холодно, ровно, с небольшой хрипотцой.

ГЛАВА 2.

На улицах творился хаос. Разрешенное время на убийства еще не истекло, поэтому те, кто хотел поскорее утолить свою жажду крови и мести, обезумев от иллюзии свободы и вседозволенности, преследовали жертв, издевались и глумились над их трупами. Те же, кому удалось сохранить остатки разума, старались держаться от происходящего в стороне и выяснить, что происходит.

Еще вчера, они, все до единого, были преступниками, приговоренными к высшей мере наказания – смертной казни. Кто-то ждал своего приговора день, кто-то год, были и те, кто просидел в одиночной камере, осознавая, что каждый следующий день должен стать последним, и того больше – политические преступники годами гнили в изоляции, и смерть для них уже не казалась страшным, эфемерным итогом, а скорее желанным избавлением. В жизни теряются привычные ценности, когда слишком долго ждешь своего последнего вдоха. Вот и они постепенно становились все безразличнее к чужой судьбе, желая лишь утолить свою ненависть и злость, залить кровью собственную боль и, в итоге, стать тем, кем их видела каста правосудия. Какая разница, если завтра может не наступить? Хотя бы под конец жизни действительно быть монстром, заслуживающим казни, каковым их считало общество. Каковым их считала система.

Амелия и Рем продвигались сквозь толпу, словно им ничего не угрожало. Шум, сливающийся из нескончаемого гвалта тех, кто пытался выяснить, что происходит, почему они оказались свободны, и воплей жертв, не сумевших дать отпор самым обезумевшим, раздражал нервы, а чрезмерно спокойные огненный юноша и седая девушка слишком выбивались из всего хаоса, столь необычные в своей внешности и ауре недостижимости. Рядом с Ремом Амелия ощущала себя на удивление спокойно. Паника и отчаяние в этот день к ней больше не возвращались. Жаль, что только в этот.

По обе стороны широкой улицы все также тянулись однотипные и угрюмые в своей заброшенности пятиэтажные многоквартирные дома. Выцветшая и облезшая желтая краска фасадов, разбитые стекла, потрескавшиеся деревянные рамы окон – вот и все, что осталось, лишь пустая оболочка. С неба срывались первые крупные капли дождя. Амелия уверенно двигалась вперед к месту, где очнулась. «Спальный» район вновь сменился на «Офисный», среди построек которого она без труда отыскивала нужную, ведь двухэтажные здания полностью лишены окон – не самый распространенный архитектурный тип в небольшом городе.

– Я пришла в себя здесь, среди груды тел. Предполагаю, что организаторы могли оставить важные подсказки, которые трудно обнаружить с первого раза после пробуждения от препаратов. Если они хотят зрелища, то в игре должны быть правила.

Рем усмехнулся и достал из кармана бумажный конверт, какие, обычно, используются при отправке почты.

– Могла бы и раньше сказать, зачем и куда ты нас ведешь. Сэкономили бы время, ценнее которого нет ничего в наших бессмысленных жизнях, – и он прошел мимо нее внутрь здания, – скорее, бумага имеет свойство намокать.

Амелия прошла внутрь здания, оставив широко распахнутой дверь в качестве источника света. Рем стоял посреди помещения, зажав конверт между указательным и средним пальцами и протягивая его девушке. Амелия аккуратно развернула письмо, находившееся внутри, и первым, что ей бросилось в глаза, было изображение герба ее семьи, ее касты в правом верхнем углу – серебряный кубок с окровавленным сердцем внутри. Не успела она начать читать, как входная дверь с шумом захлопнулась от внезапного порыва ветра, и без того мрачная комнатка погрузилась в кромешную темноту.

«Добро пожаловать в мой мир. Что же ты не спешишь открыть дверь и покинуть его? Шанс дается не всем».

Они так и стояли, застывши, каждый на своем месте. Рем ждал, когда ее терпение закончится, пока установившуюся тишину, наконец, не прервал голос Амелии.

– Бумага на ощупь идеальна, не имеет изъянов и точно не адаптирована для чтения слепым человеком, кроме единственного места, на котором выбит герб касты ученых. Но эта информация бесполезна. Все итак знают, у кого доста-

точно власти и денег, чтобы устроить шоу подобного размаха.

«Ты воспользовалась возникшей темнотой, чтобы изучить бумагу. Боги, я и забыл, с кем имею дело. Зачем бояться темноты, если можно ее использовать. Хотя Богам, которых я знаю, безразлична наша нескончаемая безысходность. Исследователи» – на последнем слове в мыслях он сделал особый акцент, вложив все свое презрение в одно единственное слово.

– Шутка такая? Глупый вопрос, но я, все же, спрошу. Ты действительно не можешь прочитать, что здесь написано? – продолжила Амелия.

– Не могу.

– Тогда зачем подобрал?

– Конверт уже был в моих руках, когда я попал сюда. Организаторам, по всей видимости, показалось это забавным.

Амелия не заметила, как Рем прошел мимо нее, пока свет вновь не наполнил помещение. Он стоял под дождем и держал дверь.

– Ну же, читай, и уходим. Здесь делать нечего.

Девушка подошла ближе к источнику света и продолжила: «Правила пребывания в бессрочном отпуске:

После особого сообщения разрешаются любые преступления. За убийства больше не последует расплата.

Первые семь дней проживание предусматривается совместное. Место – девятиэтажное здание, отмеченное кре-

стом. Расположение – неизвестно.

P.S. Все, как ты любишь, Dear child».

– Бежать можешь? Потому что нам предстоит вернуться обратно.

– В той стороне не было зданий, выше пяти этажей. Оно определенно находится в жилом районе, но не в той его части. Карта не помешала бы.

– Она не к чему. Города обитавшей здесь ранее касты построены по одному проекту. Все нужные нам жилые дома будут расположены в одном районе, по окраинам от центральных улиц с застройкой меньшей этажности. Колодец. Похоже на колодец.

– Каста журналистов не обитает в такой глуши.

– Ты бы удивилась.

Рем все еще стоял под дождем. Его волосы потемнели и приобрели более насыщенный и глубокий рыжий цвет.

– Зайди внутрь. В источнике света больше нет необходимости, а прежде чем двигаться на поиски ночлега, необходимо продумать рациональный маршрут.

– Я люблю дождь.

Рем провел рукой по волосам, стряхнув капли дождя и закинув мокрые волнистые пряди назад, прошел внутрь, мягко прикрыв за собой дверь. Его удивляло проявляемое совсем ненавязчиво внимание Амелии. Люди никогда не беспокоятся о судьбе таких монстров, как он, не говоря уже об удобствах.

– Здесь офисная застройка, впереди, юго-восточнее, жилая, многоэтажная. Мы встретились на проспекте, так называемого, культурного и исторического облика. Ты должна была обратить внимание, что все здания полностью идентичны. Улица простиралась дугой. Интересующее нас место должно располагаться за ними. Возможно, эти два участка разделены парком, или иной рекреационной зоной.

Амелия не стала спрашивать, откуда у него настолько глубокие познания в градостроительной сфере.

– Нам следует обойти. Дойдем до начала того проспекта, свернем в глубь и тогда уже срежем маршрут через парк. Если все так, как ты говоришь.

– Соглашусь. Не отставай. Я ждать не буду, – и он вышел на улицу и побежал.

Дождь все усиливался, звук разбивающихся о землю капель сливался в мрачный барабанный бой. Рем бежал неспешно, слыша за спиной тяжелое пыхтение девушки, которая уже успела выдохнуться даже на такой ничтожно низкой для него скорости. Но она продолжала переставлять ноги, стараясь не отставать от него.

«Да что б ты в канаву свалилась. Сколько можно издеваться над искусством легкой атлетики».

Ориентироваться на незнакомой местности становилось сложнее для Рема. Он начал ловить себя на мысли, что не уверен в точности, куда следует двигаться дальше. Раздумья отвлекали еще сильнее, концентрация снизилась настолько,

что пару раз он практически споткнулся на глазах у девушки об бордюр.

«Так не пойдет. Если я упаду прямо посреди дороги, мне придется избавиться от свидетелей. Точнее, свидетеля. Хочу ли я утруждать себя этим сейчас?».

В мыслях Амелия проклинала все, что только могла. Горло горело, ноги болели, и она уже не была уверена, что сможет продолжать бежать следом за Ремом, как вдруг он остановился. Она поблагодарила судьбу и, тяжело дыша, поравнялась с ним. Кашель сдавил ее легкие, заставив согнуться практически пополам, уперев руки о колени. Дождь затих, но они оба были уже насквозь мокрые. Ставшие темно серыми от напитавшей их воды волосы прилипли к лицу и шее девушки, одежда неприятно пристала к телу, что невероятно раздражало ее. Амелия окинула беглым взглядом Рема, позавидовала длине его волос, которые он с легкостью закидывал назад одним лишь движением руки, вспомнила давнее желание обрезать свои и отметила его невозмутимое выражение лица с надменной улыбкой. Раздражительность все усиливалась внутри девушки, но она продолжала держать себя в руках.

«Эмоции – слабость, которой не место в моей жизни».

Вот только Амелия за гордостью и самолюбием не замечала, что за произвольным жестом, которым Рем постоянно пытался убрать назад мешающие ему волосы, выдавалась и его нервозность, напряжение. Не задавалась и вопросом,

как ей удалось проследовать, практически не отстав, целых полтора района за натренированным солдатом.

– Бегаешь ты просто превосходно. Такая подготовка. Такие способности. Не буду тянуть вниз, так ты говорила? – насмешливо произнес он.

– Я...сейчас. Я...могу. Не придирайся, – с прерывающимся дыханием произнесла Амелия. Сил на колкости в данный момент не хватало.

– Пойдем пешком.

– Я могу...продолжать.

– А я хочу погулять, – ответил Рем, скрывая за своей насмешкой необходимость самому замедлиться, чтобы выровнять маршрут.

– Охотно верю.

– Скажи спасибо и замолчи.

– Я вижу парк впереди, – перевела внимание Амелия, желая прекратить нарастающий конфликт.

– Как красиво золотые клены роняют на ветру свои огненные листочки, не правда ли?

– Чтооо? Какие клены, какие листочки?

– Чтооооо? – передразнивая девушку, еще длиннее протянул Рем, – заканчивай выплевывать свои легкие и продолжим путь. Иначе уйду без тебя.

– И будешь все семь дней искать дом, отмеченный крестом.

Рем наклонился к Амелии, взял в руку мокрую прядку ее

волос и прошептал на ухо:

– Открою тайну, доселе неизвестную тебе. Свежая краска имеет запах и особую текстуру на ощупь. Еще раз решишь предположить мою беспомощность, – его ладонь от волос скользнула к ее горлу, а пальцы с мимолетной задержкой стальной хваткой сжались вокруг, – и молись, чтобы я просто придушил тебя. Осторожнее со словами, Амелия, – он убрал ладонь и сделал шаг назад.

– За деревьями видны очертания зданий, – ответила девушка, потирая рукой свое горло. Она не боялась смерти. Не боялась Рема. Ей было уже просто безразлично. Но она отметила про себя, что ультиматумы в их союзе с ее стороны неуместны.

В парке действительно не было никаких золотых кленов, красиво роняющих листья – лишь уже облетевшие голые деревья, мрачно покачивающиеся из стороны в сторону. Вид некогда красивых, а ныне заросших жухлой травой и покрытых, слово ковром, темной опавшей листвой, аллея удручал. В искусственном пруду совсем не осталось воды, и деревянный мост, переброшенный через овраг, выглядел комично. Не хватало только скелетов лебедей или уток для полноты картины. Но даже в таком скорбном виде парк все еще был жив, в отличие от остального города, в котором совершенно не осталось, ни клочка земли с растениями. Уже много лет люди стремятся искоренить из своих владений любые следы природного, отводя живому миру лишь небольшие, ограни-

ченные территории. Каста ученых. Поддержка гильдии солдат. И все решено. По непонятной большинству людей причине мир стал таким. Никто не защищал старый. Никто не боролся. Смысл проводимых изменений знали не многие.

Тихие неспешные шаги. Две яркие фигуры. Одна на двоих печаль. Как много раз ему хотелось убежать от судьбы, но он продолжал играть отведенную часть, несмотря ни на что. Сколько лет она бежала от своей и каждый день говорила себе, что пора остановиться и принять расписанные роли. Столько пройденных дорог, и все привели к одному и тому же месту назначения.

Постепенно перед ними выросла искомая часть «спально-го района», состоящая из цепи девятиэтажных домов.

– Ты был прав, – нарушила молчание Амелия.

– Не забывай об этом.

Без плана и особых усилий, лишь бродя от одного строения к другому, вскоре они отыскивали нужное. Само здание, за исключением черного креста на подъездной двери, не выделялось от остальных ничем. Целая вереница светлых кирпичных фасадов, одна этажность и примерно одинаковая степень заброшенности – вот и весь «спальный» район, точнее его завершающая часть.

– Надо же. Черный крест, – Амелия дернула дверь, но она не поддавалась, – по всей видимости, мы оказались здесь первыми.

Рем отодвинул плечом девушку, крепко ухватился за руч-

ку, одну ногу упер в стену и начал тянуть. Дверь натужно закрипела, но, все же, поддалась, открыв проход на лестничную клетку.

– Предлагаю занять «пентхаус» – улыбнувшись, сказала девушка и прошла вперед.

Здание выглядело таким же обветшалым, старым и грязным, как и все остальные в городе, но другого выбора не было. Однако чем выше они поднимались, тем более очевидны становились следы недавнего пребывания организаторов. На каждом этаже были снесены перегородки между помещениями, за исключением несущих, но их было не так много. Ни дверей, ни стен, ничего, что создавало бы приватность, кроме туалетных и душевых комнат. Странная и до боли знакомая планировка. Амелия вслух комментировала все, что видела. Так ей было проще оценить каждую мелочь в устройстве помещений. Рем молчал и старался не думать о причинах, почему девушка это делает.

Так, они, не спеша, и поднялись на последний этаж. Рем направился в ту часть помещения, с которой открывался хороший угол обзора на вход и все окна, и которая примыкала к одной из уборных, провел рукой по стене, ища ручку двери, а нащупав, удостоверился, что по ту сторону действительно находится туалетная комната. И только после этого, расположился в выбранном месте, сев на пол.

– Хороший выбор. Пойду, соберу для нас все, что может оказаться полезным.

Рем ничего не ответил. Амелии не доставляло это дискомфорта. Единственное, что не давало ей покоя, это то, как Рем передвигался. Он с такой точностью и четкостью выбирал места и дорогу, что она вновь начала сомневаться в его абсолютной слепоте. По большей части, она была зациклена на самой себе, оттого и не замечала очевидных ее проявлений. Его это устраивало.

Хотя на этаже не находилось даже подобий кроватей, вдоль стен стояли небольшие, высотой по пояс, платяные шкафчики, в которых лежали разные припасы, а также текстильные изделия. Открыв дверцы в первом попавшемся на глаза ящике, она громко присвистнула, не сдержав удивление. В нем оказались аккуратно расставленные по полочкам три пачки сигарет, пять коробков спичек, две полутора литровые бутылки с бензином, четыре кружки, десять кусков мыла, тюбик пасты для чистки полости рта, набор из трех штук запечатанных цветных зубных щеток и примус, который они могли бы использовать для приготовления пищи. В других шкафчиках ровными рядами были разложены одеяла, покрывала, простыни, женская и мужская одежда, поэтому за довольно короткое время Амелия смогла найти значительное количество полезных предметов. Она сгребала стопки с вещами, предметы личной гигиены, подходящую кухонную утварь в виде кружек, мисок, ложек с полок, сбрасывала их на предварительно расстеленную простынь, завязывала содержимое в узел и относила на их с Ремом территорию.

Амелия не разбирала вещи на подходящие или нет, скорее на полезные и бесполезные, и старалась унести все, что считала необходимым.

«Позже будет время разобраться, что подходит, а что можно пустить на повязки».

Заканчивая осмотр, Амелия вспомнила и о предполагаемых потребностях Рема, в том числе в свежей одежде, поэтому захватила пару стопок мужских вещей, чтобы он имел возможность выбрать себе наиболее подходящую, после чего вернулась к нему.

– Думаю, на первое время нам хватит, – сказала девушка, перечислив Рему все, что смогла раздобыть.

Среди найденных предметов числился даже пакет с сухарями. Все чистое и новое. Единственное, чего она нигде не обнаружила – это оружие, медикаменты и еда, за исключением разве что того ничтожно малого количества сухарей, по весу не больше одного килограмма. Организаторы явно подготовили это здание для встречи постояльцев, но сделали это так, чтобы участники не чувствовали себя комфортно.

Закрыв свою «добычу» в уборной, как в кладовке, Амелия опустилась рядом с Ремом на пол. Они стали ждать. В гробовой тишине. Каждый думал о чем-то своем. И их абсолютно не интересовали мысли другого.

Они не знали, сколько прошло времени, но на улице стало вечереть, а в здание начали постепенно стекаться люди, занимать места, искать вещи, провизию. Периодически воз-

никали драки, мелкие потасовки, но к этим двум не подходил никто даже близко. Их мрачная аура и безразличие к происходящему настораживали. Кроме того, они оба сильно выделялись внешне: нечеловеческие черты и цвета. Огонь и пепел, сидящие плечом к плечу. Пустой, затянутый пеленой, взгляд слепых глаз, и, рядом, два резких желтых змеиных глаза. Они не простые преступники и убийцы. Они два неудавшихся эксперимента. И окружающие подсознательно улавливали, что находятся с ними на разных уровнях сил и возможностей.

Настал вечер. Помещение уже полностью заполнилось уставшими людьми, хищно посматривающими друг на друга.

Амелия медленно окинула происходящее равнодушным взглядом, наклонилась к Рему и сказала:

– Хочу смыть сегодняшний день. Я скоро, – встала и ушла в комнату за его спиной.

Условия были не самыми лучшими: старая чугунная ванная, душевая лейка над ней, в углу унитаза. Над раковиной висело мутное зеркало, а также несколько полотенец, которые она успела отыскать. Амелия скинула вещи, шагнула в ванную и открыла воду. Она была ледяной. Горячая же полностью отсутствовала в городе. Но в данный момент даже само по себе ощущение капель воды на теле уже доставляло удовольствие. Закончив, она натянула черные узкие джинсы и взяла из кучи вещей футболку. Посмотрела в зеркало, уже

выходя из укромного помещения, в какой-то момент ей даже стало спокойно от того, что Рем не мог видеть ее уставшее и измученное лицо. А это только начало. Она сама удивилась своим мыслям и отбросила их в сторону.

Выйдя из комнаты, девушка увидела сидящего все в том же положении на полу Рема и толпу людей, стягивающихся к нему. Ей стало тревожно. Обстановка накалялась, ситуация медленно выходила из-под контроля.

Рем устало повернул голову к Амелии, а затем тяжело выдохнул, спокойно встал. Ему уже кричали ругательства, люди выказывали недовольство, что какой-то слепой калека занял себе лучший угол и присвоил личную уборную. Один из смельчаков вышел вперед, переступив невидимую границу занимаемой ими территории. Этот мужчина еще не успел ничего сказать, как Рем с усилием ударил его кулаком по лицу так, что тот отшатнулся на пару тройку шагов назад и упал.

В помещении на секунду воцарилась полная тишина. Потом из толпы кто-то выкрикнул: «это же тот самый дьявол», кто-то добавил: «который слепой». Их обрывочные реплики прервал Рем.

– Значит, вы обо мне слышали. Да, я Адремалех, тот самый бессмертный демон. Поверьте, реальность куда хуже тех слухов, которые успели дойти до Вас. И если не хотите провести отведенное время в агонии, а потом сдохнуть самой мучительной смертью, которую вы только можете себе представить, попробуйте еще хотя бы раз приблизиться сюда.

Его голос звучал твердо, мощно, а хрипотца только усиливала производимый эффект. Толпа медленно разбрелась в разные стороны. Амелия вновь задумалась над истинностью его слепоты. Она начинала все больше сомневаться в этом. Но понимала, что спросить напрямую его не могла, да и он не ответил бы, тем более, здесь.

Никто не мог и предположить по внешнему виду Рема, насколько ему тяжело. Во всех смыслах этого слова.

Он тоже решил принять душ, когда убедился, что вокруг обстановка полностью вновь приняла приемлемое состояние.

Рем вошел в комнатку и громко захлопнул за собой дверь. Рукой он, сначала, нащупал раковину и облокотился об нее. Затем – ванную и, уже сев на пол, откинулся спиной на нее.

Адремалех действительно не видел. Совсем ничего. Только одни сплошные чернота и мрак наполняли мир вокруг. Но все его другие чувства были обострены до предела. Появилось и новое – ощущение себя в пространстве. При сильной концентрации, у него получалось видеть серые размытые силуэты на привычном черном фоне. Это работало больше как воображение, основанное на звуках, движении воздуха вокруг и иных факторах. Практически всегда объекты, находившиеся в движении, и люди оказывались там, где он их представлял. С предметами все обстояло значительно сложнее, ведь они не перемещались, не дышали, не издавали звуков. Подсознание помогало ему. Но подобная концентрация

отнимала слишком много энергии. А ему всегда приходилось быть сильным, уверенным в себе. Без слабостей. Без изъянов.

«Ты не достоин эмоций, Рем. Ты не можешь позволить себе иметь слабости».

Когда его только лишили зрения, он даже по собственному дому не мог спокойно передвигаться: спотыкался, падал, промахивался. Лишь приложив огромное количество усилий и времени, он приспособился. Об огненном демоне вновь поползли слухи, но вернуться в касту ему так и не позволили. Последняя надежда умерла в его душе довольно давно.

Рем забрался в ванную, ледяная вода обожгла его кожу. Так он простоял долго, сам не замечая, как время, минута за минутой, бежит все дальше, набирая темп. Ему тоже хотелось сменить свою одежду на свежую, но они с Амелией еще не успели навести порядок в найденных ею вещах, что усложняло задачу. На поиски подходящих брюк у него ушло много времени и сил. Он закинул себе на плечо белую футболку и вышел, одеваясь уже снаружи. Издалека никто ничего не смог бы рассмотреть, но взгляд Амелии, сидевшей рядом на полу, тут же упал на множество больших белых шарфов, которыми был усеян его торс, и на длинные поперек запястий, поднимающиеся почти до самых локтей на обеих руках и неаккуратно зашитые.

Постепенно от отсутствия видимых полезных занятий их

начала одолевать скука. Несмотря на усталость, Амелия решила внимательнее рассмотреть Адремалеха. Ей особенно бросилось в глаза, что на его идеальной белой коже совсем отсутствовали веснушки. Длинные черные ресницы и шрам посередине нижней губы. Линии лица были идеальны, словно нарисованные на бумаге: четкий контур скул, ровный, аккуратный нос.

«Он явно сотворен для искусства», – Амелия была в этом убеждена. – «Очень редко мальчики в твоей касте рождаются *такими*. Но твоя судьба распорядилась иначе».

С мокрых волос еще потихоньку стекали капли воды. Она с удовольствием смотрела, как они скатывались по огненным прядям и падали вниз. Рыжеволосый демон. Адремалех.

«Я помню тебя еще мальчишкой, но ты, скорее всего, не помнишь об этом. Ведь это меня водили посмотреть на идеальный эксперимент. Нам говорили, что нужно стремиться к такому результату, когда у нас будут самостоятельные проекты. Но вот ты здесь. И вот я здесь. А когда-то мы были лучшими. Каждый в своем ремесле». Ее мысли прервал Рем.

– Может, перестанешь разглядывать меня, как подопытный экспонат?

– Я задумалась. Не больше, не меньше.

– Думай с закрытыми глазами.

– Я как раз размышляла, как нам устроить ночлег. Спать по очереди? Дежурить?

– В этом нет нужды. Я лягу ближе к ним. Если кто-то по-

дойдет слишком близко, я услышу.

– И у меня плохая новость. Одеял и покрывал не хватает на два полноценных спальных места. Нам придется ютиться.

– Не имеет значения. Для полевых условий у нас достаточно места.

– Хорошо, тогда я сейчас все подготовлю.

Амелия разложила покрывала и одеяла на полу, чтобы спальное место стало немного мягче, оставив каждому из них по отдельному одеялу укрыться.

– Все готово.

Они легли друг к другу спиной и попытались уснуть. Ни у кого этого не получилось, хотя оба ощущали сильную усталость. Амелия повернулась к Рему и спросила, чем они планируют заняться завтра. Глупый вопрос, но ей было скучно. Хотелось хоть чем-то себя занять.

– Я буду обследовать территорию.

– Хорошо, значит я тоже.

Она не уточнила, пойдет с ним или отдельно. Ему было не интересно.

ГЛАВА 3.

Амелия уснула только под утро. Несмотря на истощенное от перенесенной инъекции и голода тело ее разум оставался болезненно взбудораженным и тревожным. Слишком много вопросов и ни одного однозначного ответа.

«Неужели это моя расплата за то, что я попыталась осуществить? Но к чему этот фарс? Что за странные условия и правила? Это все не имеет ровным счетом никакого смысла. Разве что безумная фантазия одного честолюбивого человека».

Среди всего окружавшего сумасшествия ровное, размеренное дыхание Рема стало для нее единственным якорем для успокоения. Лежа спина к спине, девушка ощущала, как медленно вздымается его грудь, стараясь тем самым успокоить свое, пока не провалилась в сладкое забытие.

Рем чувствовал каждой клеткой тела нарастающую напряженность девушки, будто тишина темной ночи множила потаенные страхи. Тревожность раздражала демона с каждым гулким ударом ее беспокойного сердца. Он знал, как ей помочь, ведь его учили и не таким нюансам человеческой психологии. Но он не стал ей помогать, лишь продолжал делать глубокие вдохи и спокойные выдохи, чтобы самому не сойти с ума от раздражения.

Амелия не знала, сколько точно проспала, но по ощу-

щениям – целую вечность. Осознание отсутствия Рема рядом резко отдалось холодом на коже, ей не хотелось открывать глаза, не хотелось увидеть подтверждение, что она снова осталась одна.

– Ты собираешься так лежать весь день, или все же найдешь себе полезное применение?

Амелия медленно поднялась на ноги и, не проронив ни слова, прошла мимо сидящего рядом с дверью Рема в уборную, и, только скрывшись внутри, улыбнулась, сама не до конца понимая чему именно.

Следующая неделя прошла довольно спокойно. Наутро, Рем и Амелия выработали план своего взаимодействия для более эффективного исследования территории. В первой половине дня в город уходил Рем, после обеда его сменяла Амелия. И хотя больше к ним никто не приближался и не пытался оспорить занятые ими границы в помещении, оставлять найденные ресурсы без присмотра на целый день они не решились. Кто знает, сколько игра займет времени, и что может понадобиться для выживания. После возвращения Амелии они подводили итоги обследования. И так каждый день.

В здании было достаточно спокойно. Время от времени случались потасовки на фоне нехватки ресурсов и чувства неудовлетворенности условиями, в которые их поместили. Происходящее действительно напоминало скорее детскую игру, нежели серьезное испытание, целью которого является массовое убийство и ликвидация преступников, пригово-

ренных к смерти. И никто не понимал, к чему все эти глупые правила. Буквально на следующий день после их пробуждения один из участников решил, что установленные ограничения не имеют значения и действительной силы, и зарезал нескольких соперников. Не успел он отойти от трупов своих жертв, как его пронзила стрела. Насмерть. После этого случая больше никто не решался перечить организаторам.

За прошедшие шесть дней Рем успел полностью обследовать северную и западную части города, а Амелия, соответственно, южную и восточную. От остального мира их отделял высокий металлический барьер, который невозможно было преодолеть иным способом, кроме как пройти сквозь открытые двери, что сводило их шансы к выживанию практически к нулевой вероятности. В остальном, город представлял собой стандартную планировку, поделенную на жилые кварталы многоэтажной и малоэтажной застройки, деловые пространства, рекреационные зоны такие, как парки и скверы, или то, что от них осталось с течением лет. В северной части также располагалась большая арена, ранее, возможно, предназначенная для спорта, скорее всего бейсбола, но переделанная в соответствии с условиями, необходимыми для проведения сражений.

Само взаимодействие Рема и Амелии проходило, на удивление, хорошо. Они работали, как настоящая команда, причем с самого первого дня. Никто из них больше не ставил под сомнение возможности другого, не навязывал свое мнение

и советы относительного того, как действовать, не возносил себя выше. Их отношения скорее походили на общение двух партнеров и товарищей, которые стоят на одном уровне и не пытаются возвыситься над другим. Все, как и обещала Амелия – никто никого не тянет вниз.

Она спокойно озвучивала итоги своих вылазок, делилась предположениями, и Рем активно поддерживал диалог со своей стороны. Спустя пару дней они даже обменивались советами при условии, что один из них просил об этом: совместно прорабатывали свою тактику, делили между собой территории, планировали дальнейшие действия. Со стороны могло показаться, что эти двое знакомы друг с другом целую вечность, настолько слаженным и непринужденным было их общение. И никто не задавал лишних вопросов, не спрашивал о прошлой жизни, не заступал за эту невидимую черту личных границ. Для этого время еще не пришло.

Напряжение между ними повисало лишь по ночам. Амелия доверяла навыкам своего напарника и не боялась засыпать в сложившейся обстановке. Но по прошествии нескольких ночей она стала замечать накапливающуюся усталость на и без того бледном лице Рема. Тогда она обратила внимание, что он практически не спит. Как врачу и ученому ей стала понятна причина, и это определено была не тревога перед окружавшими их противниками. Это был страх перед собственной слабостью. Амелия не была уверена в своих предположениях на сто процентов, но знания и получен-

ные навыки подсказывали, что основной проблемой являются его ночные кошмары, и он опасается оказаться ущербным в глазах остальных. Авторитет и образ играют большую роль, особенно для тех, чей статус постоянно оспаривается. И она не могла ему ничем помочь, а потому не стала лезть не в свое дело. Ему лучше известны собственные возможности.

Седьмой день уже близился к середине. Рем только что вернулся с вылазки, и сейчас должен был настать черед уходить Амелии. Они уже закончили обследовать территорию на предмет ее протяженности, расположения объектов и иных пространственных нюансов, и теперь решили искать ресурсы не столь необходимые в данный момент, но которые могут понадобиться в дальнейшем.

Рем вернулся в мрачном расположении духа, Амелия подметила это, но не стала расспрашивать. Она уже готова была пройти мимо него и направиться к выходу, как он схватил ее за руку и тихо сказал:

– Останься. Нужно поговорить. Без лишних ушей, – и он потянул ее в сторону уборной. Это не первый их приватный разговор, состоявшийся за эти несколько дней, и поэтому Амелию не удивило его внезапно возникшее намерение увести их в единственное обособленное пространство. Со стороны подобные беседы выглядели комично: тесная туалетная комната, два взрослых человека на пониженных тонах обсуждают свою стратегию, а затем с невозмутимым видом выходят в общее помещение. Но уйти от лишних глаз иным

образом не представлялось возможным, к их сожалению.

– Я не думаю, что оставаться здесь дальше будет хорошей идеей. Они готовятся, это лишь иллюзия спокойной жизни.

– И что ты предлагаешь? Они дали понять, что жить мы должны вместе. Правила есть правила.

– Запрет на убийства был четкий, без возможности истолковать его двояко. За это и наступила расплата. Это же условие абстрактное. Нам не дали конкретики, относительно количества людей, которым следует жить вместе, а также самого объекта, в котором нам предусмотрено находиться за пределами уже истекающего сегодня ночью срока.

– Ты думаешь, такой вариант был прописан ими с самого начала?

– Я уверен в этом. Просто пришло время двигаться дальше. Мы узнали минимум того, что нам необходимо на первое время. Остальные участники тоже успели осознать то, что им было нужно.

– О тебе.

– Со страхом сложно бороться. Особенно когда он обретает телесную форму. Ты удивишься, насколько полезными могут оказаться «дурные» слухи.

– Предлагаешь уйти сейчас?

– Малоэтажный сектор – хороший вариант для начала.

– Его легко контролировать. Я тоже об этом думала.

– Я ухожу сейчас. И предлагаю тебе последовать со мной.

– Хорошо. Мне понадобится пара минут, чтобы собрать

наши самые необходимые ресурсы.

– Сделай так, чтобы это не бросалось в глаза.

– Конечно. В этом весь смысл, – и она бросила ему кожаный плащ, когда он выходил из комнатки.

– В это время года быстро холодает.

– Спасибо, – он накинул его на плечи и закрыл дверь.

Спустя пару минут, за ним последовала и Амелия. Услышав, что она рядом, Рем, молча, пошел по направлению к выходу из здания, а она за ним. Больше они туда не возвращались.

ГЛАВА 4.

Ремень уверенным шагом двигался по направлению к району малоэтажной застройки, чтобы обосноваться в одном из частных домов, наименее обветшалых от времени. С неба сыпалась легкая морось, осень с каждым днем вступала все больше и больше в свои права властительницы самого тоскливого сезона года. Его любимого сезона года. В юношеском возрасте Адремалеху всегда нравилось смотреть в окно на осыпающиеся листья огненных кленов, на царившие тишину и спокойствие, которые изредка нарушались лишь небольшими порывами ветра, подхватывавшими и кружившими их в воздухе. Картина по ту сторону стекла казалась ему столь чуждой собственной жизни в ослепительно белых стенах лаборатории, но такой желанной. Свобода за пределами золотой клетки. Медленно умирающий мир за окном напоминал ему о бесценности и быстротечности времени, но и, одновременно, давал надежду на возможность возрождения его потерянной души, также как природа, умирая, возрождается весной после зимней стужи. Надежда. Бывает, лишь одной ее достаточно, чтобы спасти от безумия человеческое сознание. Как бы он хотел еще хоть раз увидеть падающие осенние листья, а не ощущать лишь дыхание отчаяния, разносимое ветром.

Амелия следовала чуть позади, не желая прерывать его

раздумья. Ей тоже нравилась осень. Но ее она любила за дождь, влажность и холодный отрезвляющий ветер, которые заглушали мысли в голове о свободе, неповиновении, справедливости и убивающей ее несгибаемости, как напоминание об истошном плаче собственной души, растерзанной и изнасилованной обязанностью быть человеком, которым она не являлась. Амелия любила осень за ее отчаяние и боль, что наполняют вместе с воздухом легкие при каждом вдохе, за возможность очнуться от кошмарного сна, в котором она пребывала всю свою жизнь. Осень значила для нее свободу. Здесь она надеялась найти истинную себя.

Они много петляли среди узких улочек, пока не дошли до неприметного небольшого домика, расположившегося в тупиковой части переулка. По дороге Амелия еще не раз задавала себе вопрос о том, как Рему удастся так хорошо ориентироваться в городе, даже если учесть, что он заранее приметил этот дом. Картинка так и не складывалась до конца в ее голове. Она не знала, что Рем рассчитал всю дорогу по шагам, запомнил каждый поворот, и проделал этот путь не единожды, чтобы не ошибиться, когда придет нужное время. Как только они вышли из своего укрытия, он отсчитывал про себя каждый шаг, каждое движение, восстанавливая в памяти картинку маршрута. Тяжелый труд, невероятная внимательность и концентрация – и вот он результат. По этой же причине он не позволил бы Амелии обследовать территорию совместно. Но она на этом не настаивала, и таким решени-

ем он был удовлетворен, ведь в противном случае их пути разошлись бы гораздо раньше. Выходя за пределы основных улиц, он всегда и везде считал свои шаги, чтобы иметь возможность найти путь обратно. Он ощупывал стены зданий рукой, ходил от одной стороны улицы к другой, обследуя все в совершенно ином ключе, нежели посторонние могли себе представить. Жить без глаз крайне трудно. Остальные зачастую даже не задумываются об этом, не пытаются представить, сколько усилий уходит на достижение таких невероятных результатов владения своим телом. Но лучше быть калекой, которого таковым не считают, чем тем, в чьих слабостях уверены.

«А если он на самом деле видит? Он никогда не промахнется? Его невозможно победить?». Возможно. Но Рем предпочитал, чтобы остальные об этом не знали. Это облегчало жизнь. Причем, существенно.

– Проходи. В ближайшее время это будет нашим убежищем.

Амелия поднялась на крыльцо и зашла внутрь. Увиденное ее приятно удивило. Дом выглядел довольно мило и комфортно. Казалось, время здесь оставило свой отпечаток не так сильно, как во многих других зданиях, в которых она успела побывать. Да, конечно же, долгое отсутствие хозяев сказалось на обстановке не самым лучшим образом, на предметах скопился толстый слой пыли, по углам висела паутина, старые светлые обои с цветочками пожелтели, мебель об-

ветшала, но в остальном все выглядело неплохо. В свои лучшие годы, этот дом был шикарен для его обладателей, нов, красив и ухожен. Сейчас же он послужит неплохим пристанищем для них.

– Хороший выбор. Пожалуй, стоит поискать ресурсы, пока еще не стемнело. Я начну со второго этажа.

Рем, как часто он любил это делать, не ответил ей, а остался стоять на крыльце, словно наслаждаясь прохладным вечерним ветерком. Амелия не придавала значения его привычке игнорировать других людей. Ее самолюбие это не задевало, ведь тогда, когда ее слова подразумевали необходимость реакции на них, он всегда ей отвечал.

Она неторопливо поднялась по лестнице и принялась обследовать две небольшие спальни, располагавшиеся друг напротив друга. Интерьер и обстановка напоминали стиль гостиной на первом этаже и находились в схожем техническом состоянии: те же пожелтевшие некогда светлые обои, пыльная мебель, оставленные нетронутыми старые вещи. В одной из прикроватных тумбочек Амелия нашла целую связку свечей и спички, чему несказанно обрадовалась, так как уже начинало темнеть. В это время года солнце вечером всегда быстро прячется за горизонт, погружая мир вокруг в сумрак и ночь. Более внимательное изучение этих комнат она решила оставить на следующий день и спустилась вниз.

Рем сидел на полу, облокотившись спиной о старый диван. За то время, пока Амелия находилась наверху, он успел

быстро пройтись по комнатам нижнего этажа и запомнить расположение основных крупных предметов. Он не хотел, чтобы кто-либо посторонний видел, как это происходит, а потому терпеливо ждал на крыльце, когда Амелия уйдет наверх. Это доставляло ему определенные неудобства, но выгоды от целеустремленности и трудолюбия девушки он получал больше. Не говоря уже об одиночестве, в котором ему не хотелось пребывать, как бы он не старался убедить себя в обратном.

– Думаю, лучшим вариантом будет ночевать здесь, внизу. Меньше пространства держать одновременно под контролем, больше шансов услышать незваных гостей, – повернув голову в сторону Амелии, произнес Рем.

– Согласна. Тогда я подготовлю нам места здесь. А еще я успела найти для нас наверху свечи... – сказав это, не подумав, она чуть не поперхнулась на последнем слове. Он так естественно держался, что ее подсознание отказывалось принимать факт его слепоты, будто он волшебным способом сумел обойти законы физиологии, ведь она в точности знала, что с ним сделали несколько лет назад.

Рем вновь промолчал, лишь едва насмешливо улыбнувшись ей, проходя мимо по направлению к душевой. Вот только от его улыбки ей стало тревожно.

В глубине души Рему хотелось, что бы хоть кто-то, кому он мог довериться, увидел, насколько ему тяжело и больно жить в этой крошечной тьме. Но он не мог позволить себе

попросить о помощи, признаться в своей слабости.

«Кем я тогда буду без моей силы? Кем я стану, когда потеряю способность сражаться? Как я смогу прожить еще один день, осознавая, что больше не способен делать то единственное, ради чего был создан?».

Он стоял под ледяной водой, и даже она не могла унять его резко подступившую злость. На себя. На мир. На судьбу. Он устал. Он смертельно устал быть все время сильным, хотя большая часть этой силы давно похоронена в его прошлом вместе с его чудесными фиалковыми глазами. А еще больше он устал держать себя под контролем. И вновь опять все тот же замкнутый круг. Ему больно, его раздирает горькое отчаяние, которое накапливаясь, словно яд, перерастает в злость, так и не находящую выхода наружу. И все, что остается, это концентрироваться на холодных каплях воды, стараясь успокоить свое израненное сознание. Минута за минутой. Пока нахлынувшее чувство не утекает вместе с водой.

Тем временем, Амелия не стала растрачивать время впустую. Она зажгла несколько свечей, и в их свете начала понемногу изучать содержимое кухонных шкафчиков, и не безрезультатно.

«О да, а вот и мой шанс хорошенько поесть».

К тому моменту, как Рем вернулся в гостиную, она уже успела накрыть для них импровизированный ужин, состоявший из консервированных готовых бобов и гречи, которые она смогла найти.

– Рем. Присоединяйся, сегодня нам есть, чем поужинать.

– Какое везение, – без энтузиазма процедил сквозь зубы он, повернувшись в сторону Амелии. Гостиная и кухня в этом доме были объединены в единое пространство, условно разделяемое только барной стойкой, что создавало удобные условия для их взаимодействия.

– Мы уже два дня не ели ничего, кроме этих жутких на вкус черствых сухарей.

Рем подошел к столу и сел на приготовленное для него место.

– На запах, это не лучше тех сухарей.

– Ты ранил меня в самое сердце. Неужели тебе не нравится, как я готовлю еду столетней давности. Я этого не переживу.

– Только не выставляй свою смерть, как убийство. Этого уже не переживу я. Буквально.

– Зануда.

– Так меня еще точно не называли.

– Все когда-то бывает впервые, – она пожала плечами и начала есть, затем присоединился и Рем.

Завершив свою трапезу, Амелия вновь взяла на себя инициативу приготовить спальные места, а затем сама сходила в душ. Когда она вернулась в гостиную, Рем уже спал. Шесть бессонных ночей давали о себе знать, хотя он и никогда не признался бы в этом. Амелию радовало, что он наконец-то сможет нормально отдохнуть, и что решился на это в ее при-

сутствии.

И среди ночи она поняла, почему он не позволял себе спать при других.

Рему снился сон. Один из многих кошмаров, что пришлось ему пережить в раннем возрасте. Прошлое никак не хотело отпустить, болезненные воспоминания впивались в его душу стальными когтями и каждый раз, когда он пытался вырваться, становилось только тяжелее. В конце концов, он позволил этим кошмарам жить дальше в его голове. И он привык. Привык вспоминать ночами пытки, привык проживать боль. Но приходили и сны другого сорта ужаса. Они приносили яркие вспышки всепоглощающего отчаяния и безысходности. Напоминали, что смысла в его жизни больше не осталось. И эти кошмары ощущались болезненней всего.

«Ночь. Рыжеволосый юноша лежит на своей кровати. В помещении тихо. Ему шестнадцать лет. Вокруг осталось только человек пятнадцать, не больше, из тех, кто выжил. Это считалось еще хорошим результатом. Сильный год получился. Крепкий, стойкий. А как иначе, если вместе с тобой обучение проходит сын главы твоей гильдии. Все пытались равняться на Адремалеха. Старались. Хотя и понимали, что такими как он, им не стать. Но приблизиться к идеалу желал каждый. Идеал. Но что это дало ему? Раньше он не задумывался над этим вопросом. Стать идеальным – это его смысл жизни? Их всех? В своем юном возрасте он в совер-

шенстве владел всеми видами оружия, знал десять языков, преуспел во всех преподаваемых ему дисциплинах. Образец для подражания. Он знал это. Понимал это. Но ему было все равно. У него напрочь отсутствовали некоторые эмоции, как, например, честолюбие, жалость, удовлетворение. Станный набор, но для холодного расчетливого ума – вполне приемлемый.

Сегодня же он ощущал себя одиноко. Ему было так больно, словно все те чувства и эмоции, которые он вынужден был подавлять день ото дня, прятать глубоко в своей душе, разом накрыли его с головой. И он не знал, как со всем этим совладать сейчас.

«Ты машина. Ты монстр. Ты создан только, чтобы убивать и править. Ты чудовище, от которого невозможно спастись. Ты лучший. Так заткнись и, молча, делай свою работу. Терпи! Делай то, ради чего создан. Твоя жизнь ничего не значит. Не станет тебя, твое место займет кто-то другой. Тот, кто будет сильнее, бесстрашнее. Ты всего лишь механизм. Помни об этом» – повторял он сам себе снова и снова заученные слова, которые вложили ему в голову много лет назад, но которые так и не смогли до конца прижиться в сознании. «Не забывай, кто ты такой. Помни, ради чего ты существуешь».

Он все также тихо, не шевелясь, не издавая ни звука, лежал на кровати. Его бесстрастное лицо не выдавало никаких эмоций. Только открытые глаза, безумно глядящие в белый потолок.

Ему было больно. И он не понимал почему. Почему он не может просто слепо прислушаться к этим словам и спокойно продолжить жить. Он понимал, что создан лишь, чтобы заменить уже существующие элементы в этой жестокой машине государства. Ему предназначалось далеко не самое плохое место. Место руководителя. Власть. Но он не мог отпустить память о пытках, о том, как его тело терзали раз за разом, проверяя скорость регенерации, или даже просто приучая к ощущению боли. Он помнил, как его вены горели, как кровь плавилась все внутри. Он помнил, как умирал и как возвращался к жизни. Он помнил каждый удар, нанесенный ему без тени жалости и сострадания. Он помнил, как выносят изувеченные трупы его братьев и сестер. Он все помнил. Он все чувствовал. Эту боль, это отчаяние, разъедающие изнутри. А он был всего лишь ребенком. Маленьким мальчиком, который лишь однажды видел своих родителей. И помнил: они смотрели, как он захлебывается собственной кровью, а на их лицах – ни одной эмоции. Он видел самого себя через двадцать лет. Кем он станет. Тогда ему еще хотелось их жалости и защиты. Сейчас эта потребность умерла вместе с частью его души, и это пресловутое чувство жалости стало вызывать лишь отвращение. Но от одиночества никуда не спрячешься. Оно напоминает о себе каждый свободный миг. С ним можно только научиться жить, победить его невозможно.

Сомнение. Да, еще сомнение. Сомнение в том, что та ко-

нечная цель действительно стоит всех тех страданий и жертв. Сейчас ему не было жалко ни себя, ни других. Ведь как-никак их методы работали, дали ему силу, сделали из него совершенное орудие смерти. Но он сомневался в справедливости всей той жестокости, которую к нему применяли. Сомневался, что это был единственный возможный вариант. Ведь их жестокость – чрезмерна. Эксперименты – беспощадны. Сомневался, действительно ли во внешнем мире есть такая необходимость постоянно вести войну. К чему им столько солдат.

Зависть? Да, даже зависть. День ото дня они видели молодых ученых, врачей, детей тех, кто истязал его, тех, кто убивал его. Они жили свободно, в отличие от них. Над ними никто не издевался так. Им позволяли создавать семью, жить спокойной жизнью, выбирать должность из целого спектра внутри касты по своим способностям, управлять своей судьбой. Он же был лишен всего этого. Лишен выбора. До совершеннолетия он должен был находиться в лаборатории по четким правилам и распорядку. После – идти на поле боя и выполнять задания. После – отдавать приказы самому. Так ему говорили, но спустя годы он узнает правду. А затем из его ДНК создадут новое поколение, которое будет вынуждено пройти тот же путь, что и он. А он уже по ту сторону стекла будет приходить и равнодушно смотреть на их страдания. И так пока его не заменят. Пока он не умрет. Ведь такие, как он, долго не живут. Грустная картина нелегкой судьбы. Он не

мог сказать, что хотел другой жизни, но и не мог утверждать, что был доволен своей настолько, насколько этого требовалось и ожидалось от него.

И он начал понимать, что не идеален. Что он бракован изнутри. Его мысли и чувства, которых он не желал, но которые все равно были, не соответствовали цели его существования, не соответствовали позиции его касты. И от этого он ощущал себя еще более одиноко и обреченно.

По его щеке покатила слеза. Единственная вырвавшаяся наружу эмоция. Он ее подавил. Закрыв глаза. И продолжил жить дальше. «Мне надо стать сильнее и жестче, тогда все встанет на свои места».

Рем проснулся в холодном липком поту, а потом начал истерически смеяться.

– Ну да как же. И к чему меня привело стремление к силе? Все к тому же исходу.

Боль раздирала его изнутри. По ночам его часто преследовали кошмары – воспоминания из прошлого, но не часто приносили столько отчаяния по пробуждению, что он даже не сразу понял, как произнес это вслух. И что в этот раз он не один.

– Ты в порядке? – сонным голосом спросила Амелия, – снова *то* место?

– Да.

Они оба допустили осечку, но не посчитали свои ошибки фатальными. Другого – он бы убил. Другого – она бы убила.

ГЛАВА 5.

Они проснулись практически одновременно. Рем вышел на крыльцо, чтобы оценить обстановку. За ним вяло поплелась Амелия.

– Тихо. Странно.

– Слишком.

Рем глубоко выдохнул:

– Нужно вернуться в город и узнать причину.

– Согласна. Но давай вначале выпьем кофе. Я нашла тут вчера пару баночек.

– Не откажусь.

Они зашли внутрь. Амелия заварила кофе, достала из пакета пару черствых пряников.

– Мда, – Рем постучал пряником об стол.

– Хоть что-то. Организаторы, видимо, решили, что лучше мы подохнем с голода. Хотя в этом нет смысла.

Рем поднял на нее взгляд. Почему-то ему хотелось сказать, что и он, и она знают, какая у организаторов главная цель, и он знает, что она это знает. Но не стал.

– Готова?

– Да, пойдём.

Они покинули дом, двинувшись в сторону их старого убежища. Тишина продолжала давить на сознание. На улицах все еще валялось множество трупов еще с первого дня. Их

никто не спешил убирать, и вздувшиеся тела, медленно разлагаясь, наполняли город тошнотворным запахом смерти.

Приблизившись к одному из девятиэтажных домов, они оба заметили объявления от организаторов, пригвожденные стрелами к деревянным доскам.

«Поздравляем с началом игры!

Убийства разрешаются.

Свободное передвижение и выбор ночлега разрешаются.

Через семь дней состоится бал в Вашу честь. Явка обязательна. Во время бала убийства запрещаются, использование оружия запрещается. О его начале Вы будете заранее уведомлены.

Через три дня начнутся первые бои на аренах. Каждому один раз мы сами выберем соперника и назначим дату и время сражения. Можете считать это своеобразным посвящением. После – соперников будете выбирать сами.

Новая информация будет размещаться в Северной части города перед входом на главную арену.

На этом все».

– Интересно. Но не объясняет полное спокойствие и отсутствие людей.

Рем сорвал листок и перевернул его. Сзади кровавая надпись гласила: «Перемирие до бала. Кто нарушит, сдохнет сам».

– Это тоже все равно ничего не объясняет, – разочарованным голосом заметил Рем после того, как Амелия закончила

ее зачитывать и небрежно отбросила листок в сторону.

– Давай спросим у очевидца. Если нет, убьем его.

– Как вариант.

Они зашли в здание, нашли первого зеваку, заморожено смотрящего на них двоих. Амелия узнала его. Юноша некогда был представителем касты лекарей. Пару лет назад ее вызвали в гильдию правосудия в качестве эксперта по уголовному делу о непреднамеренном убийстве. Только недавно выпустившийся из академии юнец неудачно провел операцию, и пациент погиб. Будь она главой того медицинского учреждения, то никогда не поручила бы подобную операцию неопытному подчиненному.

Амелия помнила, как сидела в сером мраморном зале с высокими колоннами, как трясся в ручниках этот паренек, ожидая свою судьбу, как судья задал ей всего один вопрос: «Виновен?», и как она холодно отчеканила: «Виновен. Халатность».

Зачем ее вызвали участвовать в процессе? В ее касте достаточно квалифицированных специалистов. Почему именно ее? Проверить, сможет ли она сказать правду и обречь человека на смерть? Оценить ее хладнокровную отрешенность? Да. Пожалуй, именно с этой целью.

Амелия опустила на свое место. Она старалась не слушать дальше, пока председатель комиссии не дошел до оглашения судебного решения: «...приговаривается к наказанию в виде лишения свободы сроком десять лет для возвраще-

ния в доход государства денежных средств, затраченных на обучение. После выплаты компенсации – к наказанию в виде смертной казни. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит». Два ее слова разрушили человеку жизнь, путь по которой он только начал. И в конечном итоге они оба очутились здесь.

Рем без лишних слов и движений стремительным рывком оказался напротив парня и крепко сжал рукой его горло.

– Мы задаем вопросы. Если не ответишь – сверну шею сейчас. Если совершь – найду и все равно сверну шею. Понятно?

Парень послушно кивнул.

– Что происходит? Почему так тихо, и где все?

– Послание сзади листовок – от организаторов. Все боятся нарушить их волю. Для любого каждый день, словно подарок судьбы, шанс прожить чуть дольше. Убивать то хочется, но не настолько, чтобы своими руками оборвать собственную жизнь. Все продолжают сидеть в отведенных с самого начала домах. Некоторые шепчутся, что семь дней ждать не станут, но ничего не делают. Даже не уходят отсюда, ведь понимают – не послушаешься, сразу убьют. Никому нет дела до никчемных смертников, до их желания просыпаться по утрам.

Рем разжал руку и медленно пошел к выходу.

– Возвращаемся? – не обращая внимания на кашляющего в стороне юношу, спросила Амелия.

– Тут делать нечего. И когда последние убийцы и преступ-

ники стали такими покладистыми. Хотя глупости им всегда было не занимать.

Они вернулись в свое убежище, по очереди освежились в душе, чтобы смыть трупный запах города и почувствовать себя хотя бы немного бодрее, но, в конечном счете, все равно уснули. Пока есть возможность спокойно отдохнуть, нужно ей пользоваться. В последующем подобной роскоши может и не представиться. На этот раз они оба провалились в мир грез довольно быстро. Так пролетел остаток дня. Обстановка вокруг продолжала оставаться такой же тихой и безмятежной, насколько это вообще возможно при сложившихся обстоятельствах.

Проснувшись, Амелия поняла, что Рем уже не спит, просто лежит рядом. Она хорошенько потянулась, чтобы размять затекшую спину и суставы от долгого нахождения в одном положении на твердом полу.

– Ты говорила, что находила сигареты. Они еще у тебя?

– Да. Не думала, что ты куришь.

– Я тоже раньше считал, что никогда не стану курить.

Амелия поднялась, еще раз потянулась, сходила в соседнюю комнату и принесла пачку сигарет со спичками. Рем уже, не торопясь, натягивал ботинки. Она протянула ему пачку сигарет. Секунда без реакции. Осеклась. Положила рядом с ним. Поняла, что он сразу не услышал, как она протянула ему руку.

– Я знал, что ты поднесла мне сигареты.

– Продолжать их держать, пока ты обучаешься, бессмысленно.

На самом деле Рем действительно задумался и не заметил, с какой стороны подошла Амелия, и с какой стороны она протягивала ему руку. Но внутри защемило от очевидности своей беспомощности. Он вытянул одну сигарету, поджег ее и вышел на крыльцо.

– Не против? – Амелия решила присоединиться к демону.

– Нет. Прикурить?

– Да, давай, не будем лишний раз тратить спички.

– Практично – Рем наклонился к Амелии и подкурил ей сигарету.

– Есть идеи, чем заняться?

– Нет. Но нам стоит отвлечься и просто отдохнуть.

– Не простая задачка. Людей убивать проще, чем остаться наедине со своими собственными мыслями.

Рем немного усмехнулся, докурил, затушил сигарету, бросил ее на дорогу и зашел в дом. Амелия, закончив со своей, тоже вскоре вернулась внутрь.

«Отвлечься? Чем же тут можно заняться?».

Девушка решила тщательнее осмотреть дом. Рем тем временем просто лежал на полу, устремив взгляд в потолок, изредка поворачивая голову в ее сторону.

Ее поиски не прошли безрезультатно, хотя чего-то по-настоящему полезного она так и не нашла. Зато в улове оказались: старый магнитофон, несколько кассет с музыкой, че-

тыре бутылки пива и колода игральных карт.

– У меня есть две новости. Обе хорошие. У нас есть немного алкоголя и музыка. Вторая – из развлечений кроме карт в этом доме больше ничего нет. Рем ей не злобно, но с явным сарказмом похлопал, она с той же реакцией сделала ему реверанс, хотя он и не мог оценить этого жеста, как и перспективы переброситься в картишки. Осознав свою осечку, девушка на мгновение замерла, и веселая улыбка медленно сползла с ее лица.

«Я не хотела напоминать. Должно быть это больно. Почему меня вообще стало интересовать подобное?».

Ощувив повисшую неловкость, Рем рассмеялся. Весело. Не злобно. Желая вернуть вечер в прежнее русло. Ему не хотелось думать, что вызывает в ком-то жалость, не допуская даже мысли, что это может быть нечто большее.

– Вечер не обещает быть томным.

– Именно, – и Амелия протянула ему бутылку пива и совсем не грациозно упала рядом с ним на пол мимо одеял.

– Как неуклюже. В твоем духе, – улыбнулся Рем. За прошедшее время между ними сложились достаточно теплые приятельские, даже почти что семейные, насколько они могли себе их представить, взаимоотношения, будто они приходились друг другу братом и сестрой. Им было комфортно находиться рядом. Они понимали друг друга, хотя еще и не признавали этого.

– Эй. Кто-то просто забрал себе все одеяла, пока я броди-

ла по дому.

В этот момент Амелии прилетело прямо в лицо одно из одеял. Несколько секунд они сидели, молча, удивившись и даже немного растерявшись. Потом девушка подняла рядом лежавшую подушку и тоже бросила Рему в лицо, схватила его за плечи и одним несильным толчком повалила на спину. Он скинул с себя подушку и схватил ее за запястья.

– Ты объявляешь мне войну? – ехидно улыбнулся Рем, резким и быстрым движением перевернул ее на спину и навис сверху, все еще держа ее запястья в своих руках. Его волосы красиво падали вдоль лица так, что Амелия невольно задержалась на них взглядом.

– Сдаюсь, сдаюсь – наигранно ответила девушка, после чего демон отпустил ее руки и повалился рядом на пол. Они оба захохотали.

Рем повернулся к ней и сказал:

– Ведешь себя, как ребенок.

Улыбка не сходила с его лица.

– А сам то! Не думала, что ты умеешь веселиться.

– Я же тоже был человеком с эмоциями. Когда-то. Очень давно.

Да, эти двое действительно позволили себе сейчас немного детского, наивного ребячества. Они одни. Снаружи тихо. Здесь пока что безопасно. Оба знают, что скоро умрут и не выйдут из этого города живыми, даже когда выиграют. Ведь эта игра создавалась для них. Для их унижения и ликвида-

ции. А еще у таких лабораторных крыс, как они, никогда не было детства, как и возможности, играть со сверстниками, дурачиться и даже смеяться.

Немного повалившись на полу, они все же сели друг напротив друга и открыли по первой бутылке пива.

– Стой! Не пей!

– Отравлено?

– Давай выпьем за что-то. Хотя бы первый тост. Так правильно.

– За мир во всем мире? – Рем пожал плечами и стукнул по бутылке Амелии.

– Лучше за встречу, – тихо произнесла она, ведь это был стандартный первый тост. Но внутри нее что-то смутилось. За их встречу ей действительно хотелось выпить. Вот только за какую? За первую или же здесь?

Первый глоток, второй, третий и по их телам разнеслось приятное тепло. На истощенный организм даже такой слабый алкоголь оказывал сильное действие. Они разговорились, хотя и на отвлеченные темы. Им было приятно находиться сейчас не в одиночестве, и что каждый, к тому же соблюдал условные границы их комфорта.

– Почему тебя прозвали огненным демоном? Почему именно демоном? Есть же много других названий, стереотипно отражающих силу.

– Мое полное имя Адремалех, как ты знаешь. В древней мифологии это имя принадлежит одному из самых сильных

и могущественных демонов. А в остальном, думаю, и так понятно.

– Не думала, что каста солдат интересуется фольклором. Это так не научно.

– Моя гильдия? Нет. А вот я – да.

– Как ты выглядишь? Мы уже вторую неделю спим вместе, а я даже не знаю тебя в лицо. Мне интересно, – после небольшой паузы неожиданно спросил Рем.

– А ты совсем ничего не видишь? Даже размытой картинки?

– Совсем. Я слепой, а не близорукий. Картинка перед моими глазами всегда лишь одного цвета – черного.

– У меня специфическая внешность. Может лучше не иметь представления?

– Я же тебя не в любовницы беру.

– Смешно. Но верно. Сам напросился. Потом живи с этой картинкой в голове. Итак. У меня очень бледная и тонкая кожа, порой она даже слегка просвечивается и приобретает под глазами, на кистях, на грудной клетке синеватый оттенок из-за близкого расположения к коже сосудов. Зубы ровные, белые. Все на месте. Нос маленький. Острые скулы, слегка овальная форма лица. Четкий контур. Глаза желтые. Зрачок продольный, напоминает змеиный или кошачий. Волосы седые, пепельно-серые, если точнее. И да, мне всего двадцать шесть лет, но волосы седые. Полностью. Тонкие кисти, длинные пальцы. Телосложение – не знаю даже. Сейчас худое,

истощенное тело. Волосы длинные, до поясницы. Грудь маленькая. Видны ребра. Руки в маленьких шрамах. На лице шрамов нет. Как-то так. Что думаешь?

– Звучит красиво. Болезненно красиво. Но картинка в голове все равно не сложится, пока не проведу пальцами по твоей коже. Так что не переживай.

Они еще немного поболтали на отвлеченные темы, посмеялись.

– Никогда бы не подумала, что огненный демон может быть таким простым и душевным парнем.

– Такое бывает не часто. Как-никак, у меня нет души. В основном я угрюмый монстр, от которого принято разбегаться в разные стороны.

– Они боятся твоей силы. Она невообразима для их жалкого скудного сознания. Зато тот, кто ее понимает, тебя не испугается.

Рем вопросительно поднял бровь и уголки губ, создавая еле уловимый образ хищного оскала.

– А что ты так смотришь? Ты рассудительный. Не безумный. Ты владеешь собой, довольно сдержан и практичен. Если не переходить тебе дорогу, не вредить, не угрожать, то смысла тебя бояться нет. А я предавать тебе не собираюсь. К тому же я не боюсь смерти. Это на крайний случай.

– Ты ошибаешься.

Он так и не пояснил, что конкретно имел в виду, а их разговор постепенно сошел на нет, и они легли спать.

ГЛАВА 6.

Рем проснулся достаточно рано, когда по небу еще только разливались первые лучи солнца, слабо освещая все вокруг. Он слышал ровное дыхание Амелии, лежавшей рядом с ним, ощущал ее доверие к нему в том, как крепок и спокоен был ее сон. Жаль он не мог позволить себе такой роскоши.

«Пусть спит, пока еще может. Лишние силы ей не помешают на арене».

Он аккуратно встал с пола, взял в руки свою обувь, чтобы не разбудить ее тяжелыми шагами, прошел на кухню. На столе все еще лежала пара черствых пряников, недоеденных ими вчера. Он взял один из них, достал из лежавшей там же на столе пачки сигарету, спички, накинул на плечи кожаный плащ и вышел на крыльцо, тихо затворив за собой дверь.

На улице стоял настолько сильный утренний туман, что Рем буквально мог ощущать его в каждом своем вдохе, чувствовать кожей. Холодный воздух бодрил и помогал проснуться его все еще уставшему и сонному организму. Ему больше не хотелось курить, и он убрал сигарету в карман брюк. Влажная осенняя погода, ощущение маленьких капель воды на лице лучше сигарет помогли ему найти в душе спокойствие и уверенность, столь необходимые для ежедневной борьбы со своим слабостями.

На крыльце Рем провел несколько часов, удобно устроив-

шись на верхних ступенях. По большей части, ему было не чем себя занять. Он не хотел покидать их маленькое убежище, пока его товарищ уязвимо отдыхает внутри, хотя необходимость в поиске оружия нарастала с каждым ударом стрелки часов. Особенно теперь, когда игроки получили дозволение убивать своих противников. Рем понимал, что послание от организаторов было только одно, и уж точно не написанное кровью на обороте листа. Его даже удивляло, как много участников поверило в чью-то уловку, попытку выиграть больше безопасного времени. Однако пару часов поиск может и подождать.

Амелия проснулась от приятного ощущения прохлады, окутывавшего ее тело. Ей не хотелось открывать глаза, воображение рисовало картинку, что она дома, в удобной кровати спит напротив открытого окна, из которого тянет этим приятным осенним воздухом. Только она была не дома, и чувство наслаждения резко сменилось тревогой. Она подскочила на месте, готовая драться с любым противником, который мог проникнуть в их убежище, впустив прохладу с улицы. Но прояснившись взглядом она увидела спокойно стоявшего на крыльце Рема, державшего своими длинными и изящными пальцами сигарету. Дверь была открыта нараспашку.

– Соня.

– Почему дверь открыта? – еще не окончательно успокоившись, недовольным голосом спросила Амелия.

– Свежий воздух, обычно, является хорошим способом

пробуждения. Но, видно, не для всех, – Рем выбросил докуренную сигарету и зашел внутрь, закрыв за собой дверь, – приводит себя в порядок, у нас много дел.

Когда Амелия, закончив с утренними гигиеническими процедурами, зашла на кухню, Рем уже успел приготовить кофе, аромат которого приятно наполнял пространство вокруг. Он скучающе сидел на стуле около стола, откинувшись на спинку, и вертя между пальцами, словно простую ручку, столовый нож. Ее немного позабавил подобный способ скоротать время. Обычно, люди стучат пальцем об стол или ногой по полу, а Рем просто решил поиграть с ножом. Ничего необычного. Всего лишь очередное утро в заброшенном городе, полном убийц.

Он протянул ей чашку кофе и начал разговор.

– Нам необходимо оружие. Этим, – и он демонстративно перестал крутить нож в руке, – можно лишь выколоть глаз, а острее я здесь больше ничего не нашел.

– Я заметила пару складов, когда обследовала территорию. Немного южнее отсюда. Там можно раздобыть разное холодное оружие. Но склады были открыты и у всех на виду. Уверена, организаторы специально поместили столько оружия и так явно. Очевидно, они хотят, чтобы участники устроили бойню.

– Вся западная часть, в которой мы сейчас находимся, состоит из районов малоэтажной застройки. Маловероятно, что здесь мы сможем найти большой выбор оружия. Скорее,

этот район рассчитан на поиски таких ресурсов, как еда, бинты, может быть даже лекарства. На севере, кроме арены, я также обнаружил несколько странных, не вписывающихся в общую обстановку зданий, но думаю, нам там делать будет нечего. На данном этапе.

– Южная часть – это одни сплошные высотные дома. Это тоже район больше для ночлега и поиска припасов. Но не оружия. Иначе бы участников не согнали туда изначально. Слишком большой соблазн убить кого-то, когда кругом разбросаны ножи.

– Ты говорила, на востоке много складских помещений.

– Да, но я не уверена, что там действительно можно найти что-то полезное. Надо выламывать двери и смотреть. В отличие от складов южнее нас, там все сокрыто лучше.

– Очевидно, что нас заманивают в определенное место. Я пойду туда один, ты будешь мешаться.

– Я могу помочь, – в ее голосе появилось напряжение и недовольство после его последнего замечания.

– Мне не нужна твоя помощь, – холодно ответил Рем.

– Почему ты так усердно выступишь этому? Мы ведь напарники. И мне тоже необходимо оружие.

Рем тяжело выдохнул. Его начинала раздражать настойчивость Амелии в вопросах, в которых у него было больше опыта и знаний. Он набрался терпения и продолжил:

– А теперь представь, что мы планируем обчистить склад с медицинским оборудованием, а не оружием. И задай этот

вопрос снова. Только вначале самой себе. Потом еще раз подумай, прежде чем задать мне его вновь. Ты вроде не глупая девочка.

Амелия внутренне крайне возмутилась его фразой и тем, как он холодно, равнодушно отчеканил свои слова, будто действительно разговаривал с недалеким человеком. А еще она ощущала смущение от своей явной глупости и зацикленности на мысли, что он считает ее слабой, поэтому не желает помощи. И она начинала злиться не только на него, но и на саму себя.

«Конечно, он разбирается в оружии гораздо лучше, чем я, и ему не составило бы труда собрать все необходимое быстрее, даже, несмотря на слепоту. И уверена, что он лучше мог бы подобрать мне оружие, чем я сама смогла бы. Как глупо. Я явно встала сегодня не с той ноги».

– Хорошо. Тогда пока ты разбираешься с оружием, я обыщу ближайшие дома. Вокруг никого нет.

– По рукам.

Заканчивая пить кофе, Амелия детально описала маршрут к этим складам с оружием, которые видела, Рем, внимательно выслушав, положил пару столовых ножей в карман своего кожаного плаща и направился к двери. Выходя на улицу, он бросил через плечо:

– Больше не ставь под сомнение мои действия. Я учитываю не только свои сильные стороны. Разве ты этого еще не поняла? – и ушел.

Девушка больше не злилась. Ей, как и ему, порой становилось тяжело выстраивать взаимоотношения с другими людьми, ведь она также провела свою жизнь рука об руку с одиночеством.

ГЛАВА 7.

Найти определенное здание по описанию, которое дал зрячий человек, для слепого представляло крайне непростую задачу. Если он считал шаги и запоминал каждый поворот, когда возвращался к конкретным строениям, то Амелия обращала внимание больше на ориентиры, нежели на расстояния и смены траекторий движения. Хотя надо отдать ей должное, она постаралась, насколько это было возможно, адаптировать свое описание маршрута для человека, который не сможет добраться туда тем же способом, что и она.

Рем двигался осторожно, напряженно вслушиваясь и подмечая все окружающие его звуки, но на улицах было спокойно. Слишком спокойно. Слишком тихо. Будто в этом старом городе не находилось никого, кроме него, будто никто так и не начал участвовать в игре.

«Насколько же вы все боитесь смерти, глупцы. Вы имели уже столько вариантов устранить сильных противников до того, как начнутся бои на арене. Вы упустили столько возможностей. Если до Вас только не начало доходить, что здесь можно построить вполне сносную для смертников жизнь».

Вскоре, он добрался до предполагаемого здания.

Для начала, Рем обошел его по периметру, убедился, что по конфигурации оно похоже на то длинное вытянутое строение, что описывала Амелия, проверил, сколько имеется

дверей, витрин, окон на нижнем этаже. И только после этого решил зайти внутрь.

«Все как она и говорила, дверь не заперта, витрина во всю стену, наверняка открывающая вид на то, что находится внутри».

На удивление, в здании никого не было. Рем не слышал ни единого шороха. Он прошел вглубь помещения, провел рукой по стеллажам, и широкая азартная улыбка растянулась на его лице.

«Вот теперь можно будет повеселиться, как следует».

Рем отыскал несколько прочных сумок и рюкзаков и начал поспешно собирать все возможное оружие, которое посчитал полезным: ножи различной формы и размера, сюрикэны, кинжалы, мачете, топоры, а также несколько длинных клинков, напоминавших сабли. Его тонкие пальцы умело скользили по металлу, с точностью определяя вид оружия, его состояние и пригодность для использования. Демон забрал все, что мог унести, и был чрезвычайно доволен собой. Там же, он нашел различные вариации кожаных ножен, предназначенных для ношения клинков на руках, ногах, поясе, торсе, которые сразу же надел на себя, хорошо вооружившись. Не забыл и про Амелию, подобрал и ей хорошую экипировку.

В то время как Рем уже заканчивал и собирался уходить, он услышал голоса двух мужчин, приближавшихся к зданию, и быстро скрылся за одним из стеллажей. Он жаждал кро-

ви. Желал сильнее, чем мог представить, но ему нужно было действовать аккуратно. Еще рано открыто и безрассудно бросаться в бой. Он дождался, когда мужчины окажутся на входе в здание и с поразительной точностью метнул два небольших боевых топора в их сторону. Это был лучший вариант для Рема. Узкий проход, точное расположение которого по отношению к его местонахождению он знал, сильный бросок, и от двух еще секунду назад живых противников остались лишь поверженные жертвы. Проходя мимо, он отрубил голову каждому из них, чтобы быть уверенным в фатальности ранений, вытащил топоры, вытер их от крови об одежду трупов и вышел из здания. Дорога до их дома больше не представляла для него сложности, поэтому добрался он довольно быстро.

После того, как Рем вышел за дверь, Амелия поднялась на второй этаж, желая закончить обследование их дома прежде, чем приступить к другим. Комнаты наверху были идентичны друг другу, в каждой находились двуспальная кровать, две тумбочки, платяной шкаф – довольно скудно. При более внимательном и детальном осмотре девушка обнаружила только дополнительное постельное белье, но зато теперь она была полностью уверена, что в доме ничего полезного не спрятано.

Спустившись вниз, она взяла с собой оставшиеся два столовых ножа и вышла на улицу. Свинцовое небо тяжело нависало над маленькими домиками, грозясь обрушиться вне-

запным ливнем. Но делать было нечего. Амелия разработала для себя план изучения территории, визуально начертив квадрат над их районом, и решила начать с дальних домов, постепенно приближаясь к их убежищу.

«Так я вернусь домой. Домой?».

Эта мысль настолько удивила ее, что она моментально решила отбросить ее подальше от себя.

«Вот еще. Это просто наше временное местонахождение».

Все дома в районе выглядели идентично: два этажа, светлый фасад, мутные окна и атмосфера пустоты, безжизненности. Примечательным было только их расположение по окружности, будто кольца на спиле дерева, одно вокруг другого. Обстановка внутри каждого дома, в который заходила девушка, и наполнение мебелью были тоже одинаковыми, такими же, как в их с Ремом убежище. Отличались лишь рисунки на стенах, цвета фурнитуры, если их можно было обнаружить после годов запустения. Поначалу, Амелия не придавала этому особого значения, но после десятого тревожность внутри нее начинала нарастать. Слишком схоже. Слишком сюрреалистично, будто этот город не настоящий и никогда таковым не являлся.

«Так странно, хотя не важно. Соберись. Сконцентрируйся. Ты тут не на экскурсии. Рем бы сказал также. Стоп... Его мнение меня не интересует».

Шкафы и ящики в каждом доме, однако, были наполнены разными ресурсами. В одних это были текстильные из-

делия, в других – медицинские. Редко, но встречалась еда. В основном консервы и черствые пряники с сухарями. К завершению вылазки Амелии удалось собрать целую корзину лекарственных вещей таких, как бинты, средства для обеззараживания, кровоостанавливающие и обезболивающие препараты, и рюкзак еды. Вернулась домой она незадолго до Рема.

Когда он уверенной поступью прошел в гостиную и бросил на пол две сумки и два рюкзака, полных оружия, она сразу обратила внимание на то, как изменился внешний вид ее напарника.

Все его тело было увешено ножами и портупейями различного вида с целым нательным арсеналом оружия. На его ногах в два ряда по окружности висели маленькие метательные клинки, сзади за пояс заткнуты два больших ножа с дугообразной формой лезвия, поверх футболки надеты портупейи тоже с маленькими ножами и сюрикэнами, на запястьях – средние ножи, а сбоку – длинный клинок в красивых черных ножнах.

Она невольно отметила про себя, что теперь Рем выглядел сами собой со всем этим набором холодного оружия. Сколько мальчиков, юношей и мужчин из касты солдат она видела за свою жизнь, но ни один из них не выглядел так естественно в образе машины для убийств, как Адремалех, словно не он создавался для владения оружием, а оружие было изобретено для него.

Но они были не просто солдатами. Тех, кто доживал до

двенадцати лет, помимо общего образования, начинали профессионально готовить к внешнеполитической карьере: учили тонкостям разведки, психологии, психиатрии, права, экономики, международной истории, культуре иных государств, тактике ведения боевых действий и многому другому. Дети почти не спали и не отдыхали, их держали на целом спектре стимуляторов. К совершеннолетию Адремалех в совершенстве владел двадцатью языками, а также всевозможными техническими и гуманитарными науками, был обучен правилам этикета, а также обладал поразительными навыками в «чтении» других людей по их мимике, жестам и прочим особенностям. Они не были солдатами. Он не был бездушной машиной для убийств, а искусным политиком и дипломатом, способным оторвать голову оппоненту голыми руками или вырезать целый город в одиночку. Адремалех владел всеми возможными видами холодного и огнестрельного оружия, а также огромным спектром тактик и способов ведения боя. Их выживало очень мало, из нескольких сотен новорожденных всего от десяти до двадцати человек доживало до совершеннолетия в двадцать один год и окончания обучения. А таких, как Адремалех, не выжило больше ни одного за все время. Его тело восприняло лучше всех свою модификацию, он являлся и единственным сыном нынешнего главы гильдии, а значит – должен был стать во главе не только своей касты, но и государства из тени. Его растили только с этой единственной целью, и он не знал иного смысла жизни. Ни-

кто никогда не спрашивал об их желаниях, лишь твердили, кем они должны быть и что делать. И так из года в год. Одни и те же слова, вбиваемые в разум детей.

Весь мир построен на одной сплошной жестокости. Но так ли это в действительности, как кажется со стороны? Да, определенно слишком бесчеловечно подвергать детей с самого юного возраста таким физическим страданиям, видеть смерть своих братьев, сестер, друзей снова и снова, засыпать и просыпаться с одной единственной мыслью – выживу ли я сегодня или окажусь в мешке для трупов. Но они другой жизни и не знали. У них никогда не было семьи, их никогда никто не любил, их создали, вырастили, дали возможность пройти через все испытания и обрести силу и власть. Их не спрашивали о желаниях и насаждали лишь одну единственную цель, но они о другом и не думали. Все очень просто, когда не с чем сравнивать, когда тебя держат в полной изоляции от образа жизни простых людей. Ты следуешь своей судьбе, какой бы она не была, принимая ее, как нечто само собой разумеющееся, словно все именно так и должно происходить.

Он вырос, занял свое место в жизни, в государственном устройстве, и, несмотря на все пережитые страдания ради защиты и управления людьми, которые даже не знают ничего об этом, ему никогда не доставляли удовольствия чужие страдания, чужая боль. Адремалеху это было безразлично. Люди наслаждаются горем других, когда в их душе зияет

необъятная пустота. Они пытаются ее заполнить, стараются убедить себя, что если остальным будет хуже, чем им самим, то обязательно станет легче, боль отступит, и они излечатся. У Адремалеха не ощущал в душе подобной пустоты. У него был смысл жизни, и он реализовывал свой потенциал ради него. Все, что ему довелось пережить, было лишь средством достижения цели, и он ее достиг. Необходимые жертвы ради удовлетворительного конечного результата. Рем никогда не считал себя мучеником, вовсе нет, но знал цену силе и власти. Юноша, обративший собственную боль не против мира, а на попытку сделать его справедливее. Он не видел смысла в жестокости и унижении тех, кто оказался ниже него по статусу, ведь люди, зажатые рамками системы и распоряжениями главенствующих в ней людей, не виноваты в ненависти, столь долго взращиваемой к таким, как он. Когда это произошло? Почему две высшие касты с таким рвением готовы разорвать друг друга? Позже он понял истинную причину. Правда была куда более жестокой, чем он мог себе вообразить, а о кровожадности он знал не понаслышке. Но даже тогда он постарался сделать тот выбор, на который не решился никто до него. Расплатой за чужое безумие стало обретение своего собственного.

Через два года после того, как Адремалех потерял зрение, он начал убивать ради удовольствия. Пустота в душе стала настолько огромной, что в какой-то момент он понял – души то больше нет, остались лишь переполняющие его боль,

отчаяние, безысходность. И он утонул в них.

Первые два года Адремалех провел в забвении. Он пил, да так, что терял сознание в этом количестве алкоголя, принимал наркотики, пока не нашел кайф иного вида. Бывший глава продолжал пить, перестал принимать наркотики и начал убивать. Жестоко. Долго. Мучительно умирали его жертвы, он купался в крови, слушал их крики, это помогало ненадолго унять собственную боль. Он стал тем, кем его всегда видели окружающие – монстром. Но никто не осмеливался бросить ему вызов, устранить. Как Адремалех хотел, чтобы кто-то зашел в дом и застрелил его. Тогда бы он обрел, наконец-то, покой.

Столько раз он сидел с пистолетом у виска или с лезвием у запястья, но не мог. Пуля в голову решила бы проблему, но ему не хватило не духа. Лезвие манило сильнее, и однажды он вскрыл себе вены, однако не смог отпустить нить жизни, зашил раны, пришел в себя. Он сам до конца даже не понимал, почему не может этого сделать, ведь его желание умереть было искренним. Неведомая сила не давала ему спустить курок, словно шепот в тишине, раздающийся из тени, из самой тьмы. В такие минуты он сидел в комнате на полу в темноте, держал пистолет у виска, его рука дрожала, а по щекам катились слезы. Он чувствовал всю безнадежность своей жизни, беспомощность и обреченность, но не мог нажать на курок. Адремалех слишком сильно не хотел умирать *Так*, хотя и не мог признаться себе в этом.

Амелия стояла и смотрела на Рема, не находя слов. За эти дни, проведенные вместе, она забыла, что на самом деле представляет собой он. Как ужасен его потенциал убийцы. Но она не боялась. Не потому что изучала его досье, и не из-за того, что в этом городе они успели сблизиться, как настоящие товарищи. Нет. Она видела в его душе печаль. Она знала, что это такое, быть, словно пригвожденным к одному месту, без выбора, без возможности что-либо изменить. Он должен был стать тем, кем является, так же, как и она. В итоге, ни один из них так и не достиг необходимого итога. Долгий путь, пройденный напрасно.

– Ты безумно рада видеть, что мы теперь при оружии, или напилась таблеток, которые нашла, и ушла в нирвану? Очнись.

– Как прошла вылазка? Судя по всему, просто прекрасно? – придя в себя, быстро попыталась сменить тему Амелия.

– Да, замечательно. У нас теперь есть все необходимое.

– Там никого не было?

– Я убил двоих. Больше ни души не встретил.

– Кажется, мы успели вовремя добраться до этих складов.

– Нашла что-нибудь полезное?

– Да, в основном лекарства и еду. Не много, но на первое время, хватит. Во многих домах есть тайники, в них спрятаны, как правило, полезные вещи. Думаю, это подарок от организаторов для внимательных участников.

– Скорее всего. Нам необходимо заявить о своей территории, установить границы.

– Хорошая идея. Но не сложно ли будет удерживать ее под контролем?

– Только поначалу. Не каждый рискнет бросить вызов демону на его же земле. Страх – полезная и крайне удобная штука.

– С чего начнем?

– В перспективе – весь район. Но сейчас, пожалуй, остановимся на квадрате по пять кварталов в каждую сторону от этого дома. Далее, будем расширяться.

– Это уже не маленькая территория. Но я тебе доверяю.

– Конечно, доверяешь. Это же мне придется ее удерживать, – без тени упрёка произнес он тихим, спокойным голосом.

– Ты сам хотел распределение обязанностей в соответствии со способностями, – припомнила ему Амелия утреннюю беседу.

Рем лишь ухмыльнулся в ответ:

– Пойдем. Вечереет рано, нам нужно успеть закончить.

Они обошли по периметру их предполагаемую территорию, очертили линию вокруг нескольких домов, натянули веревку. По дороге им встретился перепуганный бедняга, который явно хотел уйти как можно дальше от происходящего в соседнем районе, но выбрал неудачный путь. Увидев Рема, юноша сразу понял, что для него игра уже закончилась. Аме-

лия видела это в его глазах – принятие судьбы приговоренного к смерти человека, над головой которого уже занесли топор. И она заметила хищный оскал Рема. Его неспешный шаг по направлению к юноше, который остался стоять на месте, готовый умереть. Это не было похоже ни на охоту, ни на сражение. Скорее на мучение. Рем упивался страхом своей жертвы, ее покорностью и, лишь насытившись, свернул бедняге шею голыми руками. Он не стал его мучить физически и подарил быструю и легкую смерть.

Расправившись с незванным гостем, они продолжили работу: забили два кола, на которые насадили труп. Нагнали мрачности и драматизма. Попытались воссоздать образ логова чудовища. Они не строили иллюзий, что увидев границу, за ее пределы никто не зайдет, но явность послания, некое предупреждение были необходимы, чтобы оправдать свои действия.

Они вернулись в убежище на закате.

Пока что все шло слишком хорошо. Пока что.

ГЛАВА 8.

К тому моменту, как они оба закончили приводить себя в порядок, на улицу уже опустилась ночь. Амелия расставила вокруг их привычного места отдыха несколько свечей, зажгла их, и дом наполнился приятным теплым светом и аромат плавящегося медового воска. Ей доставляло особенное удовольствие наблюдать, как блики от огня играют на бледном лице Рема, как освещают капельки воды, стекающие с его огненных волос. Ей нравились его шрамы. Они напоминали о том, через что ему пришлось пройти в детстве, напоминали о жестокости, от которой она старалась убежать, но так и не смогла, напоминали об их общем прошлом в лаборатории. Порой, Амелия ловила себя на мысли, что хочет провести рукой по его шрамам, прикоснуться к его сильному телу, что создавалось годами, дотронуться до его чудесных волос.

Рем любил сидеть на полу. Эта привычка осталась у него еще с детства, когда в пустой белой комнате посреди ночи, когда никто не наблюдал, он спускался с кровати, и всматривался в темноту. Раньше демон не мог и представить, что черная ночь станет его единственным спутником вплоть до последнего вздоха.

Рему нравилось ощущение комфорта, что царило в их заброшенном доме и удивляло, как легко он мог позволить се-

бе сидеть наполовину раздетым, не беспокоясь о том, что кто-то видит его шрамы, его изъязны.

«Она знает и о большем».

Рем уже собрался одеться и выйти на улицу, поднялся со своего места, как сзади к нему подошла Амелия, обвила руки вокруг шеи и прислонила к его телу холодную бутылку.

– У меня есть для тебя кое-что интересное, – веселым голосом сказала она.

Рем взял бутылку в руки, развернулся к Амелии лицом, и не мог до конца определиться, хочет он ее ударить этой бутылкой или просто убить медленно и мучительно.

Но ему нравилось, как она умеет ходить на грани. На грани жалости и понимания. На грани интриги. На грани опасности. На грани предательства. Его восхищала и привлекала эта ее черта. И его пугало, с какой легкостью он мог позволить с ним играть. Как далеко он позволял ей зайти. Он никогда и никому не дал бы и шанса поднести нож к его горлу. И она прошла по грани. Возможно, еще мгновение, и девушка оказалась бы мертва, или в лучшем случае, без сознания.

Амелия понимала, что значит подойти к слепому солдату со спины и закинуть руки вокруг его шеи. Но ей было интересно. Неуемная жажда жгла ее изнутри.

«Насколько много он знает? Насколько сильно он меня ненавидит?».

Амелия была практически уверена, что сейчас окажется на полу, корчась от боли и жалея о своей глупой выходке.

Но он не стал защищаться. Она чувствовала его напряжение, когда подошла сзади, ощущала его готовность нанести удар, и в этом было нечто притягательное. Его выдержка и самоконтроль в очередной раз поразили ее.

– Никогда больше так не делай, если хочешь жить, – твердо отчеканив каждое слово, произнес Рем.

– Я нашла сегодня в одном из тайников бутылку вина.

Он резким движением оказался за ее спиной, заведя руку за шею, с усилием прижимая к себе, и начал душить. Не сильно. Лишь для устрашения.

– Я могу хоть сейчас сломать твою шею.

– Я не боюсь смерти, я уже говорила об этом.

Рем ослабил руку, обхватил ее плечи и развернул к себе лицом. На его лице играла азартная улыбка.

– Это ты сейчас так говоришь.

Он поднял с пола упавшую бутылку, открыл ее, сделал первый глоток и передал Амелии.

Они сели друг напротив друга на полу, и по очереди обменивались бутылкой.

– Ты удивляешь меня, – прервав тишину, тихо произнес Рем.

– Это не единственное, что я приготовила для нас на сегодня.

– Мне стоит опасаться или в этот раз ты просто расскажешь, прежде чем что-либо предпринять?

– Я же нашла магнитофон и кассеты с музыкой. Совсем

забыла о них, пока мы тут выясняли, кто круче.

– И к какому выводу мы пришли?

– Что мне следует пойти за магнитофоном.

Амелия побежала за обещанным, вставила кассету. Старая коробочка надрывно затарахтела, а потом полилась музыка. Она была с рок-н-роллом.

– Не хочешь потанцевать? – спустя пару песен предложил демон.

– Еще спрашиваешь?

Рем поднялся с пола, демонстративно подал руку Амелии, она, не сопротивляясь, грациозно приняла его предложение и позволила увести себя к центру комнаты. Они начали безудержно танцевать под зажигательные ритмы.

Рем двигался довольно умело и ловко. Он, буквально, слился с музыкой, с ее ритмом, позволил захлестнуть себя этой волной давно забытых ощущений. Он всегда любил музыку. С самого детства она дарила ему столь желанные минуты вдали от реальности, увлекала в иной мир, знакомый и таинственный, полный чувств, которые он не мог себе позволить, открывая глаза поутру. Редкие моменты удовольствия в ослепительно белой пустоте. Лишившись зрения, музыка для него стала звучать иначе: сильнее, выразительнее, он чувствовал ее кожей, но больше не мог терпеть передаваемые ей эмоции – стало слишком больно. Но не сегодня. В этот вечер он вновь чувствовал себя свободным. Держа Амелию за руку, кружа в вихре танца, ему больше не

приходилось притворяться, что он лишь сторонний наблюдатель, отчаянно желающий влиться в кипящую жизнь. Его воображаемые эмоции стали реальными, словно он оказался спустя столько лет по другую сторону стекла, разделявшего два разных мира.

Амелия следовала за Ремом. Ей нравились его уверенные движения, умение вести партнера за собой, крепкие руки, что кружили в такт музыке, заставляя полностью подчиниться этому безумию и наслаждаться каждым моментом, не думая, куда следует сделать следующий шаг. В ее мире музыки всегда было достаточно, даже слишком. Она не вызывала эмоций, просто звучала. День ото дня. Скрипка, фортепьяно, виолончель и еще множество других инструментов. Для ее статуса было положено слушать исключительно классические мелодии, а они ее сильно утомляли. Сегодня Амелия ощущала приятное волнение, а не привычную скуку, заражаясь энтузиазмом Рема. И эти чувства ей были в новинку. А ему казались необходимыми.

Десяток песен спустя они решили вернуться обратно на свои места, причем падая на пол Рем немного толкнул Амелию так, что она потеряла равновесие и пролетела мимо одеял. Они вновь развернулись друг к другу и рассмеялись. Напряжение полностью ушло. Амелия все пыталась отдышаться, дыхание Рема же совершенно не участилось, будто он все время сидел на месте. Она сползла на пол, перевернулась на спину и положила голову ему на колени. Демон вопроситель-

но поднял бровь.

– Ты совсем не устал?

– Ты забыла, что мы сегодня отдыхаем, а не устаем?

Амелия слегка пнула Рема локтем под ребро.

– Щекотно, – улыбнулся он.

– Эта ночь ведь скоро уже закончится, и так весело нам уже не будет?

– Я не помню, чтобы вообще когда-либо так веселился, особенно в последние годы.

Амелия поняла, что расспрашивать не стоит. Правильно сделала.

Вскоре они решили, что настало время наводить порядок и хотя бы немного попытаться поспать перед началом нового дня.

ГЛАВА 9.

Ночь прошла тихо и спокойно, и они оба позволили себе отдохнуть практически до обеда.

Амелия проснулась немного раньше, чем Рем, но не стала его будить, решив дать возможность отдохнуть, ведь ему это так редко удавалось. Она смотрела на его спокойное расслабленное лицо, ощущала ровное дыхание. Сложно было представить, что этот лежавший рядом молодой парень и огненный демон – один и тот же человек. Он выглядел таким уязвимым и хрупким без своего тяжелого взгляда, без своей уверенной осанки, что Амелия невольно вспомнила, каким он был раньше.

Рем обладал слишком чутким сном. Это не было его особенностью, скорее жизненно необходимым и приобретенным навыком. Он проснулся вскоре после Амелии, почувствовав на себе ее внимательный взгляд, хотя она и старалась не разбудить его.

«С чего бы такая забота? Хотя не важно». Но внутри Рема проскользнуло приятное осознание, что кто-то готов ради него терпеть неудобства, может даже если это и произошло неосознанно.

– Стоило разбудить меня сразу.

– Это было не к чему.

Солнце уже высоко поднялось над горизонтом. Они сиде-

ли на кухне и пили кофе с очередными черствыми сухарями, которые смогла раздобыть Амелия в одном из домов. В комнате повисло напряжение. Тревога. Одно дело сражаться с другими людьми на тех условиях, которые диктуют обстоятельства, и другое – когда их задают организаторы. Рем был уверен, что завтра на арене для него будет подготовлено не простое сражение. И для Амелии, возможно, тоже.

– Могу я попросить тебя об услуге? – нарушила молчание Амелия.

– Можешь. Но у всего есть своя цена.

– Завтра начнутся бои. Помогите мне подготовиться. Пожалуйста. Неужели мы не сочтемся в цене за такую небольшую просьбу?

– Сочтемся, – и по его лицу растянулась хитрая улыбка.

Они вышли на улицу. Рем заранее отобрал специально для Амелии оружие, наиболее подходящее ее возможностям и навыкам, в отдельную сумку, которую сейчас и захватил с собой. Она его об этом не просила, однако этого было и не нужно. Он знал, что ей требуется помощь, и на свое собственное удивление готов был ее предоставить без лишних условий. Ему даже стало приятно от возникшей возможности поделиться крупницей тайн своего ремесла, в котором ему не было равных.

«Но чему ты можешь ее научить за день? Тебя пытали и тренировали одновременно и слишком много лет, и ей чтобы усвоить хотя бы азы потребуется не одна неделя. Ты даже

не знаешь, сможешь ли научить кого-то, не покалечив при этом, как это делали с тобой. А ей ведь так легко сломать кости, они такие тонкие и хрупкие, одно неверное движение, и оставишь ее без руки, если увлечешься процессом».

Рем на самом деле не сомневался в контроле над собственной силой, и допускал лишь с малой вероятностью, что может причинить Амелии увечья случайно. Но ситуации бывают разными, а ему не хотелось навредить своему другу.

«Другу? Компаньону» – мысленно поправил себя он.

Рем не знал настоящей дружбы, жизнь не предоставила ему такой возможности. Он мог лишь абстрактно представлять по изученным книгам, какова она. И это всегда звучало чуждо. Но даже в статичном мире не бывает ничего абсолютного и неизменного. Даже если они еще не осознали этого.

– Выбирай, с чего хочешь начать.

Амелия вытащила из сумки пару внушительных ножей по одному в каждую руку, и приготовилась защищаться.

– Таааак. Нет. Давай начнем иначе. Ты вообще умеешь драться? Хоть как-то? – прервал ее Рем.

– Я брала уроки, – уверенно ответила она.

«Пока жила в клетке», – мысленно добавила она.

– Тогда положи ножи, и посмотрим, что ты умеешь. Особенно в защите.

– Я же не буду на соперников нападать с голыми руками.

Рем не стал дожидаться, пока она закончит свою фразу, одним быстрым движением присел, вытянул ногу, провер-

нулся на месте, и сбил Амелию на землю.

– А зря. Произойти может что угодно. В том числе и внезапно, – и он протянул ей руку, чтобы помочь встать. Девушка не стала отвергать помощь.

– Ты не должна полагаться исключительно на оружие, которое даже не умеешь правильно держать в руке. Бессмысленные атаки не помогут победить. Если ты уверена в обратном, то бери свои ножи и нападай. Посмотрим, что из этого выйдет.

– Мне не победить, это очевидно. К чему фарс.

– Ты просила помочь. Я помогаю. А теперь бери ножи и делай то, что считаешь нужным для победы. Чтобы тебя чему-то научить, мне нужно понимать, что ты умеешь.

Амелия подобрала свои клинки, приняла боевую стойку и заняла оборонительную позицию. Рем ухмыльнулся и начал двигаться вперед, беря на себя роль нападающего.

«Раз хочешь находиться в защите. Хорошо. Посмотрим, что ты можешь».

Он начал ходить по кругу, заставляя ее отступать по нужной ему траектории. Поначалу он хотел поиграть с ней, загнать в угол и одержать быструю победу, но решил, что толку от этого будет мало, поэтому решил просто идти вперед, вынуждая ее либо отступать, либо нападать.

«Ты должна научиться выдерживать тактику. Либо быстро менять ее, исходя из обстоятельств. Нападай». И она сделала все в точности, как он и хотел.

Амелия стала размахивать ножами, стараясь достать до Рема, но он каждый раз уклонялся так, словно в точности знал, куда она хочет нанести удар. Их битва скорее напоминала танец, в котором Рем вел Амелию, не совершая при этом ни единого удара, лишь уклоняясь в нужную сторону, заставляя ее следовать за собой. Ей не удавалось перехватить инициативу или загнать его в угол, чего она добивалась изначально, активно наступая в его сторону. Каждый раз он избегал не только ее ножей, но и неправильного направления движения.

«Поняла все-таки, что я делаю», и Рем в очередной раз, увернувшись от ножа, скользнул под ее руку, провел по ней своими пальцами, схватил за запястье, и тут же перехватив другую руку, прижал второй нож к ее телу. И бой закончился так же быстро, как и начался. Для него это была всего лишь игра. И завершил он ее эффектно, как и ожидалось от человека, половину своей жизни сражавшегося напоказ.

И вот, Рем стоит за спиной Амелии, левой рукой крепко прижимая к себе все ее тело, а правой рукой, в которой она продолжает держать нож, кончиком лезвия упирающегося в горло, а своим корпусом крепко зажимает между их телами ее заломленную руку, которую дополнительно удерживает правой. В настоящем бою такое шоу было бы не уместно. В настоящем бою он сломал бы ее правое запястье, и, вырвав нож, заколол бы в спину. Мгновение, и все кончено. И для него это всего лишь игра.

Амелия тяжело дышала, устав от активного нападения, и даже не пыталась вырваться.

– Я..все..поняла..пусти, – не успевая переводить дыхание произнесла она.

Рем наклонил голову к Амелии, практически прислонившись своей щекой к ее, и прошептал:

– А теперь будем делать по-моему, – и отпустил ее.

– Ты хотела загнать меня в угол, но не заметила, как я сам начал водить тебя кругами, выматывая, сбивая с толку. Твоя самая большая ошибка в бездумном использовании оружия, для которого у тебя не хватает навыков. Ты слишком быстро утомила себя бесполезными ударами, в которые еще и пыталась вложить много силы. Вторая ошибка, ты позволила сбить тебя с твоей первоначальной тактики, и стала подстраиваться под чужую. Никогда не подстраивайся под соперника просто так. Ты можешь изменить свою тактику, но не позволяй противнику определять ее. Думай. Старайся быть хотя бы на шаг впереди.

– Мой проигрыш был предопределен. Но не стоило делать его таким театральным.

– Так не интересно. Но если хочешь, чтобы я чему-то тебя научил, слушай, что я говорю. Я же не просто так тут стою и сотрясаю воздух.

– Прости.

– Продолжим?

– Да, конечно.

– Пока ты не научишься драться на близкой дистанции, тебе следует использовать удлиненное оружие. Например, мачете. Это средний между полноценной саблей или иного рода длинным холодным оружием и ножом клинок. С ним тебе проще будет держать дистанцию с противником. Скорость твоей реакции не позволяет на данном этапе держать близкую дистанцию, ты будешь пропускать много ударов, что станет фатальным в итоге. Средняя дистанция поможет тебе эффективнее уклоняться, продумывать свои следующие шаги.

– Мачете? Не думала об этом. Это тяжелое оружие. Им не получится нанести много ударов.

– Тебе не нужно размахивать им в разные стороны. Необходимо сделать несколько точных ударов. Используй рубящий эффект клинка. Делай удар с замахом, – и он стал за спиной Амелии, взял ее правую руку, в которой она держала мачете, – расслабься, доверься мне, – взял ее вторую руку и прижал к груди, – пока пользуешься одним оружием, держи руку так. Лучше, если тебе рассекут ее, чем грудную клетку, и, на первых этапах, она не будет тебе мешаться. Второй рукой, – и он вложил ее ладонь в свою, – делай размашистые удары. Не забывай использовать иные приемы. Ты дерешься не только за счет одного лишь оружия. Ты можешь при удачном раскладе оттолкнуть противника ногой, ударив его в солнечное сплетение, и, тем самым, выбив из равновесия, нанести всего один, но победный удар.

Амелия повернула голову к Рему, все еще оставаясь в его сильных руках:

– Спасибо.

Она действительно была ему благодарна. Рем относился к ней терпеливо, с пониманием, которого никогда не проявляли по отношению к нему самому. Амелия знала, что ему трудно. Трудно найти правильный подход. Трудно выбрать, с чего начать и чему обучить. Трудно все время обуздывать свою силу, держать ее под тотальным контролем. Трудно помогать человеку, которого должен ненавидеть.

– Мы только начали, – он ей улыбнулся и отошел в сторону.

Они провели так целый день. Рем показывал Амелии различные приемы, рассказывал тактики, которых ей стоило бы придерживаться, а она с рвением прислушивалась и пыталась уяснить как можно больше. Из Рема вышел хороший учитель. И он не нанес ей ни одного удара. А из Амелии – усидчивый и старательный ученик. При этом, все время она дралась всерьез и так, будто на кону стоит ее жизнь. Рему нравилось ее отношение. Ему льстило, что Амелия даже не задумывалась о том, что может ранить его. Не допускала и мысли, что может победить.

К закату солнца они уже изрядно утомились, даже Рем, хотя подобные нагрузки были для него привычным делом. Он и сам не заметил, как отдался их занятиям целиком, погружившись с головой в процесс обучения. Ощущение нуж-

ности и важности, а также мимолетная мысль о том, что он способен не только убивать, подарили ему, хотя и кратковременное, мгновение радости, целостности, словно в его жизни может появиться однажды и другой ее смысл.

– Спасибо. Ты по-настоящему помог мне сегодня. Это ценно для меня. Теперь боюсь, что уплатить стоимость твоих услуг мне будет не по карману сегодня.

Амелия села напротив Рема за их кухонным столом. На ней была удобная одежда: широкая серая футболка на два размера больше и тянущиеся облегающие черные штаны на резинке, на голове полотенце. Рем же был одет в черные зауженные джинсы и полностью расстегнутую фланелевую рубашку в темно зеленую клеточку. Он пил чай, когда подошла Амелия. Конечно, он заварил напиток и на нее, заранее поставив обе кружки на стол.

– Мои услуги дорого стоят, – и демон улыбнулся одной из своих самых хитрых и азартных улыбок.

– И чего же ты хочешь?

– Сегодня я не отвечу тебе на этот вопрос.

– Значит так?

– Однажды настанет час платить.

– Учитывая, что завтра меня могут убить, сделка вполне приемлемая.

– Нам нужно отдохнуть.

– Согласна.

Эту ночь они провели порознь. Рем практически не спал

и большую часть времени уделил подготовке к завтрашнему дню. Он сидел на лестнице на второй этаж и пришивал к своему кожаному плащу с внутренней стороны крепления для ножей различной формы и размеров. Демон явно ощущал себя комфортнее с большим запасом оружия, подходящим под самые различные ситуации.

Амелия пыталась уснуть, но сон ее был тревожным, прерывистым, она постоянно просыпалась и ощущала, что Рема все еще нет рядом. Чувство одиночества завладело ими обоими в эту ночь, хотя они и не были одни. Мрачное предчувствие и тяжелое ожидание начала настоящей игры давило и на нее. Но она сомневалась, что их двоих так просто устранят уже на первом показном сражении.

«К чему тогда затевался весь этот спектакль? Постановка без двух главных героев не будет стоить потраченного времени и средств». Но она и не была уверена в легкости завтрашних испытаний.

Она слышала, как Рем закончил модифицировать свой плащ, и знала, что его пустые глаза сейчас устремлены в ее сторону. Ее не пугала его возникшая мрачность и отчужденность. Ее не страшило, с какой легкостью он способен ее убить.

«Я вижу, как ему больно. Я ощущаю его желание и потребность быть понятым. Его несчастная душа столько страдала, как и моя. В этом у нас много общего. Его тоска наполняет воздух вокруг, сливаясь с моей собственной. Я вижу это в

жестах, в пустом взгляде, даже в том, как он сейчас сидит на лестнице, позволяя одиночеству победить. Как долго человек может прожить без смысла своей жизни? Как долго мы сможем с ним играть в эту игру и ходить вокруг да около? Как бы я хотела просто подойти к нему сейчас, сесть рядом, взять за руку и открыть правду. Сказать это вслух. Сказать, что я знаю. Я все знаю. Я все помню. Без жалости. Без лишних слов. Но он не позволит мне. Никогда».

ГЛАВА 10.

Это утро для них наступило рано. Сон все еще отказывался прийти и подарить кратковременный покой, и каждый из них не хотел дальше продолжать бесцельно проводить время, не зная, чем себя занять.

– Нам стоило отдохнуть, а в итоге мы всю ночь просидели, уставившись в пустоту.

– Отдых бывает разным. Порой человеку необходимо провести время в тишине, обдумать все, привести мысли в порядок. Это тоже можно назвать своего рода отдыхом.

– Отсутствие сна благотворно не сказывалось еще ни на ком.

– Тебе не стоит тревожиться. Не сегодня.

– Ты прав. Но психика человека та еще штука. Ей не объяснишь так просто, что все будет хорошо.

– Соберись.

Амелия сидела на полу, положив голову на колени, не желая шевелиться и покидать их маленькое убежище. Им ведь так хорошо было вместе. В этой прекрасной атмосфере. Но они лишь заложники сумасшедшей фантазии организаторов, как всегда вынужденные подчиниться всем ее прихотям.

Они по очереди взбодрились холодной водой, которая помогла прогнать следы усталости и сонливости, выпили по-

следний оставшийся кофе и начали готовиться к предстоящей битве. Рем вооружился привычным арсеналом всего оружия, которое только мог уместить в пределах своей одежды, Амелия повесила на пояс мачете, несколько маленьких метательных топоров и пару запасных ножей на непредвиденный случай.

На улице шел дождь. Даже природе не нравилось начало игры. Рем и Амелия медленно шли по направлению к арене. Около девяти утра. Рано для начала привычной жизни, но к назначенному месту уже успело стянуться значительное количество людей. Никто не осмелился преградить путь огненному демону, освобождая дорогу и лучшие места у ограждения, на котором уже висело первое объявление: состав участников на сегодня, их очередность, распределение по парам, а также основные правила:

Во время боя запрещается выходить за пределы арены;

Бой оканчивается только смертью оппонента.

Использовать можно исключительно холодное оружие.

Амелия быстро зачитала для Рема условия игры и перешла к оглашению списка участников.

– Первым дерешься ты. За следом я. Но у тебя не стоит противника. Только у тебя одного. У меня противник женщина. После состоится еще сто девяносто восемь боев. Остальные завтра и так далее, пока состав участников не уменьшится вдвое. Сколько же нас всего?

– Думаю, нам об этом еще скажут. И, кажется, я знаю, с

кем мне придется сражаться.

– Не с самим собой же?

– С моими ночными кошмарами.

Они не успели договорить, как заревела сирена, означающая открытие сегодняшних боев. Из динамиков хриплым голосом огласили правила, написанные в объявлении. Не больше, не меньше.

«...Остальная информация будет донесена до Вас позднее.

Адремалех, бывший глава гильдии солдат, тебе выпала честь открыть первые сражения на арене. Памятное событие в памятном городе».

Рем перепрыгнул через ограждения, не проронив ни слова.

«Быстрее начнем, быстрее закончим».

Его бой продлился недолго. Против Рема сражались всего три боевые машины, с помощью которых его тренировали в юношестве. Он знал их механики, помнил, как легче всего одержать победу. Слишком легкая победа. В тот момент, когда он услышал знакомый звук работающих двигателей устройств, выезжающих на арену, он уже победил. Рем побежал на звук первой машины, найдя посередине двух других, запрыгнул ей на спину и отрубил саблей голову. Со вторым ему пришлось повозиться дольше, чем с первым, ведь теперь приходилось отбиваться сразу от обеих машин. Они пытались зажать его между собой, не оставив возмож-

ности поддерживать защиту со всех сторон, но им этого не удалось. Отступая в нужном ему направлении, Рем подгадал момент и подставил под удар вместо себя второго робота, выведя его, таким образом, из строя. Для третьего не оставалось ни шанса. Демон сделал высокий прыжок, перевернулся в воздухе и, оказавшись ровно за спиной машины, оторвал ей голову голыми руками.

Бой был окончен. Слишком просто. Слишком легко. Но в толпе тихо перешептывались. Огненный демон только что одолел три боевые машины, выглядящие как металлические люди, нодвигающиеся в разы быстрее, наносящие удары сильнее и точнее, и не получил даже царапины.

Рему не нравилось то, насколько легким затеяли этот первый показательный бой организаторы. Если бы ему дали живых людей, он смог бы устроить более внушительное представление. Но сейчас... Он опасался того, что будет ждать впереди. Ведь ему сохранили жизнь не просто так. Какие же унижения подготовлены для него? Амелия тоже осознавала это.

Настал ее черед выходить на арену. Рем только что перепрыгнул обратно через ограждение и успел ее ободряюще хлопнуть по плечу, как зазвучала новая сирена. Она уже не была такой громкой, как первая, но нагнетала обстановку сильнее.

Амелия вышла в центр арены. Место напротив заняла неизвестная ей девушка. Молодая. Не старше двадцати лет. При себе у нее совсем не было оружия. Амелия заняла пози-

цию, которую ей показывал Рем, взяла клинок, вспоминая, как он держал ее за руку и направлял лезвие в нужную сторону. Девушка стремительно побежала прямо на нее. И этот бой тоже не продлился долго. Победить безоружного оказалось слишком легкой задачей. Амелия занесла оружие и сделала один точный удар по касательной от правой ноги до середины грудной клетки. Девушка упала на землю, корчась от боли, пытаясь зажать раны, из которых бежала кровь.

«Лишь один может выжить».

Амелия подошла к девушке и перерезала ей горло.

«Нам сохранили жизни сегодня, чтобы мы умерли в агонии завтра. Как предсказуемо, отец».

Амелия вернулась к Рему, и они плечом к плечу покинули арену.

Всю дорогу до дома товарищи молчали, и лишь когда зашли внутрь, тишину прервала Амелия.

– Это было слишком просто. Слишком. Я догадывалась, что сегодня нам точно оставят наши жизни, но чтобы *так*... Как это понимать? Нам просто дали на убой противников. Для тебя даже живых людей пожалели.

– Успокойся. Мне сегодня не дали утвердить свой авторитет. Я слышал в шепоте толпы разочарование. Если меня будут меньше бояться, у нас появится больше проблем. Тебе же просто дали овечку на убой, чтобы ты хладнокровно забрала ее жизнь и не пострадала сама.

– Меня не вывести из себя такой ерундой.

– Да ну? Это же твой первый?

– Смотря, о чем ты говоришь. Я убивала раньше.

– Но не так.

– Не так.

Он взял ее за руки. Они слегка дрожали. Амелия попыталась вырваться, но Рем не позволил.

– Не переживай. Это пройдет. Дальше будет легче.

Он отпустил ее и вышел на крыльцо. Вскоре девушка присоединилась к нему и протянула сигарету.

– Сколько на твоём счету?

– Слишком много.

– Памятный город? Не хотела спрашивать, но не могу удержать свой исследовательский разум под контролем. Расскажешь?

– Здесь нет ничего, что заслуживало бы особого внимания.

– И все же?

– Город выглядит ужасно, будто с исчезновения минуло больше столетия, но это не так. Лишь образ. Пятнадцать лет назад я убил всех жителей. Мне было тринадцать.

– Вас не выпускают выполнять полевые задания так рано.

– В этом и суть. Мне нужно было лишь нажать на кнопку и пустить газ.

– В чем обвинялась каста, журналистов, ты говорил?

– Ни в чем. Это были невинные граждане, если люди в целом могут таковыми быть. Приказы должны выполняться

без лишних вопросов.

– Это не типично для тренировки.

– Я совершал поступки и хуже. Не был согласен с этим решением. Я не хотел нажимать на кнопку, не узнав обстоятельств. В этом моя проблема. Непокорность, которой не должно быть. Но я сделал вид, что у меня нет вопросов, и приговорил город к смерти. И нет. Я не жалею и не испытываю вины. Да, это было не правильно. Но что вообще справедливого есть в нашем мире?

– Я не говорила, что осуждаю.

– Я же говорил – ничего особенного. Марк просто любит напоминать мне об этом, и все.

Амелия не стала отвечать. Они курили и смотрели на дождь, пока он не смыл с них горькое чувство разочарования, что принес этот день.

– Тебе стоит немного поспать. Нам нужно многое успеть сделать до завтрашнего дня.

– Тебе тоже.

– Позднее.

Стоило Амелии опустить голову на подушку, как она провалилась в сон.

Рем, тем временем, поднялся на второй этаж, разложил на одной из кроватей оружие и принялся приводить его в порядок. Он внимательно ощупывал каждый клинок, оценивая его готовность к использованию, затачивал лезвия и укладывал обратно в ножны. Привычный ритуал подготовки к оче-

редному сражению для человека, вся жизнь которого была одним сплошным полем боя.

К тому времени, как Амелия проснулась, солнце уже начинало медленно клониться закату, но до наступления полной темноты оставалось еще достаточно часов. Открыв глаза, она увидела спускающегося по лестнице Рема.

– Я подготовил наше оружие, осталось только раздобыть костюмы.

– Я знаю, где их можно найти. Я видела торговую улицу, там много магазинов одежды. Я думаю, если мы выйдем сейчас, то успеем до заката закончить.

– Ты же понимаешь, что мне безразлично, день сейчас или ночь.

– Зато мне не все равно.

Она накинула на себя свой кожаный плащ, практически такой же, какой отыскала Рему, заткнула за пояс оружие и направилась в сторону выхода. Демон последовал за ней.

На дорогу у них ушло не так много времени, торговый квартал, о котором говорила Амелия, оказался на границе их спального и бизнес районов.

– Мы пришли. В одном из павильонов должно найтись что-нибудь подходящее.

– Здесь есть магазин вечерних нарядов?

– Да, в соседнем здании с витрин на нас смотрят манекены, выряженные в новые платья. Кажется, организаторы позаботились об обеспечении нас красивыми вещичками.

– Пойдем.

Они вошли внутрь полностью стеклянного здания некогда брендового магазина одежды. Внутри было чисто и спокойно. Который раз им уже везло на отсутствие соперников. Пока Амелия беглым взглядом окидывала ассортимент магазина, Рем, уверенно двигаясь от стеллажа к стеллажу, проводил рукой по платьям, пока не нашел то, что искал.

– Ты позволишь мне сделать выбор? – крикнул через весь торговый зал Рем.

Он стоял возле стенда с большим выбором пышных вечерних платьев, и уже держал в руке понравившиеся варианты.

– Выбери.

– Скажи мне только, каких они цветов.

Он поочередно выставлял вперед каждое платье и ждал, пока Амелия опишет ему их цветовую гамму, после чего либо оставлял в руке, либо выбрасывал со словами: «Не твой цвет».

– Примеришь?

– Ты меня пугаешь, – усмехнулась она.

Амелия скинула плащ и пояс с оружием, затем стянула с себя брюки и футболку, оставшись в одном нижнем белье. Рем терпеливо ждал, пока она возьмет у него первое, которое он ей предлагал, и оденется.

– Я готова, – пышное платье из бордово-красного бархата, расшитое черными кружевами по подолу, и корсет, красиво

подчеркивали ее худобу и аристократическую бледность.

Рем приблизился к ней и, прежде чем провести рукой, спросил:

– Не против?

– Нет.

Дождавшись ответа, он провел рукой по платью, стараясь понять, как оно на ней выглядело.

– Неплохо. Это бардовое?

– Да.

Амелия не ощущала смущения, но ее выводила из равновесия непривычность и необычность происходящего.

– Оно тебе нравится?

– Оно очень красивое. У тебя хороший вкус.

– Я знаю. А еще в нем удобно будет спрятать оружие. Из-за его пышности.

– Мы все-таки решаемся на это?

– Конечно, – с самодовольной ухмылкой произнес он и бросил ей пару длинных черных кружевных перчаток, – с этим еще лучше будет смотреться.

– Благодарю

– Остальные хочешь примерить? Но мне кажется, кроваво-красный будет лучше всего на тебе смотреться на бале самой Богини смерти.

– Ты веришь в богов? Наше государство давно отказалось от языческой веры в пользу атеизма. Редко когда можно услышать, что люди до сих пор говорят о богах, будто всеми

природными явлениями ведают именно они.

– Я верю лишь в двух, одним из которых является Богиня смерти, потому что смерть несокрушима.

– Богиню? Почему именно Богиню, а не Бога смерти?

– Я видел ее глаза. Мои волосы цвета ее глаз. Она подарила мне второй шанс.

– Ты меня не перестаешь удивлять. То были лишь галлюцинации.

– Возможно. А может, и нет. Мне приятнее думать иначе.

– И в ответ на твой вопрос – нет, это платье мне кажется самым удачным. Хотя синий цвет я люблю больше.

– Я догадывался. Тогда собирайся, возьмем его с собой.

В то время как Амелия переодевалась обратно, Рем подобрал и себе вечерний наряд. Он нашел костюм в стиле девятнадцатого века: черные брюки с высоким поясом на пуговицах в два ряда, свободную белую рубашку с высоким воротом и черный расслабленный пиджак. Амелия помогла ему определиться с цветом, после чего они вернулись домой.

Именно домой. Так чувствовалось это место для них, несмотря на все происходящее.

ГЛАВА 11.

Ему вновь снился кошмар. Одно из воспоминаний. Мучительных, тяжелых. Настолько сильных, что они не отпускают его спустя столько лет. Он вновь ребенок. Снова один, хотя вокруг и много детей того же возраста. Помещение, где они живут, напоминает больницу, в которой разрушили стены, разделявшие палаты, образовав одно единое пространство с множеством кроватей. Их около сотни. Все заполнены мальчиками и девочками примерно одинакового возраста, лет двенадцать, не больше. Белые стены, белое белье, белая одежда, в которую одеты все дети, морально давят и на без того угнетенную психику. Лет через пять из всех останется всего десяток, максимум два. Остальные – умрут. И каждый об этом знает. Каждому с рождения внушали, что такая их судьба – либо выжить и стать солдатом, либо умереть и не быть лишним в этом мире. Если от тебя нет пользы, то ты никому не нужен. Даже в детстве. Никакой жалости. Никакого сострадания. Испытания, эксперименты, тренировки, обучение. Каждый день. Изо дня в день. Изнурительный труд ради единственной цели – стать идеалом. Идеальным солдатом. И неважно чем придется пожертвовать ради этого.

Кровать Адремалеха стоит у самой стены в углу – одно из самых уединенных и спокойных мест. Как-никак, он «принц» среди всех этих детей. Потомок нынешних глав ка-

сты солдат. Но это никак не влияет на отношение к нему персонала, остальных. Никаких послаблений, врачи и санитары относятся даже жестче, чем к прочим. Взрослые люди часто любят проецировать свой гнев и разочарование на тех, кто еще не может им ничего сделать.

Адремалех тихо лежит, смотрит в потолок. Ему дали это имя всего несколько месяцев назад, когда он его заслужил. До этого – просто номер. Цифра среди сотни иных. Мальчик знает, что за ним скоро придут. Сегодня не просто очередной день инъекций и тренировок. Сегодня ему введут экспериментальный образец сыворотки, которая должна улучшить скорость самостоятельной регенерации организма, а также усилить все чувства. Шанс выжить – примерно 1 к 1 000. Примерно. Но точно еще никто не знает. Не выжил никто, из тех, кому ее вводили. Лишь один подопытный смог побороться с последствиями две недели, а потом умер. Поэтому его стали засчитывать к этому одному.

Инъекцию сделают ему и еще десятерым. Если оглянуться вокруг, в толпе их можно с легкостью вычислить. Они боятся. Они до жути напуганы перспективой умереть самой мучительной из возможных смертей сегодня. Хотя стараются этого не показывать.

Адремалех единственный, кто не боится. Он не страшится смерти, но невероятно сильно жаждет жить. Это желание и заставляет его каждый день открывать глаза и идти дальше, не останавливаться, не сдаваться, стремиться к своей един-

ственной цели, тем более на его плечах груз быть наследником глав. Хотя он понимает, что если умрет, из пробирки создадут от их ДНК кого-то другого. Незаменимых нет.

В комнату вошли два санитар. Высокие, худощавого телосложения достаточно молодые юноши, светловолосые, голубоглазые близнецы. Время пришло. Адремалех поднимается с кровати и идет им навстречу, всем своим видом показывая, что ему безразлично, что ждет его на этот раз. Несколько детей следуют его примеру, идя, будто за вожакком. У двоих случается истерика, они бьются в руках санитаров, вырываются, кричат, что не хотят умирать, но всем все равно. Это им не поможет. Если кто-то сверху решил, что сегодня они должны умереть, то так оно и будет. В любом случае их поведение свидетельствует о браке в сознании. Стимул и цель не достаточны, чтобы отдать за это жизнь. Из таких не выйдет хороших солдат, а, значит, их в любом случае ждет утилизация.

Каждого отводят в отдельную палату, сажают на кресло, привязывают прочными ремнями руки и ноги, даже голову, но прежде снимают всю одежду, кроме нижнего белья.

Маленький, щуплый златовласый мальчик с ясными голубыми глазами осматривается, в операционной абсолютно пусто. Есть только стол с некоторыми инструментами, и ведро, наполненное водой. Больше в помещении ничего нет.

«Скучно», фыркает про себя он.

Его бледная кожа уже усеяна множеством шрамов. Со сто-

роны может сложиться впечатление, что там на кресле сидит не ребенок, а взрослый человек, прошедший через все муки этого мира, через войну и голод, через неведомые простому человеку страдания, наученный горьким опытом, с дерзким, глубоким и все понимающим взглядом, пока что еще живым блеском, отдающимся в глазах.

В операционную заходит врач. Инъекцию ему будет делать глава касты ученых. А кто же еще!? Столько лет он осуществлял медицинское сопровождение Адремалеха. Пытал его. Унижал. Он бы ни за что не упустил возможность убить мальчика собственными руками. За двенадцать лет глава ученых не подпустил никого до операций над сыном главы солдат. Так было положено, но он и не возражал. Марк, так его зовут, не удостоил никого из присутствующих даже словом, молча, взял со стола шприц, подкатил уже подготовленную капельницу к мальчику, не разменивая время по пустякам, ввел иглу в вену на правой руке и сел напротив, безмолвно наблюдая.

Поначалу все шло хорошо. Поначалу. Чем больше содержимое мягкого пакета капельницы подходило к середине, тем становилось хуже, стремительно хуже. С каждой секундой. С каждой каплей, попадающей в тело Адремалеха. Сыворотка растекалась по венам, словно жидкий огонь, выжигая все изнутри. Мальчик терпел, стиснув зубы, сжав челюсти, но терпел, молчал. Когда же содержимое достигло середины, терпеть стало невыносимо даже такому, как он. Ре-

бенок чувствовал, словно органы и ткани его тела плавятся изнутри, превращаются в одно единое булькающее месиво. Кожа около иглы вся покрылась сильными ожоговыми волдырями, которые тут же лопались, открывая глубокие раны. Из груди Адремалеха вырвался крик. Поначалу он был подавленным, сиплым, но с каждой минутой усиливался, становился громче, резче. Вскоре мальчик кричал уже так, что от его крика становилось дурно. Он бился об кресло, пытался вырваться, но это было бесполезно. Все ждали, когда Адремалех умрет. Он ощущал их желание крови, его крови, и нетерпение. Тогда он плюнул кровью в лицо Марка за мгновение до того, как сердце остановилось.

– Еще один готов. Какая едкая все-таки штука, – безучастно произнес Марк, вытер кровь с лица полотенцем и собиравшись уходить, как услышал тихий хрип. Настолько тихий, что подумал, будто ему мерещится. Мальчик был жив. Его сердце вновь забилось, а тело принимало инъекцию.

– Невозможно! Этого не может быть. Он не должен выжить.

На миг у Марка возникло непреодолимое желание убить Адремалеха прямо сейчас, пока еще есть шанс. Но он не смог. Глава касты ученых лишился бы всего. Убийство из личной ненависти. Ничем не прикрытое. Нет. Он не мог пойти на это. Не сегодня и не сейчас. «Возможно, он еще умрет».

На адаптацию и перестройку организма Рема потребовалось два месяца. Его сердце останавливалось двадцать де-

вать раз. И двадцать девять раз он сам возвращался к жизни. Его рвало собственными тканями, кожа покрывалась волдырями, горела, трескалась, глаза кровили. Столько раз ему хотелось сорвать с себя кожу заживо, столько раз ему хотелось, чтобы сердце остановилось и больше не запускалось вновь. По его венам бежало, словно расплавленное железо, мышцы не слушались, преследовали галлюцинации. Но постепенно все сошло на нет. И он выжил. Первый и единственный. Его волосы стали оттенка огня, глаза приобрели яркий фиалковый цвет, а жизненная сила теперь являлась невообразимой.

ГЛАВА 12.

Минул почти месяц с того дня, когда состоялся первый бой на арене. Все шло гладко. Организаторы постоянно переносили бал, и никто не мог понять, с чем это связано.

Рем и Амелия все также жили вдвоем, и даже стали бороться вместе, когда начались парные бои. В игре был введен рейтинг, и сложилось негласное правило, что раз в три дня каждый обязательно должен выходить на арену. Свирепость Адремалеха позволила завоевать ему самый высокий рейтинг, хотя в этом изначально никто и не сомневался. Порой, он разрывал зубами глотки соперников. Однако желающих бросить ему вызов меньше не становилось. Для него это была всего лишь игра. И он ею наслаждался.

«Я чувствую себя здесь свободнее, чем где-либо еще. Я могу делать, что пожелаю. Я могу сам выбирать свой путь. Мне больше нет необходимости соответствовать чужим ожиданиям» – признался он однажды Амелии.

Да, они были фактически заперты. Да, они играли по общим правилам. Да, за ними следили. Но каждый день они открывали глаза и выбирали, каким станет их следующий шаг: хотят ли они выйти и почувствовать вкус крови или хотят остаться в их маленьком мире, что казался роднее и ближе, чем знакомые ранее слава и авторитет.

«Разве ты не ощущаешь себя в клетке?» – спросила то-

гда в ответ Амелия: «Мы же, словно марионетки, запертые в больной фантазии честолюбивого человека».

«Клетки бывают разными. Эта – не самая плохая».

«Возможно, ты прав. Но не все люди здесь действительно заслуживают смерти. И не для всех это место оказалось лучшим вариантом».

«Мне нет дела до остальных. Я хочу хотя бы раз попытаться прожить день ради себя, а не кого-то еще. Такие игры не редкость. Они сами сделали свой выбор, совершив преступление».

И они оба были правы. Участниками этой игры оказались разные категории граждан, объединенные лишь одним общим условием – все они являлись преступниками, приговоренными государством к смертной казни. Так какая разница, где и как умереть? Им дали выбор. Им предоставили шанс отвоевать свою жизнь обратно. Никто бы не отказался. И каждый день, проведенный в игре, становился очередным подарком судьбы, возможностью отсрочить свой конец.

Амелия была права. Не все заслуживали смерть, и не каждый мог оказать должное сопротивление, но большинство в прошлом все же были убийцами, маньяками, дезертирами, не знавшими жалости и страха. Ведь далеко не каждому удастся сохранить рассудок, имея на счету не один десяток отобранных жизней.

Рем тоже не ошибался в своих суждениях. Участники сами приняли решение попытаться выторговать свои жалкие

жизни. Они знали, что их ждет. Они осознавали, насколько малы шансы выжить. Но все равно сделали выбор. Отчаяние и надежда – опасное сочетание. Порой, они толкают на необдуманные поступки и заставляют принимать безумные решения. Для этих людей изначально все было кончено. Так почему он к ним должен проявлять сострадание?

Очередной вечер опустился на город. На улице уже стоял конец октября. Рем и Амелия снова незлобно спорили друг с другом. За это время они успели хорошо сблизиться, и их отношения еще больше стали походить на «семейные». Демон с присущей лишь ему жестокостью заставлял человека, обделенного спортивными талантами, каждый день совершенствовать свою выносливость. Амелия не сопротивлялась, ведь сама просила о помощи, но порой ей больше хотелось умереть на арене, чем еще один день скакать на подобие скакалки или отжиматься.

«В одну из таких тренировок Рем заявил ей с самого утра:

– Твои способности к атлетике просто чудовищны. Ты выдыхаешься уже после ста метров быстрого шага.

– Не называй мой бег быстрым шагом. Кого-то готовили работать только головой, а не телом.

– Тебе и работать-то нечем было бы.

– Не боишься получить нож в спину, когда будешь спать, после таких слов?

– Итак. Бегать на улице мы больше не будем. Большой риск. Расчистим одну из комнат наверху под твой личный

спортивный зал. Или жажда жизни поубавилась?

– И не надейся.

– Тогда приступим.

Они освободили комнату от мебели, создав максимально свободное пространство, в котором проходили их тренировки. Вместо скакалки Амелия использовала толстую веревку, причем прыгать Рем ее заставлял в полной боевой амуниции, усложняя задачу».

Солнце уже перевалило за полдень, когда он поднялся в комнату со словами:

– Не слышу шум твоих прыжков.

Амелия лежала на полу и тяжело дышала, полностью выбившись из сил.

– Ты что там развалилась, будто тюлень на берегу.

– Убей меня. Сжался, – умоляюще сквозь кашель произнесла девушка.

– Еще чего. И лишить себя такого веселья, – он лег на пол рядом с ней.

– Твоя жестокость не знает границ. Истинный демон.

– Считай это твоей платой за уроки по владению оружием. Ты вчера научилась метать топорики, так что долг твой только растет, – и он не злобно рассмеялся и перевернулся на бок, положив руку на согнутую в локте руку.

– Беру слова назад. Ты не демон. Ты дьявол. И я заключила сделку с дьяволом, – она повернула голову в его сторону. Кашель уже отступил.

– За силу приходится платить, – перестав смеяться, ответил Рем.

– Знаю. Только где взять внутренние резервы, если мы голодаем и живем в холодном и сыром доме.

– Ты справишься, – он встал и подал ей руку. Амелия приняла помощь и поднялась следом.

– Рем, ты не обязан это делать, – серьезно сказала девушка.

– У тебя еще два подхода на сегодня, – бросил демон, выходя из комнаты.

Ему не понравилось, что последняя фраза Амелии смогла задеть его.

«Хватит. Да, тебе, на удивление, понравилось делиться с кем-то своими профессиональными навыками. Да, это приятно, когда можешь принести пользу тому, кто в этом нуждается и при этом не пытается воткнуть нож поглубже в твое сердце. Да, ты вновь ощущаешь себя сильным, и это подстегивает твое самолюбие. Да, в этом маленьком убежище ты не чувствуешь себя калекой. И что? Остановись. Довольно привязываться к своему товарищу. Это не приведет ни к чему хорошему».

Раздался вой сирены. Это могло означать лишь одно – долгожданное событие, все время откладываемое организаторами, начнется сегодня ночью. Рем остановился на лестнице, Амелия выглянула из комнаты.

– А я надеялась, что они никогда уже не вспомнят про

этот бал.

– Неужели ты так не хотела надевать то платье, что я тебе подобрал?

– Я могла надеть его и тут.

– Звучит совсем не интригующе.

– Давай не тратить попросту время.

Они спешно собрались и направились в сторону арены. За прошедший месяц их район стал гораздо более шумным и заполненным, Рем периодически убивал смельчаков, которые осмеливались нарушить границы их территории, но желающих рискнуть застать демона врасплох меньше не становилось, ведь им было нечего терять.

Они добрались до арены. Сюда уже стянулся десяток, другой народу. Везде были расклеены объявления с условиями проведения бала.

Рем сорвал одно из них и отошел от толпы, протянув его Амелии.

«В 21:00 сегодня состоится бал. Явка всех живых участников игры обязательна. Тех, кто не посетит сие действие, ждет смерть. На балу игроки оружие не используют. Явка обязательна в соответствующих тематике бала нарядах – девятнадцатый век. Возможно, организаторы устроят вам приятный сюрприз».

– Приятный сюрприз? Кажется, нас ждет очередная бойня.

Сумерки. Рем и Амелия приближаются к назначенному

месту проведения, так называемого, бала. Играет классическая музыка, которую слышно даже на подходе к зданию.

– У меня плохое предчувствие, – тихим голосом произнесла Амелия.

Они вошли внутрь. Просторный зал сиял чистотой, ухоженностью и богатством: мраморный светлый пол и колонны, огромные хрустальные люстры, живая музыка, если не обращать внимания, что артистов от основного зала отделила огромная металлическая решетка, напоминавшая клетку. Все присутствующие тоже были одеты в роскошные наряды под стать проводимому событию.

– Скажи, всё действительно выглядит настолько хорошо?

– О да! Ты бы оценил.

– Мне нравится музыка. Печальная мелодия. Надеюсь, под конец она не сменится похоронным маршем.

Они оба ощущали себя странно. В смятении. Хотелось верить, что этот изысканный вечер будет безопасным, но здравый скептицизм не позволял насладиться моментом. Как только они вошли в здание, Рем убедился в своих догадках и как никогда обрадовался принятому решению пронести оружие с собой. Амелии тоже придавало уверенности его наличие, хотя она опасалась последствий, которые могут последовать, если организаторы заметят нарушение своих правил.

– Потанцуем? – Рем протянул руку Амелии, приглашая ее на танец.

– Не думала, что ты умеешь. Бальная музыка. Атмосфера

девятнадцатого века.

Она приняла его приглашение, и они начали кружиться в танце. Рем уверенно вел ее за собой, словно танцевал всю свою жизнь. Платье Амелии эффектно развевалось, когда он ее кружил. Звучала печальная мелодия. Настолько тоскливая, что способна была разбить сердце вдребезги. И они чувствовали себя, вальсируя под нее, как никогда комфортно, ведь не может разбиться то, что никогда и не было целым.

Волшебная ночь продлилась недолго. Примерно на середине бала, когда все участники уже успели начать расслабленно наслаждаться происходящим, музыка резко оборвалась, и из динамиков раздался уже знакомый мерзкий голос:

«Мы приготовили для Вас еще один подарок, уважаемые участники. Пусть прольется кровь». И хрупкий мир погрузился в хаос.

Вокруг было слишком много соперников. Оружие применять до настоящего момента запрещалось, но все оказались на удивление хорошо вооружены и подготовлены. Было ли это спланировано? Захотелось ли организаторам, поскорей избавиться от Рема или Амелии? Может проверить их возможности? Нет, к чему тогда этот фарс. Они оба выросли в лаборатории, а те, кто находился сейчас по другую сторону ограждения, знали возможности этих двоих. Они не смогли за столько лет понять лишь одного – ход их мыслей. Лабораторные крысы со своим собственным особенным мнением.

По началу, участники сражались без тактики и цели: кто-

то успел улизнуть, кто-то, пользуясь общим смятением, оперативно избавлялся от давних противников, но чем больше проходило времени, тем яснее становилось, что лучшего шанса прикончить демона и не придумаешь.

Рем не успевал отбиваться, его со всех сторон окружили соперники, их было настолько много, что все звуки смешались в один единый гул, и непобедимый демон значительно ослаб. Рядом дралась Амелия. Желание жить в ней было сильнее страха. Но умений боевого искусства ей не доставало. Они оба оказались в ловушке, все в крови врагов, прижавшись спиной к спине, как настоящие партнеры, хотя и обещали, что никогда не станут рисковать собой, прикрывая другого. Они бились отчаянно, свирепо, но перед таким натиском устоять даже им было трудно.

Рем услышал тихий хрип Амелии, а затем почувствовал усилившийся за его спиной запах крови, и как постепенно подкашиваются ее ноги. Думать долго не стал, отточенные рефлексy и колоссальный опыт помогли. Оттолкнул ногой толпу, стоявшую впереди с такой безумной силой, что они волной пошатнулись, так как стояли слишком плотно друг к другу. Тут же схватил Амелию за руку и поволок к выходу, пока она все еще находилась в сознании и могла самостоятельно переставлять ноги, одновременно рани и заставляя отойти тех, кто преграждал им путь. Со стороны казалось, будто он обезумел – настолько быстро, резко и с огромнейшей мощью размахивал он своим оружием. Вырвавшись из

этого хаоса, Рем подхватил Амелию на руки и стал проулками пытаться добраться до их маленького убежища.

В голове все еще стоял звук лязгающего металла, крики, хрип, и все это так мешало сосредоточиться на выборе наиболее неприметного и безопасного пути. Как ему не хватало своих глаз! Таким слабым и ничтожным в битве он не ощущал себя давно, наверное, с того момента, как научился жить со своей слепотой и полагаться на иные ощущения. Даже выбравшись из этого сбивавшего с толку безумия, он никак не мог собраться до конца: то и дело врезался плечом о стены домов, столбы, спотыкался о бордюры, его откидывало то в одну сторону, то в другую, и он ничего не мог с собой поделать. Единственное на что он мог надеяться, что этого никто не видел. Не видел, насколько слаб на самом деле демон, и как легко его можно победить, выбив из привычного баланса ощущений.

Наконец он добрался до их домика, резким толчком ноги открыл дверь, спешно положил Амелию на их импровизированную постель. Дело было плохо. Очень плохо. Запах крови, царивший на балу, перестал наполнять воздух вокруг. Теперь он точно мог определить, что рана Амелии была очень глубокая, тянулась через всю грудную клетку и сильно кровоточила. Девушка уже находилась без сознания.

Рем понимал, что первым делом необходимо остановить кровь. Он разрезал остатки пышного платья, раздел ее до пояса. Без промедления схватил чистые простыни, лежавшие

недалеко от постели, начал пытаться прижать рану, чтобы хоть как-то остановить кровь. У них оставались таблетки, но он не мог определить, какие из них являлись кровоостанавливающими. Хирургических инструментов в доме не было. Из подручных материалов имелась только вода, простыни, старая толстая швейная игла и черные нитки, которыми он еще прошлой ночью пришивал к плащу оторвавшиеся крепления. Но иного выбора судьба не представила.

Конечно, их учили минимальному набору действий в случае серьезных повреждений, в том числе, и зашивать раны. Но под рукой не было нужных инструментов, а его глаза больше не видели. Как ему их не хватало! Который раз всего за одну ночь!

Рем сидел рядом с Амелией, прижимая ткань к ее раненому телу, он чувствовал, как кровь сочится сквозь его пальцы. Ее кровь! И его руки впервые начали дрожать. Он не знал, что ему делать, не мог до конца определиться, какой выбрать путь.

«Серьезно раненный товарищ – лишь обуза. Убей ее. Вспомни, чему тебя учили! Тебе же не впервой! Ну же! Сделай это!» – он схватился окровавленными руками за голову и засмеялся:

– Не хочу. Слышите?! Я поступлю иначе. Сегодня.

«Но только сегодня. Я сделаю это ради себя, а не для нее. Мне же все равно, что она умрет? Ведь так?»

Его руки перестали дрожать, сознание прояснилось, и Рем

начал пытаться спасти ее жизнь. Делать все пришлось на ощупь. Тем временем, кровь начала потихоньку останавливаться. Он сбегал в ванную, хорошо вымыл руки, накипятил воду, продезинфицировал, как мог, иглу и нити, набрал теплую в тазик и принялся аккуратно промывать рану. Закончив, он с трудом продел нить в иглу и аккуратно, ощупывая каждый миллиметр раненой плоти, стал зашивать. На это потребовалось много времени, сил, концентрации, к счастью, Амелия все время находилась без сознания и не ощущала, как ее «на живую», без анестезии зашивают толстой швейной иглой.

Рем отстранился, опустился около стены, тяжело выдохнул и пробыл в таком положении несколько минут, переводя дух. Затем он наклонился лицом к лицу Амелии, пытаясь уловить своей кожей ее дыхание, услышать, вздымается ли ее грудь. Услышал, почувствовал, еще раз выдохнул. Дыхание было слабым, но оно было.

«Переживет пару первых ночей, значит выживет».

Больше он ничего не мог сделать. Выкарабкается с того света или нет, теперь зависело только от Амелии, а она хотела жить.

Рем стянул с нее остатки платья, накрыл обнаженное тело чистой простынею, и затем пошел приводить свои мысли и тело в порядок. Он долго стоял под ледяным душем, усиленно прислушиваясь, не ворвался ли кто в дом. Вода постепенно уносила пролившуюся сегодня кровь. Он медленно ощу-

пал свое тело, пытаясь понять, насколько значимы его повреждения. Губа была разбита точно, ибо капельки крови медленно стекали на подбородок, доставляя дискомфорт и жжение. Бок болел безумно. Завершив исследование, он оделся и вышел в комнату. Стояла давящая, гнетущая тишина.

Не сумев просидеть на одном месте спокойно и пары часов, Рем отправился к уже знакомой им с Амелией женщине, которая в прошлой жизни состояла в касте целителей. В одну из предыдущих вылазок они сохранили ей жизнь, точнее Амелия сохранила ей жизнь, а Рем просто согласился. Она пережила бал, и уже вернулась в один из расположившихся недалеко от границы их территории дом. Открыв дверь с ноги, Рем резко прошел в комнату.

– Пора платить по счетам.

Женщина в растерянности стояла и хлопала глазами.

– Быстро! – его голос был жестким и озлобленным.

Она молниеносно собралась, взяла набор всевозможных инструментов и препаратов, которые успела найти до этого, и побежала за демоном. Претить демону было явно не благо-разумно. Особенно когда он пребывал в плохом настроении.

Рему не хотелось оставлять Амелию одну в ее состоянии, ведь в округе до сих пор царило беспокойство, но у него не было выбора. Эта женщина действительно могла помочь ему вернуть к жизни умирающего товарища, а потому подумал, что игра стоит свеч, раз уж он решился на это вчера.

Они быстро добрались до их убежища. Войдя в дом, жен-

щина сразу поняла, к чему была такая спешка. Посередине комнаты лежала Амелия, накрытая простыней, будто покойник, в воздухе стоял едкий запах крови и сырости.

– Помоги ей, и твой долг оплачен.

– Будет сложно. Очень. Проще убить, чтобы она уже не мучилась.

– Умрет она – откручу тебе голову. Надеюсь, такого стимула для работы будет достаточно?

– Вполне.

Женщина откинула простыню, которая уже частично, там, где была рана, успела пропитаться кровью.

– Ты хорошо ее зашил. Удивительно, насколько аккуратно и профессионально. Если выживет, то только благодаря этому. Ее, конечно, лучше не переносить, но оставлять в таком виде тоже плохо. Слишком много крови и грязи на теле, эта или другие раны могут загноиться и пойти заражение.

– Я знаю. Просто делай то, что умеешь. Я не люблю пустые разговоры.

– Помоги мне ее отнести в ванную. Но для начала набери туда немного воды, так, чтобы не доставало до основной раны.

Рем отмыл ванную, набрал теплой воды, которую пришлось заранее кипятить в кастрюле на импровизированном костре, ведь бензин для примуса уже закончился, взял Амелию на руки и аккуратно уложил в воду. Женщина приступила обмывать тело девушки. Рем не отходил. Напряженно

следил за тем, что она делает. Не доверял. Когда женщина закончила, он вновь взял ее на руки, уложил на чистые одеяла и простыни, женщина не спеша одела Амелию в свежую одежду, перевязала рану. К ее большому везению, других глубоких ран на теле не было. Они накрыли Амелию чистой простынею и отсели в сторону.

– Пока не очнется, ты останешься здесь и будешь ухаживать за ней.

– Я уже поняла это. Но зачем тебе столько проблем из-за какой-то девчонки. Одиночек не должна волновать судьба временных спутников, – женщина позволила себе каплю дерзости, ведь ощущала сейчас свою ценность для Рема.

– Не твое дело.

– Слишком много заботы и внимания для огненного демона.

– Мне свернуть тебе шею и найти более молчаливого лекаря, или ты наконец-то заткнешься?

Но женщина была права. Рем это понимал. Слишком много «Но» из-за какой-то спутницы. И ему не нравилось, в каком направлении он позволяет вести себя этому странному пути.

Очнулась Амелия через три дня, но полностью пришла в себя только еще через два.

В один из вечеров, пока девушка находилась без сознания, они сидели на кухне и ужинали, как Рем неожиданно для самого себя решил завязать беседу. Женщину угнетала молча-

ливая атмосфера, так что она охотно поддержала разговор.

– Как звать то?

– Катарина.

– За что попала сюда?

– Я политический преступник. Помогла одной сумасшедшей седовласой ученой реализовать ее план. Да только не выгорело.

– Жалеешь?

– Нет. И как ты уже понял, я не из касты целителей. Хотя в моей гильдии обладают и этими навыками, но работают, используя другие.

– Боишься смерти?

– Страшусь. Кто ее не опасается.

– Те, кому нечего терять.

– А ты значит из таких? Тогда что там делает этот недотруп в гостиной? Слишком много заботы.

– Язык вырвать? Не обманывайся, убью и глазом не моргну.

– Ты же знаешь, кто она?

– Конечно, знаю. Я, по-твоему, дурак? И я в курсе, почему она сохранила тебе жизнь.

– Тогда зачем тебе это?

– Не забывайся. Тебя это не касается, поэтому не лезь туда, куда не просят.

– У меня для тебя послание. Знаешь от кого.

– Ты роешь себе могилу.

– Я уже в нее залезла с головой, разве не видно?

– Не зубоскаль со мной.

– Как скажешь, но мое дело лишь передать тебе эту записку, – она протянула свернутый в несколько раз листок бумаги.

– Читала?

– Он пустой. А язык слепых я не знаю.

– Можешь пока жить, – и он принял записку.

Пятый день уже приближался к середине. Адремалех стоял около открытой нараспашку входной двери и курил. Солнечные лучи падали на его лицо, освещая и без того огненные волосы. За окном стояла хорошая погода, такая редкая для этого времени года. Рем выглядел мрачнее обычного, цвет лица обрел еще более болезненный оттенок, щеки впали сильнее. Амелия проснулась и слабо повела головой в сторону, он услышал, подошел к ней, присел, наклонившись всем корпусом над ее телом.

– Ты все-таки жива, – безэмоционально и бесчувственно заключил он.

Амелия попыталась ответить, но голоса не было, в горле пересохло, и дикая слабость одолевала тело. На удивление, она чувствовала себя спокойно, очень спокойно, когда увидела нависшие над ней столь знакомые белые глаза. Что бы ни случилось, Рем ее не бросил, она не одна, а что именно произошло – еще успеет узнать позже.

– Неси воды. Быстро!

Катарина засуетилась, побежала на кухню, набрала воды в железную кружку и молниеносно прибежала в комнату, подала ее Рему. Он аккуратно приподнял своей сильной рукой Амелию под лопатки, второй рукой приставляя кружку к ее губам. Она сделала несколько глотков, откашлялась, и он положил ее обратно, также аккуратно, как и подхватил.

– Не вижу радости на твоем лице, – Амелия попыталась придать своей фразе нотку сарказма и иронии, но голос сильно хрипел и подводил ее.

– Ты пролежала без сознания, в общей сложности, почти неделю, я думал, ты уже не очнешься.

– Ты следил за мной все это время?

– Мне помогали. И кивнул в сторону женщины. Амелия тяжело повернула голову в ее сторону. В груди невероятно сильно зажгло, с трудом она притянула руку к себе, провела под футболкой в месте, где все горело, и осознала, что через все ее тело тянулась длинная глубокая рана.

– Хорошая работа. Шов такой аккуратный. Даже я лучше бы не сделала в этих условиях, – направляя свой взгляд к женщине, сказала Амелия, закончив ощупывать рану под бинтами, – Спасибо. Твои умения сохранили мне жизнь.

– Это его работа. Я всего лишь мыла тебя, и переодевала. Он даже не давал мне кормить тебя. Будто мне был резон травить полудохлую девку.

– Жди на улице. Обсудим уплату твоего долга.

– Ладно, я буду на крыльце. И да, я знаю, что убегать бес-

смысленно.

Женщина поспешно удалилась ждть Рема на улицу.

– Спасибо, – сухо сказала Амелия, просто не зная, что еще можно ответить на столь неожиданные подробности, которые ей сообщила женщина.

В голове у нее вертелся только один вопрос, который не давал покоя: «Зачем?». Но она понимала, что задавать его бессмысленно, демон не ответит. Почему он действительно ее спас. Ладно, зачем спас и вывел с бала, она еще могла понять и предположить, что им руководило. Но выхаживать ее столько дней, просить помощи на стороне, только для того, чтобы спасти того, кто в это время не представлял никакой ценности. Это совершенно противоречило тем условиям, на которые они оба согласились в первый день. Он поставил самого себя под удар, нанес репутации урон, и все для чего? Даже если Рем знает, кто она такая на самом деле, неужели для такого как он, это могло послужить причиной? Хотя Амелия была уверена, что Рем давно догадался, откуда она родом.

«Это все равно никак не объясняет его действий, его поведения, его слабости. Кормить мое бесчувственное тело. Я даже не могу представить себе сейчас эту картину». Поток ее мыслей прервал Рем.

– Тебе нужно нормально поесть и начать приводить свое тело в работоспособное состояние. Каждый день бьет по твоему рейтингу все сильнее.

– Рейтингу? Все так серьезно?

– Позже. Это подождет.

– Хорошо, но потом ты пообещаешь ответить мне на один вопрос. Всего на один, но ответить честно.

– Я никому не даю обещаний.

Амелия не стала ничего отвечать, молча, попыталась подняться на ноги. Не получилось. Тогда она перевернулась на живот, словно черепаха, и попыталась встать на четвереньки. Тело безумно ломило. А вот стоя в такой позе, она уже не знала, где взять силы, чтобы подняться на ноги. Рем все это время не трогал ее. Нужна будет помощь, попросит. Жалости никто не любит.

– Помоги мне встать, пожалуйста, – ей не нравилось никого просить о помощи, тем более признавать свою беспомощность. И кому? Ему!

Рем подошел к ней, взял на руки и донес до кухни.

– Сил самой стоять хватит?

– Пока не попробую, не узнаю.

Он опустил ее на ноги. Они тут же подкосились, и Амелия изо всех сил сжала в руках его рубашку, стараясь задержаться за что либо, чтобы не упасть. Повисев так немного, она почувствовала, как Рем взял ее руку в свою, давая крепкую опору. Она потихоньку выпрямила подкосившиеся ноги.

– Я не буду сейчас есть. Тошнота. Хочу в воду.

– Какие капризы.

Он снова взял ее на руки и отнес в уборную. Там уже бы-

ла набрана теплая вода. Катарина собиралась обмывать Амелию, незадолго до того, как она проснулась. Рем поставил девушку на пороге.

– Сама сможешь раздеться?

– Да.

Рем разжал ее руку, убедился, что она стоит самостоятельно, и развернулся, чтобы выйти.

– Стой. Не уходи.

– Разомни мышцы руками, поможет.

Амелия чувствовала себя спокойнее, когда Рем находился рядом. Ей не хотелось, чтобы он уходил. Все то время, проведенное в бреду, ей недоставало его присутствия. Она отрывочно помнила, как просыпалась и думала, что лежит одна в темной комнате. Ей было страшно открыть глаза и понять, что он ее бросил. Почему? Ведь она была уверена, что именно так Рем и поступит. Она не могла ответить честно себе на этот вопрос. Просто хотела, чтобы он оказался рядом вопреки всему. А над причиной у нее еще будет время поразмышлять.

Рем не остался. Это уже не первый раз, когда они оба находились в одном помещении, где он одет, а она раздета, но первый – когда не были уверены, что это больше ничего не значит.

– Мне нужно идти, – почти разочаровано произнес он и вышел.

На улице его ждала Катарина, желая поскорее получить

свою свободу обратно. И он ее освободил. По-своему. Рем подарил ей быструю и безболезненную смерть.

ГЛАВА 13.

Прошло около недели. Амелия уже относительно окрепла. Больше ей не требовалась посторонняя помощь для передвижения. На улице стоял прохладный ноябрьский вечер. С неба срывались первые мелкие снежинки. Рем курил на крыльце, а она решила принять душ. Несмотря на то, что вода из крана текла все такой же холодной, ей доставляло удовольствие подолгу стоять под водой, ощущать, как обжигающе холодные капельки стекают по телу.

Рем тихо зашел в уборную. Амелия заметила, что в последние дни он чувствовал себя не очень хорошо. Вот и сейчас, на его лице читались предельная усталость, изможденность. Он набрал в руки ледяной воды и несколько раз умылся, а потом тяжело оперся обеими руками о раковину и навис над ней, склонив голову.

– Все хорошо?

– Да, – сухо ответил Рем и уже развернулся уходить, как Амелия заметила кровавые разводы на его белой футболке под ребрами с левой стороны. Она мгновенно выскочила из ванной, будто сама еще пару дней назад не лежала обессиленная, схватила его за плечо и с усилием развернула к себе.

– Только попробуй еще хоть слово произнести о том, что с тобой все в порядке. Стой на месте.

Небрежным движением плеча Рем попытался сбросить ее

руку, но Амелия только угрожающе крепче вцепилась пальцами в его кожу. Демон уступил. Она отпустила его плечо и аккуратно обеими руками приподняла футболку. Рем был наспех перемотан бинтами ниже ребер, которые полностью пропитались кровью.

– Какой же ты идиот! И я еще принимала твою помощь! Твою! – прорычала Амелия. Рем отвернулся от нее так, словно отмахнулся от надоедающей букашки.

– Тебе нечего сказать? Твоя взяла, делай, что хочешь – злость в ней уже закипала. Она отпустила руки, развернулась и пошла одеваться.

Внутри тлело разочарование. По резко доносящемуся запаху, который она почуяла, когда наклонилась к ране, Амелия поняла, что его рана уже начала гнить, процесс разложения запущен. Скорее всего, не обошлось без специального яда, предназначенного для таких, как он. Одно из ее достижений в прошлой жизни. Как давно это было! Так, словно она успела прожить целую жизнь за последние три года.

«Если быстро все не исправить, ему не прожить и недели», она закусил губу. Порой только чувство легкой боли способно успокоить разъяренное сознание холодного человека.

Амелию злило, что Рем ничего не сказал ей раньше, что не стал уделять своим ранам столько же внимания и аккуратности, что ее. Но больше – что не заметила этого сама. А еще она переживала. Она не хотела, чтобы этот безумный ры-

жеволосый парень, ставший ей самым близким товарищем, умер. Не хотела остаться одна. И это не чувство вины или долга за свое собственное спасение. Нет. С Ремом ей было одновременно и легко, и весело, не одиноко и не страшно. Амелия отгоняла эти мысли от себя как могла, но в глубине души понимала – она хочет, чтобы он жил не только из-за его силы и чувства безопасности, которое она испытывала рядом.

– Я могу тебе помочь.

– Не можешь.

– Хорошо. Я не предлагаю тебе помощь. Я предлагаю услугу. Возмездную. Если так тебе будет проще.

– Ты не можешь мне помочь, – тверже повторил он.

– Почему ты так упорно отказываешься от моих услуг?

– Уже поздно. Ты не сможешь мне помочь. Ночью я, скорее всего, умру.

Рем говорил холодно, отрешенно, а у Амелии от его слов внезапно заледенело все внутри. Она уже ничего не замечала. Не замечала, как Рем с усилием одной рукой держится за косяк двери так, будто сейчас упадет. Не замечала, как он тяжело дышит. Не замечала, насколько сильно его лицо и губы побелели за последние дни.

– Бери оружие и уходи. Через два дня можешь вернуться. Территория будет твоей. Но не смей возвращаться раньше.

Амелия стояла на месте. Не могла произнести ни слова. Несколько раз открывала рот, но слова все никак не облака-

лись в звуки.

– Пошла прочь! – закричал Рем. В его голосе сплелись ярость, свирепость, боль и отчаяние. Он не хотел умирать в чем-либо присутствии, особенно в ее. Он не желал, чтобы его видели слабым. Ему оставалось только кричать от боли, упасть и больше не подниматься, но он не мог позволить себе этого, пока не останется совсем один. Тем временем силы стремительно иссякали.

– Уходи! – продолжал кричать Рем.

Амелия, все еще пребывая в состоянии некоего транса, вышла за дверь.

– Я хочу умереть, – тихо сказал он ей в след так, что она его едва услышала, и захлопнул дверь.

Мелкие колкие снежинки подали на землю и сразу таяли. Амелия поплелась вперед, не принимая произошедшего за реальность. Слишком внезапно и неожиданно мир перевернулся с ног на голову. Снова. Ее рана, соприкасаясь с одеждой, неприятно горела, но даже этого она не замечала, двигаясь вперед со стеклянными глазами.

Рем отошел к противоположной стене, оперся об нее всем корпусом и закричал.

В этом крике отразилось все. Нестерпимая боль. Разочарование в жизни, в том, как он умрет. Отчаяние, давно душившее его еще с того самого дня, когда мир рухнул. Облегчение от того, что больше не нужно притворяться, терпеть, что уже скоро все закончится. Этот крик был насквозь про-

питан болью, нечеловеческим страданием. Услышав, его было бы невозможно забыть. Он был способен расколоть душу на мелкие осколки.

Ничто не может сравниться с отчаянием человека, у которого отобрали смысл жизни, растоптали, и который так хотел умереть, но не мог, ведь всегда что-то незримое удерживало на краю пропасти. Нечто неведомое держало его и сейчас. Как бы он не жаждал смерти, не надеялся обрести покой, положить конец своим страданиям, часть его души не хотела умирать. Не хотела примириться с судьбой.

Силы окончательно его покинули. Рем съехал по стене на пол и потерял сознание.

ГЛАВА 14.

Амелия долго шла вперед медленным шагом, не разбирая пути перед собой, полностью погрузившись в свои мысли.

Она помнила Рема еще маленьким мальчиком. Помнила его не по-детски холодный, полный страдания взгляд бесподобных фиалковых глаз. Она тоже была еще совсем ребенком, лет десять не больше. Им запрещалось смотреть на эксперименты до определенного возраста. Но Амелии всегда было мало. Ей хотелось знать больше, увидеть недоступное другим представителям касты. Теория без практики бесполезна. Амелия усвоила этот урок преждевременно и слишком рано стала желать получить ответы на вопросы, которые еще не следовало задавать.

Однажды она пробралась в смотровую – в небольшую комнату со стеклом во всю стену. С другой стороны располагалась операционная, и те, кто находился там, из-за двустороннего стекла не могли ее видеть. Ей было очень интересно, что делают с детьми из касты солдат, как они обретают свою силу и выносливость.

В операционную завели Адремалеха. От ослепляющих белых стен его глаза сделались еще более насыщенными и яркими. Он сел в кресло, медбрат пристегнул его руки и ноги ремнями, проверил, достаточно ли сильно они затянуты. Вскоре пришел врач. Ее отец. Он что-то сказал Рему, Аме-

лия не могла слышать, что именно. После, он взял в руку скальпель и начал резать плоть мальчика: по ребрам, между ними. Разрезы были не глубокими, но без анестезии приносили достаточную боль. Рем молчал. Он зажмурился, сжал ладони в кулаки, но не издал ни звука.

– Хорошо. Хороший мальчик.

Доктор разговаривал с Ремом, будто с собакой. Он отложил скальпель в сторону и взял со стола пинцет. Ее отец явно не торопился заканчивать. Холод пробежал у Амелии по коже. Она понимала, что по ту сторону стекла сидит такой же, как и она, ребенок, которому больно.

«Сколько же раз с тобой делали подобное, что ты научился терпеть эту боль!» Но худшее ожидало впереди. Амелия оказалась впечатлительным ребенком.

Доктор продолжил. Он начал оттягивать пинцетом края разрезов, надрывать кожу. Кровь из ран потекла сильнее. Его это не интересовало. Рем запрокинул голову назад, но по-прежнему не издавал никаких звуков. Все его тело напряглось до предела. Амелия не понимала, как такое можно терпеть. Она была совсем ребенком, и еще не знала, подобное – самая безобидная часть тренировок, через которые пришлось пройти Рему за его двадцать лет жизни в лаборатории.

Амелии казалось, что запах крови и боли она чувствует даже здесь, за стеклом. Ей самой хотелось кричать вместо Рема, словно пропустить и выпустить всю его боль через себя. Наивный ребенок, не знающий жестокости настоящего

мира.

Он молчал. Грудь стала тяжело вздыматься, легкие глубоко втягивали в себя воздух и с тем же свистом его выпускали. Он умер всего три месяца назад, и вот опять прикован к тому же креслу. По щеке покатила одна единственная слеза.

– Опять плачешь, бездарное ничтожество? Ты хоть понимаешь, кем должен стать? Твои чувства никого не интересуют. Тебе никогда по-настоящему не заслужить право на имя. Разряд.

К Адремалеху подошел медбрат и ударил его током за покотившуюся по щеке слезу. Одну единственную слезу на лице двенадцатилетнего мальчика, которого пытали всю его жизнь.

Амелия больше не могла смотреть на это. Чрезмерная жестокость. Хотя она даже не представляла, что он пережил всего пару месяцев назад. В груди щемило болью от увиденного, от осознания, что ее предназначение – стать такой же, как отец. Она выбежала из комнатки. Не оглядываясь назад, двигалась по коридору вперед, но все равно не могла убежать от своей судьбы. И вот теперь, спустя столько лет, она все еще бежит. Но отчего сейчас?

Повзрослев, она стала понимать, ради чего ее кастой принимались такие жестокие меры. Хотя то, что она видела ребенком, трудно назвать жестоким по сравнению с иными методами. Результаты поражали. Она видела это, в том числе, на примере Рема. Каким сильным, совершенным орудием

войны он стал.

Но действительно ли цель оправдывает средства?

Этот вопрос мучил ее всю жизнь. Она могла получить идеальную судьбу. Власть, достаток, почетное место, авторитет – все это лишь за удачное происхождение и хорошо работающие мозги. Но она зашла в ту комнату и не смогла найти путь обратно. Глубоко засевший в сознании вопрос без ответа, единственный вопрос, на который она не смогла получить внятное объяснение, стал одной из причин ее неповиновения и ранней отставки. Разрушил ее жизнь. Но она была не против. Пусть лучше ее судьба будет разрушена правдой, чем построена на одних лишь иллюзиях.

Амелия остановилась. Ей больше не хотелось бежать.

– Ты всю жизнь сражался один. Тебе всю жизнь запрещали иметь человеческие чувства. За любое проявление слабости наказывали. Ну и разве ты хочешь умереть так, как тебя заставляли жить? Никто не поймет твоей боли. Никто не сможет понять, насколько много ты потерял, насколько много у тебя отобрали. Твоя жизнь – одно сплошное страдание. Я не удивлена, что ты хочешь умереть, что ты устал так жить. Никто не заслуживает того, что с тобой сделали. Но я не позволю тебе умереть. Не сегодня. Сегодня я не буду все той же маленькой девочкой-эгоисткой, которая просто убежала. Я не позволю им победить. Мы вернем себе все, что у нас отняли.

Амелия быстро добралась до их с Ремом убежища, откры-

ла дверь и увидела его лежащим на полу. На секунду она подумала, что опоздала. Сердце остановилось. Тело охватили дрожь и страх. Она проиграла? Они проиграли? Позволили победить *им*? А она так и не смогла сказать ему, что он не одинок. Что она знает. Быть может, это изменило бы его решение. Целый рой мыслей кружился в голове, пока она делала шаг за шагом к телу Рема. Она наклонилась. Жив! Все еще жив! И он-то еще говорил, что не хочет жить!

Амелия аккуратно перевернула его на спину, сняла футболку, разрежала бинты небольшим складным ножом, который всегда носила при себе. Достать их было не так то и просто. Они сильно прилипли к открытой ране. Расправившись с ними, она ужаснулась. Даже человеку с ее уровнем подготовки видеть подобное давалось не часто. Запах разлагающихся тканей резко ударил в нос. Действие яда. На секунду она замерла, не зная, что ей делать, и возможно ли вообще что-либо сделать.

Отступить перед трудностями было не в ее характере. Хуже уж точно не сделает, так почему не попытаться.

– И ты все это время терпел? Как же я тебя ненавижу!

Она быстро прокипятитла нож с самым тонким лезвием, нитки, иголку, щипцы, хорошо вымыла руки. Ей было немного жаль Катарину, но сейчас она в тайне в душе даже порадовалась, ведь со смертью этой женщины в их доме появились некоторые медицинские инструменты.

– Ну что, давай возвращаться с того света.

Она долго оперировала. Очень долго. Аккуратно. Не спеша. Не поддаваясь панике. Тихо, молча, сосредоточено. Не обращая внимания на собственную боль от ранения. Умелыми движениями срезала мертвую ткань, стараясь убрать и вычистить все настолько, насколько это возможно. Рана оказалась сквозной. По форме напоминала цилиндрический предмет, может быть трубу, которой могли проткнуть его тело. На удивление ни один орган задет не был. Главная проблема заключалась в распространяющемся заражении от яда и начавших гнить тканей. Амелия узнала свою работу, сомнений не оставалось, но она старалась не думать ни о чем кроме текущей операции. Иначе она могла на мгновение сломаться от осознания той невыносимой боли от такого рода ранения, степени заражения, и его одиночества. Он до последнего решил остаться один.

Вот и все. Амелия закончила. Аккуратно зашила рану. Но заражение уже было в его крови. Ее яд. От этого одними навыками хирурга его не спасти. В течение суток Рем умрет, чтобы она ни делала. Или нет? Амелии в голову пришла безумная идея. Настолько безумная, что она, не раздумывая, отправилась ее реализовывать.

ГЛАВА 15.

Когда-то давно, будучи маленькой девочкой, она желала разделить чужую боль, забрать ее часть себе, чтобы хотя бы на миг прекратились страдания. Она была ребенком. Всего лишь ребенком, который не мог изменить систему. Сейчас она повзрослела. Ей больше не хотелось прятаться. Сегодня, Амелии казалось, что она смогла забрать часть его боли себе, как истинный лекарь. Да, это лишь ее эмоциональное восприятие своей физической помощи умирающему. Но все же... Видя чуть выровнявшееся дыхание Рема после операции, она ощутила, что никто не сможет отнять у нее ее предназначение – забирать боль своими навыками. Теперь по ее щекам текли слезы. Она позволила эмоциям прорваться наружу, после умылась, привела мысли в порядок, взяла затертую пачку сигарет и вышла на крыльцо реализовывать задуманное.

Амелия прикурила сигарету, сделала первую затяжку, выпустила клубок дыма. Ее лицо больше не отражало никаких эмоций, голос не дрожал. Она полностью взяла свои чувства под контроль.

– Я знаю, вы меня слышите. Не будем притворяться, что это не так. Мы давно играем с вами в эту игру, Dear father. И мы знаем, чем это закончится. Не мне тебе объяснять. Но я уверена, что все идет не по твоему плану. Не так, как те-

бе хотелось – она сделала паузу, выдохнула очередной клубок дыма, – предлагаю сделку. Вы знаете, отец, что мне нужно. Пара инъекций, чтоб остановить заражение крови и ускорить регенерацию тканей. Пара инъекций того, что спасет ему жизнь и не ослабит, а сделает лишь выносливее. Моей платой станет послушание. Я исполню твое желание, кроме самоубийства или его убийства. У тебя есть шанс вернуть игру в те рамки, в которых ты изначально ее и задумывал. И я говорю не об этом городе. Даю тебе шанс еще раз извращенно сыграть в рулетку с моей судьбой. На решение у тебя пять минут. Отсчет пошел.

Не прошло и минуты, как в дверной косяк рядом с головой Амелии вонзились стрелы. К одной были примотаны две ампулы и столько же шприцов. К другой – записка.

Амелия открепила препараты от одной и положила в карман, затем сняла послание:

«Условия приняты. Но у меня есть дополнительное – через шесть дней ты совместно с Адремалехом выступишь на арене. Ты все равно не откажешься, так что приготовлю сюрприз. Приятно повеселиться.

P.S. Ты переоцениваешь свою важность. Он тебя все равно не спасет. М.П.».

– Как-то условия не внушают доверия. Слишком легко. Слишком просто. Но сейчас не важно.

Амелия сделала укол в вену Рему и немного успокоилась. Теперь она знала, что он будет жить. Хотя сомневалась, что

его реакция на этот счет будет положительной. Спасибо он ей не скажет точно.

ГЛАВА 16.

Я вернулся из мертвых. Я уже отчетливо ощущал ее дыхание на своей коже. Я был так близок. К спокойствию. К тишине. К отсутствию боли. К безмятежности. Мне так хотелось сделать этот шаг навстречу смерти. Я жаждал этого, как ничего и никогда еще в своей жизни. Я так устал. Но я чувствую, меня силой волокут обратно, тянут назад, к боли, к бесконечному страданию. Глупо было надеяться, что она сможет меня оставить позади. Ей также как и мне не хочется оказаться совсем одной в этой агонии. Я ее понимаю. Но не знаю, как поступил бы сам. Смог ли отпустить ради того, чтобы она обрела покой. Как глупо. Я же знаю ответ на этот очевидный вопрос. Я уже не смог ее отпустить однажды. Так слаб и ничтожен. Надеюсь на то, что сам не смог сделать. Я не хотел возвращаться. Не хотел. Но малая часть меня не желала оставлять ее одну, хотя бы пока не закончится эта игра. Она жаждет мести, жаждет уничтожить свою касту. Она знает, что полностью разрушить существующий строй не удастся никому, даже нам вдвоем. Можно лишь на время притормозить его развитие. Но она не хочет полного тотального уничтожения. Она просто желает выместить свою боль на тех, кто ее причинил. Заставить их страдать. Заставить потерять все. Лишь месть и боль. Иначе она сама уже давно свела бы счеты с жизнью. Как странно осознавать, что Аме-

лия обо мне ничего не знает. Кем я на самом деле был. Кем стал. Почему все так получилось. Как усердно они скрывали от нее правду. Как же им не хотелось потерять собственного ребенка, который осмелился иметь свое личное мнение, осознавшего истину их стремлений лишь однажды увидев меня по ту сторону золотой клетки. Мне можно лишь завидовать. Мальчик, у которого было все. Юноша, который затмил всех живущих на сей день. Единственный, в чьих жилах течет не простая кровь. Единственный, кто обрел ту самую силу, к которой стремятся все дети касты солдат. Неужели я действительно должен верить, будто все, что со мной сотворили – это мое личное счастье и подарок судьбы. Окружающие так страстно желают оказаться на моем месте, рвут на себе волосы, лезут из кожи вон, стремясь занять его. Они готовы пойти на многое. Они так считают. Смешно. Но знают ли они, на что действительно придется пойти, чтобы сесть на мой кровавый «трон». Глупцы. У них есть выбор, которого не было у меня. Неужели чужое страдание в глазах слабоумных настолько привлекательно. Я помню, как нам всем с самых юных лет промывали мозги. Живите, чтобы быть сильными, сражаться ради своей страны, стать идеальными солдатами, не оставлять камня на камне в землях тех, кто посмеет бросить вызов. Только никто не сказал, что этих земель нет, и цель то вымышленная. Какая примитивная дорога. Все как один. Стать таким же, как и другие. Сотни, даже тысячи стремятся к единственной цели. И живут так и даль-

ше, сражаются, проливают свою и чужую кровь просто потому, что никто не научил задавать правильные вопросы. Наша психология построена на одном лишь принципе – полного и бездумного подчинения. Пришло поручение истребить врага. Врага, которого нет. Лишь иллюзия, так старательно поддерживаемая, как оправдание нашего существования. Координаты такие-то. Единственные вопросы, которые возникают у моих согильдийцев – сколько нужно убить, как быстро необходимо выполнить задачу, сколькими можно пожертвовать ради достижения цели. Остальное их не волнует. Запрограммированные на убийство роботы. Даже если врагов и не существует по-настоящему, ведь нам уже давно не с кем бороться. Что же со мной однажды пошло не так? Почему я все время хотел задавать неправильные вопросы? Что ж, это уже не важно. Я давно не тот мальчик, который хотел верить в свое предназначение. Но кто я сейчас? Лишь потерянный человек, который не знает, к чему стремиться дальше? Я ей даже завидую. У нее есть цель. Пусть и столь примитивная как месть. У меня даже такой нет. Кому мне мстить? Что это изменит? Убить ее отца? За годы пыток и унижений, что я перенес по его приказу? По его ли? Нет. По приказу моих собственных отца и матери. По приказу системы. Были ли они моими родителями? Нет, только набор ДНК. Да и она сама прекрасно справится с его убийством, если решит сделать это всерьез.

Что я к ней чувствую? Я не верю в существование такого

примитивного чувства как любовь. Это глупость, созданная для тех, кто не может построить свою судьбу, и кому нужно иметь хоть что-то в этой жизни – комфорт, удобство, привычку, что угодно. Я не люблю ее. Не люблю никого. Любить ее было бы оскорблением как мне самому, так и ей. Она смотрит на это так же, я уверен.

Но что со мной происходит? Я не могу посмотреть в ее глаза и увидеть ответ. Я ведь никогда ее не увижу, ни смогу заметить, как меняется ее мимика, как она реагирует на мои слова или действия. Я никогда не смогу увидеть, как она выглядит спустя столько лет, как стала самой собой, а не маленькой девочкой, загнанной в угол обстоятельствами. Но я чувствую в ней себя, будто та часть моей души, что всегда была пуста и потеряна, нашлась, словно она мое отражение. Мне не нужно ничего говорить, я знаю, что она меня понимает, и не жалеет. Я никому не позволю себя жалеть. Я знаю это. Я уверен в этом. Я не хочу, чтобы она уходила. Я больше не ощущаю то разрывающее на части одиночество. Мне так нравились наши вечера, проведенные в этом старом разрушающемся доме. Мы пили вино, танцевали под эклектичную музыку, я впервые за очень долгое время чувствовал себя живым. Наконец-то я признался себе в этом. Сможет ли она признаться себе в том же? Я чувствую отклик в ее душе, но она ведь такая же, как я, все поставит под сомнение. Сможет ли она признаться самой себе, что не хочет отпустить меня не только из-за очевидной выгоды союза? Ви-

дит ли она во мне кроме ключа к победе, монстра или бездушной машины живого человека? Хочу ли я, чтобы она перестала отторгать нашу незримую связь? Скорее да, чем нет. Ведь мне, как и ей, страшно. Мы не приучены к подобному. Нас научили только бороться, убивать, стоять совсем одному против целого мира. Как после такого решиться довериться? Это слишком сложно. Слишком страшно. Я никогда ничего не боялся, даже смерти. А этого боюсь до жути. Боюсь стать слабым из-за нее. Но если она действительно такая же, как я, то вдвоем мы будем лишь сильнее. Ей не давали информацию обо мне, зато я знаю все. Такова участь неофициального главы государства – знать все и обо всех. А она все еще считает меня лишь солдатом, лишь телом, что может сражаться. Как странно, что меня стало это задевать. Раньше мне было безразлично. Теперь мне больно. Как будто итак было мало боли в моей жизни. Она уничтожит меня. Определенно. А я уничтожу ее. Одно лишь наше существование, и резонирующие души потихоньку разрушат друг друга. Однажды мне придется умереть, а ей придется жить. Только она этого еще не понимает, зато это знаю я. Порой, выход бывает только один.

Я не хочу больше ничего чувствовать. Лучше быть одному. Я так хочу быть один, один умереть. Ради чего мне жить? Кого я обманываю? Разве я могу себя обмануть? Я не хочу отпускать ее руку. Пока не настанет момент, когда я не захочу умирать, но мне придется это сделать. Как зла судьба.

Не в первый раз. К сожалению. Мы привыкли. Она переживет. Но не сейчас. Сейчас мне нужно вернуться. Она меня вернет. Она не даст мне спокойно уйти, пока это в ее власти. Пора просыпаться ото сна.

ГЛАВА 17.

Инъекция начала действовать довольно быстро. Через пару часов Рем очнулся. На улице стемнело, поэтому Амелия зажгла две большие свечи, чтобы следить за его состоянием стало комфортнее.

Рем поднял одну руку вверх, затем вторую, будто не понимая, как это возможно, что он все еще жив и может самостоятельно управлять своим телом. Амелия замерла на месте. Даже забыла, как дышать, от удивления, как быстро он очнулся и насколько сильным был его организм.

– Так и знал, что ты не оставишь меня в покое, – его речь была заторможенной, голос хриплым.

Он аккуратно привстал и подполз, не отрывая ног от пола, волоча их за собой, к стене, облокотился об нее спиной.

– Тебе нельзя двигаться, – пришла в себя Амелия и злобно прикрикнула на него.

– Сам решу, что мне делать.

«Сказал, как отрезал».

– Зачем вернулась?

– Захотелось.

– Как ты меня спасла? У меня уже началось заражение крови.

– Может, когда-нибудь расскажу. Если перестанешь меня винить в том, что еще жив.

– Я тебя не виню.

– Правда? По твоему тону не скажешь.

– Правда. Разве я тебе соврал хоть раз за время нашего знакомства.

– А умалчивание важных вещей считается?

– Ложь – это слова.

– Ты мой должник.

Он ничего не ответил, вновь потеряв сознание. Амелия переложила его в более подходящее положение и оставила отдыхать.

Рем пролежал без сознания практически сутки. Сначала Амелия все время сидела рядом, прислушивалась к неровному дыханию, то и дело, замиравшему. Порой ей казалось, что Адремалех переставал дышать, что все закончилось, так или иначе. Поэтому не отходила, следила, готовилась вдохнуть жизнь снова, если это потребуется.

По прошествии часов шести состояние Рема стабилизировалось относительно того, с чего они начали, и Амелия позволила себе отвлечься. От сильного напряжения ее шов разошелся в нескольких местах, поэтому ей пришлось исправлять и это. У девушки еле хватило сил заставить себя раз за разом вгонять иглу в собственную плоть без какой-либо анестезии, но в минуты слабости она прокручивала в голове, какую боль приходилось терпеть Рему, и ей становилось внутренне стыдно, и она продолжала дальше зашивать себя.

Закончив и отмывшись от крови, она оделась и вернулась

в комнату, села напротив Рема, согнув ноги в коленях, и, облокотив голову о стену, запрокинув ее назад. Наконец, настало время спокойно поразмышлять над столь бурно развивающимися событиями, произошедшими в последние пару дней.

«Правильно ли мы вчера сделали выбор? Такие эмоции и привязанность явно ослабят нас. Раньше существовал договор – взаимовыгода, но каждый сам за себя. Не можешь выжить, не тяни другого следом. Когда эта четкая грань так успела стереться? Кто из нас начал ее уничтожать? А главное почему? Мы оба – люди практичные, иначе не дожили бы даже до начала игры. Мы оба не признаем иных чувств, кроме боли, страдания, душевного надрыва. Мы оба не верим в любовь, мы видим насквозь это гадкое чувство, и как оно лишает индивидуальности. Мы бы не повелись на такую глупость. Только не мы. Но мы и не любим друг друга. В себе я уверена, да и в нем тоже. Физиология? Тоже нет. Мы освободились от ее оков много лет назад. Но почему у меня так глубоко внутри засело ощущение, что больше наши пути уже не разойдутся, несмотря ни на что? Теперь мы связаны незримыми нитями, которые не в состоянии понять? Я знаю, кто перешагнул черту».

Амелия открыла глаза и окинула взглядом Рема.

«Адремалех, что же ты наделал. Надо было дать мне умереть на том балу. Ты не просто спас меня, ты подставил под удар свою собственную жизнь, а потом еще выхаживал

в ущерб себе. Но почему? Ты не боишься одиночества, и жизнь твоя тебе не дорога. Ты не боишься смерти, но ты и не герой. Я не хочу быть спасенной. Не хочу быть обузой. Нам твердили всю жизнь иное. Дерись, борись, умри ради чужой цели. Особенно тебе. Мне было проще, ведь я сама нашептывала эти слова. Так нас учили. Так нас убили. Тебя и меня. Много лет назад. Но мы вернулись оттуда, откуда не возвращаются. Единственные. Но не связанные. Ничем и никем. Ничего общего кроме той самой лаборатории. Меня растили, чтобы я мучила и убивала детей ради единственной цели – создание идеальных солдат. Тебя растили, чтобы ты мучился и страдал, и из мук и страданий стал идеальным солдатом, защищая в дальнейшем таких, как я, и не только. Не задавайте вопросов. Делайте свое дело. Этот голос звучит у меня в голове до сих пор. А в твоей? Что звучит в твоей голове? Чей голос терзает по сей день? Мы пересекались в лаборатории всего пару раз, не зная друг друга, не задавая вопросов. Я запомнила тебя лишь благодаря твоему статусу (хотя кого я обманываю), тебе же пророчили достигнуть идеала. Ты достиг. А я мечтала увидеть, как наши усилия, наконец, обретут реальную форму, ведь я, в первую очередь, ученый. Всегда им была и буду. А еще я запомнила твою уникальную внешность, явившуюся следствием многочисленных экспериментов. Помнил ли ты меня? После мы не пересекались больше вплоть до того дня, когда по лаборатории пронеслась ураганом новость. Адрамелех, лучший из лучших, больше

не пригоден для службы. Ослеп. Ослепили. Испугались. Нас растили ради одной цели. Создать тебя. Мы создали. Тебя уничтожили. Они же. Те, кто дал нам смысл жизни в таких, как ты. Лицемерие и ложь с того дня сквозили отовсюду. Я становилась злее, неуправляемее. Они потеряли контроль надо мной. Меня тоже списали. Но почему только я увидела эту гнусную правду? Почему больше никто не сошел с ума? Мы создали то, ради чего жили, лишь для того, чтобы этот смысл вырвали из моих рук, растоптали, и дали понять, что наша единственная цель – иллюзия. Я больше не была лучшей. Не выдержала. Меня сломали. Тебя сломали. И мы так жили. Тянули горькие минуты через свою жизнь. Не знаю, почему я себя не убила. Не знаю, почему ты себя не убил. Что заставляло идти дальше? Что заставляло открывать глаза и проживать новый день? Мы не были связаны. Моя трагедия напрямую не сопряжена с твоей. Мой смысл жизни и без того разрушился о другую стену лжи, раньше или позже меня все равно списали бы. В глубине души я понимала, что не поддаюсь контролю. Думаю, ты тоже понимал про себя, но все равно выполнял приказы. Молча, без лишних слов. Но даже это не помогло.

Мы не были связаны до того дня, когда я случайно забрела на крышу, ища спасения. Ты искал того же. Мы не осознавали этого тогда. Ты нашел раньше. Ты понял раньше. А я нашла тебя. И наши пути пересеклись. Мы решили идти вместе. Взаимовыгода. Я не говорю о себе, ты не говоришь

о себе, мы просто деремся и выживаем, боремся и убиваем. Вместе. Я поняла, кто ты, сразу. Ты, скорее всего, тоже. Я думала, мне будет выгодно с тобой, а потом эта невидимая нить медленно тянула, затягивалась. И вот мы здесь. Сделали выбор. Поддались слабости. Но больше не одиноки. Нет. Одиноки. Но по-другому. Наши души всегда будут страдать, каждая по-своему, но рядом будет тот, кому не надо объяснять».

Амелия вновь опустила голову и осмотрела Рема. Он уже очнулся. Смотрел на нее.

«Каково это? Ты поворачиваешься к человеку или предмету, знаешь, что он там, но ничего не видишь. Это рефлекс – оборачиваться? Выработанная за долгие годы жизни привычка?».

Рем попытался приподняться на локтях.

– Только попробуй, и я тебе руки отпилю, клянусь. Твои раны слишком плохи. Тебе еще лежать и лежать.

В ответ тишина, из правого уголка губ Рема потекла тоненькая струйка крови. Это было плохо. Очень плохо. Тело не справлялось.

– Лег обратно. Быстро. Не смей перечить своему доктору.

– А если это последний раз, когда мы говорим? Не думала, что я не хочу жить дальше? Может, я хочу умереть.

Он опустился снова на пол. Его грудь так слабо и редко вздымалась, и казалось, что Рем перестал дышать. Но он был еще здесь.

– Ты решил бросить меня? Оставить одну? Я тебе не позволю уйти, как бы сильно ты этого не хотел. Не забывай, с чего мы начали. Взаимовыгода. Мне не выгодно, чтобы ты умирал.

Рем едко ухмыльнулся.

– И где же тут взаимовыгода? Мне не нужно твое разрешение, чтобы умереть.

– Это уже мне решать.

– Я тебя не просил, – и он сделал долгую паузу, обдумывая, – что ты хочешь?

– Ответь на один вопрос.

– Это все? Хорошо.

– Да, но без уловок.

– Задавай.

– Расскажи мне о том дне, когда ты все потерял.

– Лучше бы дала умереть.

– Ты обещал.

– Ладно, – он подполз к стене, сел, устроился удобнее и продолжил. Оставаться в сознании и говорить членораздельно, было тяжело, но он делал и более невозможные вещи.

– Я никогда не смогу вырезать это из своей памяти. Кажется бы, сколько лет прошло, пора смириться. Но каждый раз, закрывая глаза, оставаясь один, я вновь вижу перед собой час, когда моя жизнь обратилась в пепел. Забавно, я столько лет ничего не вижу, не помню, как выглядят многие вещи и люди, но тот день я вижу так четко, словно это снова

и снова происходит прямо передо мной, только на сей раз я смотрю со стороны. Словно не я лежу там, на пыльной земле. Нет, не я! Я лишь стою поодаль и наблюдаю. Даже сейчас, я отчетливо вижу ту грань, которая разделила мою жизнь на до и после.

Он закашлялся, вытер кровь ладонью и продолжил.

Я возвращался домой. Впервые за долгое время из лаборатории мне позволили уйти до заката. Я служил на благо государства уже пять лет легально, но не официально – с шестнадцати лет, ведь прошлый глава уже не мог выполнять свои обязанности. Каждый день меня все равно обязывали посещать это проклятое место для проведения различных тестов и анализов. В тот день мне сказали, что я готов, что мое медицинское сопровождение больше не требуется. О, если бы я только знал тогда, почему оно мне больше не потребуется! Но что прошло, того уже не изменишь. В те годы я был слишком самоуверен и горделив. Власть ослепляла. Я даже наивно полагал, что сумел приструнить Марка. Лучше меня ведь никого еще не сумели создать. Я единственный перенес все. Я выжил, несмотря на все бесчисленные попытки убить меня. Марк медленно сходил с ума. Год за годом. Его личная ненависть всегда была направлена против меня. Она разъедала его изнутри. А все из-за чего? Его безумные идеи отвергли мои родители. Они выставили его дураком, а себя поставили выше. Честолюбие – страшное чувство. Оно породило безграничную ненависть в его душе. Я даже однажды

попытался помахать ему белым флагом, но все пошло не по плану, и мне, в итоге, пришлось унижить его еще больше.

Боль. Агония. Смерть. Воскрешение. Такова была цена моей силы, и я ее уплатил сполна. Идеальный солдат, идеальная машина для убийств, идеальный шпион и дипломат. Все движения доведены до совершенства. Я освоил все виды боевых искусств, мог владеть любым оружием. Я был сильнее, быстрее, ловчее. Лучший из лучших. Тот, кто выжил после инъекции. Тот, кому хватило выносливости и сообразительности заплатить эту цену и не погибнуть. На моем теле навсегда остался отпечаток экспериментов. Сейчас я даже не знаю, как выгляжу. Я лишь помню свои нечеловечески фиолетовые глаза и огненные волосы. Возможно, я был красив когда-то. Теперь это не имеет значения.

Я уже подходил к дому. Ну как к дому, к своему личному небоскребу. Уже видел крыльцо, когда меня словно пронзило чем-то невидимым. Все мышцы в теле резко окаменели, застыли, сердце начало биться в болезненном ритме. Его замедляющиеся удары эхом отдавались в моей голове. Я упал на землю парализованный, не способный пошевелить даже пальцами руки. Но я пытался. О боги, как же я пытался тогда! Я осознавал, что все это не случайно, что меня специально обездвигили, чтобы я не мог защитить себя, и не знал, для чего это сделано. Тогда я думал, что меня просто убьют. Эта мысль не пугала. Я не боялся смерти. Не боюсь ее и сейчас.

Я видел тень. Даже не тень, а тени. Двух мужчин. Они медленно приближались ко мне. Даже не имея возможности рассмотреть их лиц, могу точно сказать – они были из твоей касты. Никогда в жизни не ощущал себя настолько беспомощным, и ничего не мог сделать, никак не мог изменить ситуацию. Злость овладела мной. Прежде всего, злился на самого себя. И я начал рычать, как дикий зверь. Этот рык вырывался из глубины моей души.

Дай мне сигарету.

Амелия протянула ему уже подкуренную, хотя и хотела воспротивиться этому в его то состоянии, но не стала. Рем сделал затяжку и продолжил.

Один из мужчин медленно поднес руку к моей голове, аккуратно погладил волосы, взъерошил их, а затем резко сжал в руке и запрокинул мою голову назад. Второй мужчина надел мне на глаза что-то вроде очков, плотно прилегающих к коже. Мужчина разжал руку, и моя голова с треском, с таким глухим стуком, ударилась об асфальт. А дальше... Дальше я лишился всего. Я помню яркую вспышку. Она прожигала мои глаза даже в закрытом состоянии. Я больше ничего не видел. Только чувствовал. Чувствовал нестерпимую боль. Я сжал ладони в кулаки. Я боролся. Боролся из последних сил, но тело не слушалось. Я попытался привстать. На одну единственную секунду у меня получилось оторваться грудью от земли всего на несколько сантиметров. Но, с таким же глухим звуком, я повалился обратно.

Мне так хотелось кричать. Нестерпимая боль жгла огнем все мое тело. Но я не издал ни звука. Тогда мне казалось, что вот-вот сейчас я вновь увижу мерцающие огненные глаза. Мне было все равно. Единственное, чего я не мог допустить – это позволить им убить меня, как визжащую свинью на скотобойне.

Когда все закончилось, они сняли с меня это устройство и ушли. Ни один из них не проронил ни слова: молча, пришли, молча, ушли. А я так и лежал на земле. Через пару часов, показавшихся целой вечностью, моим мышцам стал возвращаться былой тонус, и я смог заставить себя подняться. Но мир вокруг так навсегда и остался черным. Я ничего не видел. Ничего. Лишь одна сплошная тьма, в которой живу и по сей день. Не знаю, почему до сих пор жив.

Давно пора бы со всем этим покончить. Но что-то неведомое держит меня по эту сторону. Может это судьба, и я не пустил себе пулю в лоб лишь, чтобы мы однажды встретились. Ведь ты одна из тех, кто меня тогда убил...

Он сделал последнюю затяжку и затушил сигарету.

– Так ты уже знаешь, кто я, – не вопрос, тихо произнесенное утверждение.

– Если меня растили солдатом, это не означает, что я глуп.

– Я помню тебя. Еще когда ты был ребенком, а я, будучи таким же ребенком, стояла по ту сторону стекла. Мальчик, который все не умирал, как бы мы не старались. К тебе всегда относились особо жестоко, ведь ты сын главы. На те-

бе ставили больше всего экспериментов, дозировки делали сильнее, тренировки жестче. Они так хотели тебя сломить! Так отчаянно желали, чтобы твое тело не выдержало, сердце остановилось. Но твоя невероятная тяга к жизни, способность адаптироваться и выживать преодолели все это. Даже среди таких же детей, ты всегда был другим.

– Стекло было прозрачным, – три слова, пронзившие установившуюся тишину, ударившие Амелию под дых.

– Так он знал?

– Конечно, знал. Зачем ты спасла меня? Я же сказал, чтобы ты оставила меня и не возвращалась. Я не желал спасения. Я не просил о помощи, – его равнодушный и холодный голос звучал особенно мрачно в этой тишине ночи.

Рем сидел все также неподвижно, всем корпусом облокотившись о стену. По его внешнему виду редко когда можно определить его физическое, моральное, душевное состояние: лицо, не выражающее ни одной эмоции, словно вокруг ничего и не происходило, словно он сам еще вчера не был одной ногой уже в могиле. Годы тренировок и чудовищное самообладание и самоконтроль.

Главное правило, которому учит жизнь – в каком бы состоянии ты не находился, как бы плохо тебе не было, никогда нельзя показывать свою слабость. Рем на своей шкуре испытал его действие еще в самом юном возрасте. Больше он никогда не допускал для себя такой роскоши, и никому не позволял читать свои мысли, не давал даже малейшего шан-

са понять себя.

Конечно, Амелия своим профессиональным взглядом видела перед собой человека, находившего в состоянии еще вчерашнего мертвеца: особенная бледность его лица, впавшие от истощения и чрезмерного физического страдания щеки, еще сильнее заострившиеся скулы, тяжело вздымающаяся грудь, неровные глубокие вдохи и такие же рваные выдохи. Иногда даже «демоны» не способны полностью подчинить своей воле человеческую физиологию. Хотя простой смертный в его состоянии не смог бы не то, что самостоятельно сесть, но и даже сказать слово. Речь Адремалеха же была спокойной, четкой, голос холодным и тяжелым.

Его белые глаза сейчас были открыты, взгляд направлен вперед, в черноту ночи. О чем же он думал в этот миг? По правде говоря – ни о чем конкретном. Болезненные воспоминания, которыми он поделился с Амелией, до сих пор вызвали в нем отголоски тех боли и отчаяния. Мысли блуждали далеко. Он давно знал, кто такая Амелия. И она давно знала, что он все понял. Но она лгала себе, хотела остаться как можно дольше в этих чудесных днях, которые они проводили вместе с Ремом, всей душой желала затеряться в них и не найти пути обратно в эту реальность. Она не хотела терять друга и товарища, а потому просто отгоняла тяжелое осознание подальше от самой себя. К тому же, Рем – лучший для нее способ выжить и выбраться из этой чертовой игры. Но в этом ли только дело?

Амелия уже задавалась этим вопросом. Ей на всю жизнь запомнился тот уставший и измученный взгляд фиалковых глаз, полных боли и отчужденности. Все же некоторые образы невозможно вырезать из памяти. Испытывала ли она к нему влечение? Скорее нет, больше интерес, нежели влечение. Да, даже не сострадание. Интерес. Так уж их растили. Внушали подобные мысли с самого детства. Сейчас же... она не могла наверняка ответить на данный вопрос. Она все также не испытывала к нему жалости, ведь жалость – эмоция недостойная. Да и никому из них стало бы лучше от жалости другого.

Однажды Рем пропал из поля ее зрения. Позже она узнала, что его списали, словно ненужный мусор, устаревшую модель, а, попросту, избавились от слишком сильного монстра, которого сами и создали.

Сейчас судьба вновь свела их пути. Не пересекла – переплела. Они оба ощущали это на подсознательном уровне. И с каждой неделей, проведенной вместе в этом городе, они все больше чувствовали, как резонируют их души. Два изгоя. Две заблудшие души. Два непохожих друг на друга человека, которые всю жизнь шли по разные стороны баррикад, и у которых отняли все. Нет, не так. Те, кого двадцать лет растили занять определенные должности и позиции, внушали смысл жизни, единственный, которому им позволят следовать – идеальный солдат и ученый-генетик, главы своих обществ, те, кто отдал так много ради достижения идеалов во

всем, те, кто внушал ужас в прочих своей силой, своим потенциалом, и те, у кого отняли этот единственный смысл их жизни. Растоптали, унизили, уничтожили, выбросили. Оставили жить дальше в осознании своей бесполезности, потерявшими самих себя, не способными больше быть теми, кем должны.

Страх лишиться контроля над порожденными монстрами оказался сильнее алчности. Но они не погибли, не сгнили в какой-нибудь канаве. Ползи дальше, не зная, как встать с колен, не зная, зачем вообще продолжать эту борьбу. Только вперед. Искалеченные, изувеченные, нодвигающиеся дальше. Каждый своей дорогой. Каждый, неся свое бремя и груз прошлого.

Эта навязчивая связь висела в воздухе между ними, становясь практически осязаемой гранью. Стоит ли ее переступить? Или лучше остаться каждому на своем пути? Однажды их жизни уже раскололись надвое. Оправдан ли этот риск? Или эта грань, рухнув, разобьет их жизни на еще большее количество осколков? Ответ не знал никто.

Амелия резко сорвалась с места, стала на колени перед Ремом и поцеловала его. Но он не ответил. Все также смотрел стеклянными глазами перед собой. Она отстранилась. Ей всего лишь хотелось проверить, ощущает эту странную связь только она, или же это взаимно. Она не расстроилась. Немного разочаровалась. В глубине души ей хотелось, чтобы он ответил, но на это она не рассчитывала.

Нет. Это не любовь. Ни Амелия, ни Рем, не верят в нее, не считают важной и не воспринимают, как нечто особенное, трепетное и сильное.

Что такое любовь? Лишь глупая привязанность, комфорт, стремление к отказу от самостоятельного выбора, желание «плыть по течению», искать опору в другом человеке, чтобы каждый раз утонув в болоте, кто-то другой тебя из него вытаскивал на берег и поднимал с колен, толкал вперед. Любви не существует. Это лишь вредная привычка одного человека к другому, словно зависимость от сигарет или алкоголя. Уж лучше выбрать сигареты или алкоголь. Любовь – это удобство, о котором людям из касты искусства всего лишь понравилось сочинять красивые небылицы, на деле же она эгоистична и болезненна.

Амелия же испытывала глубокое чувство, поднимающееся из глубины ее души, не вырывающееся, не заставляющее терять рассудок. И это не физическое влечение женщины к мужчине и наоборот. Скорее это ощущение прикосновения одной души к другой, их близость, дающая возможность понять боль того, кто сидит рядом, без слов, без эмоций. И не просто ее логическое осознание, не проецирование чужой боли к отражению своей собственной, а будто одна сущность когда-то давно раскололась надвое и только сейчас, спустя сотни лет, встретила с самой собой.

И это чувство тянуло, нашептывало внутренним голосом о том, насколько они похожи, будучи такими разными, про-

шедшими такими отличающимися дорогами, прожившими такие противоположные жизни, но все равно ставшие такими подходящими.

На интуитивном уровне и Амелия, и Рем ощущали, что и без слов находят друг в друге понимание. Ни жалости, ни сострадания. Разные взгляды, разное мышление. Но приводящие в итоге к единому ответу, к единому выводу. Для них нет необходимости в оправданиях друг перед другом, объяснениях своих действий, не возникало и боязни относительно реакции другого на тот или иной поступок, потому что каждый поступил бы также. Это спокойствие, уверенность, которые они ощущали, найдившись рядом, манили, но и одновременно отталкивали.

Для них такое ново. Им даже в самых смелых надеждах и мечтах не представлялось, что подобное возможно. Но это действительно происходило. Их судьбы сплетались все крепче, и дальше убежать от решения у них не оставалось сил. Неопределенность всегда хуже определенности.

– Забудь. Этого не повторится. Внутренний голос, наверное, осекся.

– Да замолчи уже.

В такой момент по всей вероятности должна была бы повиснуть тяжелая тишина, но нет.

Рем стремительным рывком оказался перед ней ровно в том положении, в котором она стояла перед ним еще минуту назад. Его движения были настолько быстрыми и резкими,

что сложно поверить в то, как серьезны его раны.

Он не сказал ни слова. Просто притянул к себе и поцеловал. Не долго, не агрессивно, но чувственно, словно проверяя ее реакцию, размышляя, не подводил ли теперь уже его внутренний голос.

Он немного отстранился от Амелии, все также продолжая стоять на одном колене перед ней. Она смотрела в его глаза. В непроницаемый слепой взгляд. Он ее не пугал. Завораживал.

– Мы нашли друг друга? – тихо прошептала она.

– Да.

ГЛАВА 18.

Ночь. Сырое помещение, освещенное только парой свечей, стоящих на столе, два человека, которые лишь сейчас осознали, что нашли друг друга сквозь все отчаяние и боль. Адремалех и Амелия. Два сломленных бойца. Друг напротив друга. Она с особым вниманием рассматривала, как тусклый свет и тени играют на его бледном лице, как тяжело вздымается грудь. Глаза демона тоже остановились на лице девушки. Хоть он не мог видеть, но слышал ее дыхание, чувствовал ее внимание. Тишина. Молчание. Им казалось, что время остановило свой ход, и эта ночь подобна вечности. Приятной и безмятежной вечности. Рем провел большим пальцем от подбородка девушки вверх по щеке, а затем начал медленно водить по ее лицу своими тонкими изящными пальцами, очерчивая каждый его сантиметр, вырисовывая, словно по контуру, в своей голове ее образ. Амелия не сопротивлялась и не отстранялась. Раньше они уже говорили об их внешности, она описывала ему цвет своих глаз и волос, рассказывала о том, как выглядит он сам. Но это были лишь отвлеченные разговоры. Сейчас Рем хотел знать по-настоящему. Хотел возродить в своей памяти каждую черту ее лица.

Это была по-настоящему тихая и спокойная ночь, но, как часто это бывает, оборвавшись с рассветом, она уступила ме-

сто горечи реальности.

– О чем размышляешь?

– О моем болезненном состоянии. Люди видели, ходили слухи, за территорией следили, и у меня совершенно не оставалось сил пресекать нарушение правил. Падальщики уже слетаются. Слышу отдаленные шорохи. Ощущаю на уровне инстинктов их присутствие. Времени не осталось, хотя если я был бы мертв, то мог уже не беспокоиться обо всем этом, но раз я еще дышу, а они отчаянно желают подохнуть – так тому и быть.

Рем вытянул руку из-под Амелии, встал с пола, накинул рубашку, скрывая от посторонних глаз повязки, поднял несколько поясов с оружием, которые первыми подвернулись под руку. Все его движения отдавали болью, и демон этого больше не скрывал.

– Стой! Твоя рана может открыться. Все повязки и так в крови, их необходимо сменить.

– Какой в этом смысл, если швы сейчас расплзутся? Да и на это не осталось времени.

– Я иду с тобой, и только попробуй проиграть этим ублюдкам. Сама тебя на тот свет отправлю.

Рем многозначительно улыбнулся. Он не одобрял подобное проявление нежных чувств, облеченное в довольно странную форму, на постоянной основе, но сейчас, на грани сознания, на грани сил, ему это не претило, а даже позабавило, заставило взбодриться. Возможно, в глубине души ему

хотелось хотя бы однажды услышать нечто подобное перед тем, как идти в бой. И Амелия знала, что ему нужно услышать эти слова, несмотря на то, что ее язык еле смог облечь эту чрезмерно приторную мысль в звуки.

– Дай мне пару минут, чтобы подготовить нас хотя бы немного. Если еще есть время...

– Его не так уж и много. Но спешка, в любом, случае нам не поможет. К тому же, пока никто не вылез из тени.

Амелия постаралась оценить, насколько очевидно ранение и физическая ослабленность Рема, посмотрела отчужденным, не знающим взглядом.

Еле освещаемый тусклым светом восходящего солнца, пробивающегося сквозь мутное стекло, он казался подобным божеству – настолько нереальны для человеческой внешности были его черты в совокупности с прикосновением смерти. Огненные волосы, белые глаза, по которым нельзя предугадать его действия и мысли, остро выступающие лицевые кости, мертвенная бледность, истощенность медленно умирающего человека. Разве могут простые смертные так выглядеть? Откуда взяться силам? Его черные облегающие кожаные брюки с массивным ремнем только усиливали ощущение, что под ними скрывается скелет. На ногах в два ряда подвешены разнообразные метательные ножи, сюрикэны, за пояс заткнуты еще два больших кинжала. Поверх накинут длинный кожаный плащ, увешанный изнутри еще большим количеством холодного оружия. Машина для

убийств. Без изъянов. Без слабостей. Но точно не человек.

Взгляд Амелии скользнул по его лицу и другим открытым участкам кожи.

«Еще бледнее, чем ночью, словно в твоём теле совсем не осталось крови. Иссини черные круги под глазами никуда не спрячешь, как и очевидные признаки истощения. Болезненный вид... мертвеца. Этого скрыть одной лишь силой духа невозможно».

Амелия тяжело выдохнула. Стоит один раз внимательнее взглянуть на Рема, и то, что еще вчера было лишь слухами, обретет форму правды, и совсем скоро уже выстроится очередь из желающих прикончить бессмертного демона. Ее взгляд снова опустился вниз. В голове что-то щелкнуло. Низ рубашки приобрел темно бардовый оттенок.

– Если ты выйдешь в таком виде, с капающей на землю кровью, все поймут, насколько плохо твоё состояние. И выдержка с самоконтролем не помогут. У нас еще есть время?

– Немного.

– Отлично. Раздевайся. Я перевяжу рану так, чтобы кровь как можно дольше не сочилась сквозь бинты. Возможно, станет немного легче.

– Хорошо.

Рем расстегнул рубашку. Амелия подготовила чистые повязки, которые накануне сделала из разных тряпок, заранее несколько раз прокипятив их. Стерильными они от этого, конечно, не стали, но хоть что то.

Она перетянула Рему весь живот от последних ребер до бедренных костей, вложив всю силу, которая у нее только была, крепче зафиксировала самодельные бинты, сама надела на него рубашку и повесила обратно на ногу несколько ножей, в руки взяла свое оружие и большой охотничий нож.

– Время.

Они вышли наружу. Ни во взгляде, ни в движениях Рема больше не отражалось боли, словно он просто выключил эту ненужную функцию в своем организме. В переулке их уже ждало порядка десяти человек, еще двое находились на крыше дома слева. Рем не проронил ни слова, лишь ехидная усмешка отразилась на лице – слишком шумно вели себя противники, и сейчас он практически с полной уверенностью знал, кто из них, где находится. Он вынул из-за пояса два больших ножа и сделал шаг вперед.

– Что забыли здесь? Это моя территория. Есть что сказать перед смертью?

– Выглядишь не очень. Дамочка все же свела тебя в могилу. Надеюсь, перед смертью ты хотя бы успел с ней позабавиться от всей души.

– Сегодня великий день – день, когда будет убит бессмертный демон, – кто-то выкрикнул из толпы, прерывая речь их командира.

На лице Рема появился звериный оскал. Он резко сорвался с места и побежал вперед прямо на главаря банды. Все произошло быстро. Молниеносно. Эффект неожиданности

всегда работает как надо. Предводитель выставил перед собой нож, стараясь закрыться им, но Рем продолжал бежать, не сбавляя скорости, и, практически поравнявшись со своим противником, отклонился назад и скользнул по рассыпчатому грунту в сторону, в последний момент ухватившись, как за опору, за его ногу, изменив траекторию движения и, тем самым, оказавшись прямо за его спиной. Один глубокий разрез под коленкой, и главарь упал на одно колено. Второй – упал замертво с перерезанным горлом, из которого хлынула кровь на пыльную дорогу, окрашивая ее в яркий алый цвет. Никто из членов банды не успел моргнуть, как Рем, не сбавляя темп ни на миг и приблизившись к ближайшему дому, пробежал по его стене, и, ухватившись руками за откос кровли, словно оттолкнувшись от воздуха, забрался наверх. На крыше соседнего строения стояли в растерянности еще два потенциальных трупа, которыми они станут меньше чем через минуту, ведь в это время Рем уже бежал по направлению к ним, ловко перепрыгивая с крыши одного дома на другую. Они выставили ножи перед собой, повторяя движения их бывшего командира. Адремалех сделал шаг в сторону и склонил голову набок. Хищник, наблюдающий, как его жертвой с каждой секундой овладевает паника. Снизу в него летели метательные клинки, но демон ловко от них уворачивался. Плавным, но быстрым движением он бросил сюрикэн в одного из бандитов – тот захрипел, схватился за горло и с грохотом скатился с крыши дома. Оставался еще один на-

верху и девять внизу. Мимо пролетел очередной маленький нож и, по касательной, черкнул по щеке демона, алые капли прочертили дорожку на белой коже.

Рем дотронулся до щеки, растер пальцами кровь по губам и медленными шагами продолжил приближаться ко второму сопернику, тот невольно отступил назад. Паренек уже не хотел сражаться, лишний день жизни теперь казался дороже. И он, в панике, совершил главную ошибку жертвы – повернулся к демону спиной в попытке спрыгнуть с крыши и убежать от зверя. Не успел. Рем с поразительной точностью попал топором ему прямо между лопаток, и, не раздумывая ни секунды, спрыгнул с крыши прямо в центр толпы. Начался настоящий бой.

Амелия периодически теряла Рема из поля зрения. А вскоре поняла, что ее товарищ уже одержал победу. Она не сомневалась, но боялась узнать, какой ценой он справился с таким количеством противников в своем болезненном состоянии. Издали девушка разглядела, как он держится за бок и сквозь его пальцы сочится кровь, его кровь, хотя и чужой тоже было достаточно: лицо, волосы, одежда полностью покрыты ее рубиновыми брызгами. Амелия побежала к Рему, он зашагал ей навстречу и поднял ладонь вверх, будто, говоря: «Отстань, я сам», зашел в дом и, покачиваясь, облокотился рукой о стену, но продолжал стоять.

– Перед кем ты ломаешь эту комедию. Жалкий спектакль. Думаешь, я не вижу, не понимаю... – не успела девушка до-

говорить, как он рухнул вниз, с глухим звуком, ударившись коленями о пол.

Амелия подхватила Рема и уложила на пол. Его дыхание стало прерывистым, грудь вздымалась тяжело и нервно. Вновь смерть держала своего любимого демона за руку, желая увлечь следом в свой мир. Но он оставался все еще в сознании.

Амелия начала расстегивать его рубашку:

– Выкинешь еще раз что-то подобное, сам себя чинить будешь.

– Без тебя справлюсь, – хриплым голосом тихо прошептал Рем и ударил Амелию по руке.

– Еще раз так сделаешь, я тебе руку оторву.

Но Рем уже потерял сознание и провалился в забвение.

Внутри Амелии бушевал целый ураган эмоций, но рука ее была тверда, когда она вновь зашивала полностью разошедшиеся края раны, из которой безостановочно лилась кровь. Она долго возилась с его травмами, второй раз за сутки зашивать такое сложное ранение, соединять воспаленные ткани в полевых условиях, вне операционной оказалось невероятно проблематично. У них не осталось обезболивающих, не было анестезии или профессионального оборудования. Она не знала, как восполнить его кровопотерю, и боялась, что он не сможет отказаться от предложения Богини смерти, в которую так верил. Отвлекала и собственная жгучая боль, расплзавшаяся по телу от швов, сквозь которые уже про-

ступила кровь. Девушка ощущала, как мокреют повязки под футболкой, ведь ее тело, как-никак, было обычным и не способным исцелить раны раньше положенного срока, но она стойко игнорировала свои потребности и продолжала работу. Рем постоянно приходил в сознание, и вновь, раз за разом, терял его. Закончив с самой серьезной раной, Амелия пошла в уборную, чтобы набрать чистой воды и промыть новые. Когда она вернулась, обнаружила, что Рем находился в сознании, но в этот раз даже не пытался встать или хотя бы повернуться.

Она продолжила свою работу. На его правой руке она увидела свежий глубокий порез. Кровь уже не лилась так сильно, но все еще продолжала сочиться. Амелия промыла порез и, оценив его глубину, приняла решение, о необходимости наложения швов. Она сожалела, что Рем находился в сознании. Ей не хотелось доставлять ему еще больше физических страданий, чем он уже имел, но выбора не было. Девушка работала быстро, точно, холодно, но менее болезненной процедуру это не сделало. Рем не издал ни звука. Завершив работу и откинувшись назад к стене, она заметила, как его левая рука безостановочно неконтролируемо дрожит. Боль была слишком велика. Но демон терпел так, словно ее чувствовало только тело, не разум.

– Тебе необходимо поспать. Ты потерял много крови.

Рем ничего ей не ответил, лишь отвернул голову в противоположную сторону и отключился.

ГЛАВА 19. (10 лет назад).

Просторный кабинет. Темные серые тона. Полностью стеклянная стена, открывающая вид на вереницу таких же небоскребов. Последний этаж. Пространство наполнено искусственными цветами, которые своей зеленью разбавляют монохромный оттенок стен. В дальней стороне находится массивный письменный стол цвета светлого дуба, на котором стопками покоятся досье с пометкой особо секретно. За ним сидит Адремалех, привычно закинув ногу на ногу. Ему всего восемнадцать лет. В руках информация на Амелию, рядом – на ее отца и их главного пленника. Секрет, который стоит дороже жизни целой нации. Вековая ненависть. Непонимание. Соперничество. Расхождение взглядов. Смерть.

Раздался звонок. Адремалех нажал одну из десятков кнопок на панели, приставленной к столу, и на мониторе по его правую руку появилось изображение с камеры наблюдения в комнате ожидания. Марк.

«Что ж. Надеюсь, ты сможешь принять мое предложение».

Юноша коснулся еще одной кнопки и пригласил гостя к себе в кабинет. Сегодня они оба были без помощников, что оговаривалось заранее.

– Зачем ты меня вызвал сюда? Вечером я и без того буду на показном ужине в честь твоего назначения.

– Традиции есть традиции.

– Решение о посещении любых мероприятий остается за мной, как за главой касты ученых. Я не обязан проявлять к тебе уважение.

– Ошибаешься. Я выше тебя по званию и должности.

Оба собеседника говорили на спокойных размеренных тонах, но в воздухе ощущалось презрение и напряжение.

– Хватит. Я позвал тебя не для укрепления вражды.

– Неужели.

– Ты имел определенные трения, назовем это так, с главами моей гильдии. Твое решение, предложение, которое они отклонили, публично унизив, я считаю оправданным, поэтому не вижу смысла в продолжение этой истории. Я не принимаю свою подготовку и проводимые надо мной опыты, как нечто личное. Прекращение взаимной ненависти, на мой взгляд, поспособствует более эффективному развитию обеих каст. И я готов пересмотреть твоё отклоненное предложение о смягчении условий содержания нашего общего пленника.

– Какое заманчивое предложение, – с явным сарказмом ответил Марк, – и чего же мне такая честь будет стоить?

– Перестань оспаривать мое положение и выказывать полнейшее неуважение. Я не стану терпеть это, как мой отец. Вскоре мы столкнемся с множеством изменений, которые тебе придется принять, вне зависимости от твоего согласия. Далеко не во всех вопросах решающий голос принадлежит

касте ученых. Мы обладаем своим право вето в определенных областях. Тебе ли не знать.

– Данное предложение не имеет актуальности. Если раньше я был слишком молод, как ты сейчас, и противился применению радикальных методов и пыток, то сейчас вижу единственным возможным способом достижения цели.

– К чему эта вражда? Я предлагаю руку перемирия, а ты, не раздумывая, ее отвергаешь. Сколько еще людей должно поплатиться за твою оскорбленную гордость?

– Не понимаю, о чем ты говоришь. О какой оскорбленной гордости. О какой вражде. Уверяю, я не испытываю личной ненависти к нынешнему главе гильдии солдат. При этом я стою, как провинившийся мальчишка, а ты вальяжно восседаешь за столом. Это все, я могу идти?

– Можешь быть свободен.

Марк неторопливо покинул помещение, а Адремалех еще долго смотрел на закрывшуюся дверь.

«Как глупо было надеяться на благоразумие этого человека. Но я должен был попытаться. Зато теперь я убежден окончательно, что он попытается поставить себя выше остальных, чтобы принимать только свои собственные решения».

На город опустился поздний вечер. Адремалех стоял около окна в своем кабинете. Пахло ладаном. Его успокаивал этот запах. Ему не хотелось посещать мероприятие, устроенное в его честь. Теперь восемнадцатилетний юноша, еще

мальчишка по возрасту, официально является главой своей гильдии и государства. На нем торжественная форма: темно синий, расшитый серебряными нитями, мундир с гербами на лацканах в виде широко распахнутого глаза с рубиновой слезой, того же оттенка брюки в еле заметную черную полосу с выделяющейся серебряной по бокам. Поверх белой шелковой рубашки перекинута кобура с двумя револьверами. На поясе в серебряных бархатных ножнах подвешена сабля, ручка которой инкрустирована такими же рубинами, напоминающими капли крови. Огненные волосы зачесаны назад. Показной спектакль. В этой стеклянной башне соберутся главы всех гильдий, чтобы проявить уважение новому руководителю одной из высшей. Теперь и он член Круга. Фальшь. Лицемерие. И невидимые оковы, которыми его прикуют к одной из самых незавидных должностей для человека, который в глубине души не хочет покоряться системе.

Раздался стук в дверь. Настало время присоединиться к мероприятию. Адремалех тяжело вздохнул и направился к месту назначения. Когда он вошел в роскошный зал с темными мраморными колоннами и стеклами во все стены, жалобная мелодия скрипки стихла, а все присутствующие поднялись со своих мест за длинным столом, уставленным различными изысканными блюдами, чтобы поприветствовать человека, наделенного самой большой властью в этом государстве. Или, если точнее, самой большой властью в мире, ведь государство уже давно только одно, и им управляет Круг.

Марк остался на месте намеренно дольше положенного, чтобы все смогли понять его степень презрения к происходящему. Адремалех поднял правую руку, поприветствовав присутствующих, взял бокал с вином левой и поблагодарил за их верную службу на своих постах. Один из самых тягостных вечеров в его жизни начался.

Гости вновь заняли заранее определенные места, музыка возобновилась и юноша, как некогда раньше, ощутил, как сжимаются стеклянные стены его личной тюрьмы. Он знал, что создан именно для этого. Он хотел этой власти. Смысл его жизни был в этом, но странное ощущение безысходности все сильнее и сильнее сдавливало ребра.

Настало время для заверений представителей каждой гильдии в верности общим целям. Традиционно процесс начинался с главы касты солдат, за ним следовали остальные, завершить процедуру должен был Марк, и хотя происходящее преподносилось через призму верности государству, по большей части многие воспринимали, как покорность решениям конкретного человека. Адремалеху не нравилась традиция, потому что именно во время нее все забывали – решения принимаются посредством голосования, а он имеет лишь право вето в определенном спектре вопросов, как и все остальные главы гильдий, и неважно, что на практике решения принимаются по большей части только кастами ученых и солдат.

Процедура проходила гладко до тех пор, пока очередь не

дошла до Марка.

– Я клялся в верности государству не раз, и пока глава касты ученых не сменится, не вижу необходимости в возобновлении уже действующей клятвы.

– Гильдия ученых желает нарушить легальные традиции?

– Обычай не нарушен.

– Выношу на голосование вопрос о признании главы касты ученых, не способным больше продолжать осуществление своей деятельности в силу нарушений физиологических функций ментального характера. Выношу на голосование вопрос о назначении нового главы – его единственного дееспособного преемника.

– На каком основании мне предъявлены эти обвинения?

– В Вашей медицинской карте есть сведения об определенных нарушениях, и нет записи об излечении. К тому же, проявленная Вами враждебность может свидетельствовать о прогрессировании заболевания, ведь Вы фактически решили совершить государственную измену.

– Абсурдные обвинения.

– Я могу казнить Вас на месте прямо сейчас.

– Не можешь! Иначе сам лишишься головы.

– Принесите присягу, и Ваша оплошность будет быстро забыта.

Марк, скрипя зубами, произнес требуемые слова.

– Я, как легитимный глава касты солдат, выношу на голосование вопрос о принесении кастой ученых в лице их пред-

ставителя, публичных извинений государству за покушение на совершение преступления, именуемого изменой. Какое решение принимает каста правосудия?

– Виновен.

– Как председатель комиссии по данной категории преступлений при согласии гильдии правосудия, прошу главу касты ученых встать на колени и принести публичные извинения, а также повторную клятву государству в моем лице.

Марк обжег ненавидящим взглядом Адремалеха, но исполнил все, что требовалось. Он не подозревал, что этот мальчишка сможет раскопать законные основания для его отставки по медицинской составляющей, которую ему стоило скрывать тщательнее. Порой, место в Круге стоит слишком дорого.

– Помилован. Приятного вечера, дорогие гости, – с этими словами Адремалех развернулся и покинул мероприятие.

Спустя пару часов, в дверь кабинета снова раздался звонок. Десятый за последние пол часа. Наконец, Марка запустили внутрь.

– Ты заплатишься за это, – гневно произнес он.

– Я предлагал перемирие. Ты отверг не только мое предложение, но и решил публично унижить и поставить мои способности к занимаемому посту под сомнение.

«Я играл опасно, но ты не оставил мне выбора. Как приятно было найти на тебя компрометирующие сведения. Ты даже не подозревал, что каста правосудия уже давно хочет с

тобой публично поквитаться, а после еще и избавиться окончательно. Ты мог себя спасти, теперь твой конец – лишь дело времени».

– Это самоуправство!

– Состоялось публичное коллегиальное голосование. По нашему закону решение об измене принимается единогласно главами гильдии солдат и правосудия.

– Я знаю наши законы!

– Тогда тебе нечего мне предъявить.

– Ты перешел черту.

– Не я первый.

– Ты пожалеешь.

– Уже слышал.

Марк развернулся и собирался уйти, как ему в след юноша добавил:

– Уверен, о твоём выздоровлении всего лишь забыли внести пометку, ведь так?

Мужчина, громко хлопнув дверью, вышел прочь, твердя про себя лишь одно слово – уничтожу.

Параноидальное расстройство личности. Не смертельно, но по их закону возглавлять гильдию ученых с любым заболеванием ментального спектра запрещено, даже если его возникновение связано с так называемой производственной травмой.

ГЛАВА 20.

– Да, хорошенько меня потрепали в этот раз.

Амелия вздрогнула от неожиданно раздавшегося голоса

Рема.

– На ЭТОТ раз ты мог и не очнуться. Ты чем думал вообще? Лезть в неравный бой с таким количеством соперников с твоими-то повреждениями.

– И что ты предлагаешь? Мне нужно было остаться прятаться в доме? Объявить начало охоты на слабого демона? Чтобы все вокруг уверились, что я одной ногой уже в могиле?

Казалось, им было не о чем говорить сейчас. Она злилась. Но на кого больше: на себя или него? Скорее на себя. На свои глупые претензии, на глупый страх, выставивший ее душой. Ненавидела себя за слова, только что произнесенные. Это была не та бесстрастная ученая, которая смотрела на нее из зеркала двадцать шесть лет. Она не сказала бы такой очевидной глупости, но все же слова уже произнесены. Амелия итак бесцеремонно вторглась в его жизнь, сделав выбор сама, против него. Но об этом она не жалела. Стойкое чувство внутри твердило: «Вот все и испорчено, все закончится сегодня, пути вновь разойдутся».

Он устал. Просто смертельно устал от всего. От своей жизни. От вечного притворства. От нескончаемой боли. От оди-

ночества. Он устал бороться. Устал быть сильным. Устал не чувствовать. Устал убеждать себя и других, что ему не больно. Больно. Еще как больно! А теперь она. Лезет, куда не просят. Злится. Мешается. Но не жалеет. Не мучает. Понимает. Старается помочь. Не хочет отступать. Его душа стремится к ее. Он это чувствует. И ему становится страшно. Он ничего не боится. А позволить себе больше не быть одному, по-настоящему позволить кому-то приблизиться к себе – боится. Боится, что это обернется очередной пыткой, новой болью. А еще боится слабости. Своей. Боится жить дальше, ведь смерть – такой простой и заманчивый выход. Не хочет зависеть ни от кого. А еще он не верит. Ни себе, ни ей. Жизнь слишком жестока, чтобы довериться человеку. Он просто смертельно устал... от всего.

Столь много невысказанных слов. Столь много скрытых мотивов. Столь много изувеченных неоднозначной судьбой чувств. Они режут их хуже тупого ржавого ножа. На части. Кусок за куском. Не зная, как сильно друг друга ранят молчанием. Тишиной. Но слов нет. Им нечего сказать друг другу. В любой иной ситуации один из них уже давно встал бы и ушел, и никогда не вернулся обратно. Но они продолжали сидеть. Друг напротив друга. Продолжали мучить себя. И оба понимали, что все вот-вот может исчезнуть. Что эта незримая нить разорвется. Они не хотели ее разрушать, несмотря на все внутренние противоречия. Понимали это в глубине души. Но никому не хватало смелости переступить через

гордость и страх, и сказать лишь одно – не хочу уходить. Да, именно. Они не хотели слышать: «Не хочу, чтобы ты уходил». Они не зависели друг от друга. Не нуждались друг в друге. Любовь, порождающая в людях столь глупые мысли и стремления, ничтожна и не властна над ними. «Не хочу уходить сам» – именно это могло иметь значение. Свой собственный независимый выбор. Без жалости, без сострадания. Выверенное, холодное решение, не вызывающее у другого чувства обязанности за эти глупые слова. Не подчинять волю другого, не подменять желания другого. Не просьба, не мольба, не унижение. Решение.

Амелия подползла к Рему и положила голову ему на грудь.

– Да, глупо вышло. Признаю.

Рем взял ее ладонь в свою и переплел пальцы. Он ничего не говорил. Они оба ощущали, что установившуюся тишину кому-то придется прервать. И либо разойтись в разные стороны, либо остаться.

– Знаешь. Я так давно хочу умереть. Слишком давно. Но сейчас я не хочу уходить. Пока что.

– Я тоже не хочу уходить.

Они могли лежать так целую вечность. В тишине. Но уже не в той напряженной и тяготящей. В тишине, которая формировалась моментом полного, глубокого понимания, когда слова были не нужны.

Амелия все также лежала головой на груди у Рема, а он медленно перебирал пальцами ее длинные седые волосы.

Они наслаждались каждой минутой. Такого тихого и приятного спокойствия судьба им еще не преподносила. Вот какого ощущать себя обычным человеком, жить спокойной жизнью, когда можешь позволить себе лежать и не беспокоиться о завтрашнем дне. Лишь маленькие надуманные проблемы, призванные разнообразить каждодневную рутину.

Но они не были обычными людьми с обычной жизнью. Хоть этот момент и доставлял им комфорт, но груз прошлого, боль, неустанно преследующая, разрывающая на части от каждого вдоха и выдоха, породила тревожность. Тревожность от того, что будет дальше. Словно затишье перед бурей. Ведь в их жизни если все шло хорошо, следом обязательно происходило что-то плохое.

Их комната в последние дни стала напоминать место мясорезни – повсюду алые отпечатки, пятна, разбросанные окровавленные вещи, бинты, металлический запах, усиливающийся сыростью, и холод. Совершенно далеко от понятия райского местечка.

– При любых других условиях наши касты уничтожили бы нас за все это.

– Сомневаюсь, что мы узнали бы друг друга при других обстоятельствах.

– Наши пути все равно пересеклись бы, так или иначе. Мы же руководители.

– Это даже забавно. Лучший из касты солдат и лучшая из касты ученых. Вместе. За такое сожгли бы на костре. Первым

дров подложил бы Марк.

– Мы не были бы просто лучшими, мы стали бы главами. Разжигали бы костры мы, а не для нас.

– Поэтому нас и забраковали. Мы слишком вольные души. Их устои не имеют для нас ценности. А без них этот хрупкий мир, в котором им комфортно, разрушился бы.

– Твои пепельные волосы и желтые глаза – это же результат экспериментов?

– Да.

– Я считал раньше, что вам настолько токсичные инъекции не ставились. Только нам.

– Все верно. Это мое наказание. За то, что родилась. А позже еще и за излишнее любопытство и непокорность. За желание нарушать правила. И моя награда. По тем же причинам. Мне ускоряли процессы мозговой деятельности, улучшали память, совершенствовали способности. Искусственно создавали гения.

– И он свою ненаглядную дочь решил положить на операционный стол?

– Ненаглядную?

– Почему наказание? За что?

– Я родилась, этого вполне достаточно. Потом увидела то, что не должна была. Как от тебя отрезали куски. Снова и снова. Пытки. Много чего еще.

– Зачем искала правду?

– До определенного возраста мы не знаем, что с вами де-

лают на самом деле. Мы видим лишь результат. Мне хотелось узнать истинный процесс. Раскрыть раньше времени этот секрет. Будь мне тогда лет шестнадцать, мои мозги были бы уже настолько промыты, что я однозначно восприняла бы все иначе. Как нечто само собой разумеющееся. Будучи ребенком, я же увидела голую, ничем не прикрытую правду. Правду, от которой не убежать, хотя я пыталась. И это еще не самая худшая тайна, как оказалось. Я перестала хотеть стать тем, кем мне предназначалось. Я больше не хотела занять место отца. И я не могла дать ему то, что он так страстно желал, то, ради чего создавал меня *такой*. Я стала тихо искать свой путь. Не пожалела об этом ни разу. Лучше страдать от правды, чем наслаждаться иллюзиями. Вот за что и получила желтые глаза и седые волосы – за право существования.

– Так пытали только меня. Другим тоже, конечно же, было тяжело. Но так истязали только меня.

– Я знаю. Узнала позже.

– Тебя пытали?

– Нет. Здесь сыграла свою роль, возможно, жалость к единственному ребенку. А может потребность в моем существовании. Меня пытались исправить. Химически. Пытались силой выдрать некоторые воспоминания, заменить на подходящие. Но я слишком крепко за них держалась. Я не хотела забывать и становиться послушной куклой. Не починили. Глупо было надеяться на что-то подобное.

– В искусственно созданном мире иллюзиям куда проще

существовать. В них есть смысл жизни, есть определенное предназначение, исполнить которое становится единственной целью. Правда, же – слишком тяжела, чтобы нести ее с собой всю жизнь. Забавно, что именно дочь главы касты ученых споткнулась о правду и намеренно разбила стекло, отделявшее идеальный мир иллюзий от реальности. Ты должна была играть в этом нелепом спектакле главную роль.

– Почему же должна была? Это место по праву мое. Мне и сейчас отведена главная роль, только спектакль немного изменился.

– А ты не знаешь? Думаешь ты единственная и незаменимая? Они уже давно создали несколько более идеальных и покладистых версий тебя. Лучшая из них займет место старика. Ты им не нужна. Ему нужен результат, а не человек. Идея бессмертия, и если кто-то и сможет ее исполнить, то Марку будет безразлично, кто именно. Ты ничего себе не вернешь. Ты ничего не изменишь. Этот уклад существует много веков, таким он и останется после нас.

– Я не настолько глупа, чтобы желать сломать систему. Любому понятно, что ее можно лишь временно затормозить, но не уничтожить. Я просто хочу их смерти, хочу посмотреть ему в глаза, когда он будет захлебываться собственной кровью.

– Для него мы лишь очередной незатейливый эксперимент, ему интересно, станем ли мы покладистее, если у нас отнять все. Не больше. Не меньше. Но ему надоело бороться,

и нас отправили сюда. Слишком простая и скучная история, чтобы пытаться найти в ней какой-то скрытый смысл.

– Ты же знаешь. Ему нужны ответы. Достижение заветной цели. Он может убить нас в любое время. Это все фарс. Я ему нужна живой и послушной.

– Знаю. Если бы он хотел, мы были бы мертвы.

– А тебе не хочется убить их? Просто так. Для собственного удовольствия?

– Я не говорил, что не хочу. В этом просто нет смысла.

– А убить меня? Мои разработки легли в основу способа, которым тебя ослепили. Я создала столько методов, чтобы убить тебя. Моими руками разрушили твою жизнь. Ты должен меня ненавидеть.

– Ты вложила пули, я в порыве слепой самоуверенности позволил приставить к виску пистолет, а Марк спустил курок. Не ты пустила в ход то оружие. Не создай его ты, придумали бы другое. Ты меня уничтожила. Но я тебя не виню в этом.

– Не понимаю тебя, Рем.

– Наше место в царстве смерти. Твое и мое. Мы оба прокляты. Есть вещи, которых не изменить.

Никому нечего было добавить. Никто ничего и не хотел больше говорить. Амелия так и оставшись на груди у Рема, погрузилась в сон. Он же долго еще не мог уgomонить ход мыслей, определиться в своих истинных желаниях. Но в итоге сон поборол и его измученное тело.

ГЛАВА 21 (5 лет назад).

Изысканный вечер. Просторное светлое помещение на 60 этаже 60-этажного здания, принадлежащего касте ученых. Панорамные окна во всю стену, открывающие изумительный вид на город в закате дня. Официанты разносят дорогое шампанское гостям. Играет классическая музыка. Высокопоставленные гости непринужденно беседуют друг с другом. Среди них и Амелия. Ей двадцать один год, и эта встреча приурочена еще и к ее совершеннолетию. Она одета в дорогое бархатное темно-синее вечернее платье, подчеркивающее талию и открытую спину. Уверенная в себе, выглядящая на миллион, гениальная девушка, перед которой все двери впереди открыты. Так должно было быть. Она достигла многого. Она получила все. Ум, талант, место в жизни, возможность взять все в свои руки. Она добилась всего сама. Годами усердного труда. Борьбы с самой собой. Со своими желаниями и слабостями. С правдой. Еще ребенком она зареклась, что не пойдет по стопам отца, выберет другой путь, но, повзрослев, осознала, что для нее иной дороги нет – либо быть никем, либо получить все. И она сделала свой выбор. Усердно училась, не гнушалась познавать особенности своего будущего ремесла, ее рука ни разу не дрогнула, когда она резала новое поколение мучеников. Ей тоже приходилось нелегко, но по-иному. Бесконечные занятия, трениров-

ки для разума, которые должны были по определению сделать из нее гения, бесчисленные головоломки и одноцветные белые и черные мозаики, когда была совсем маленькой, настоящие эксперименты – когда повзрослела, собственные проекты, когда исполнилось шестнадцать. Скольких она уже убила? Скольких приговорила к смерти? Как много крови на ее руках всего за пять лет работы. Как много ее будет еще через столько же? Ради чего? Оставаясь одной, ей хотелось кричать от безвыходности ситуации, в которую она сама себя загнала. Каждую ночь, закрывая глаза, она продолжала видеть мальчика с фиалковыми глазами. Но в ее кошмарах она пыталась его, не отец. И каждый раз, убегая из лаборатории по длинному ослепительно белому коридору, она возвращалась к исходной точке. Каждый раз. Она. Он. Скальпель в ее руке. И кровь повсюду. Открывая глаза, она чувствовала, что все еще бежит. Бежит от того, кем является. От того, кем не хочет быть, но притворяется в обратном. И вот она стоит посреди зала. Вокруг множество людей. Она улыбается. Поддерживает беседу. Ведет себя так, как полагается приемнице. А в голове только одно: «Сколько еще ты сможешь притворяться хорошей девочкой?».

Змеиные глаза и седые волосы напоминают ей о другом каждый раз, когда она смотрится в зеркало.

«Что же ты со мной сделал, отец? Разве так плохо, что твое место займет дочь, которая не испытывает той же страсти к пыткам? Неужели столь ужасно знать правду? Быть непокор-

ной? Желать собственного мнения?».

Седые волосы она получила еще в раннем детстве. Отец слишком сильно хотел, чтобы его наследник гарантированно вышел успешным. И он колол ей препараты, стимулирующие работу мозга, повышающие скорость мыслительных реакций, искусственно наращивая ее интеллект, когда она только родилась. Плата цветом волос не такая уж и большая по сравнению с возможностями, которые он ей подарил. Но глаза – это другое. Глаза – наказание за неповиновение. За любопытство и ослушание, последствия от которых столь долго пришлось разрешать. Клеймо, которое он поставил на собственном ребенке.

Амелия никогда не хотела быть представителем другой гильдии. Но она хотела быть целителем, тем, кем по-настоящему они все должны были быть. Ее душа так отчаянно стремилась к своему предназначению. Но мир стал слишком жесток. И те, кто призван был лечить, стали калечить, убивать, прикрываясь благими намерениями. Столько загубленных жизней, которые можно было спасти. Столько жертв, которых можно было избежать.

По залу пронесся звук удара столовым прибором о бокал. Марк хотел сказать слово.

– Я признателен всем Вам за то, что нашли время и присоединились к нашему торжеству. Сегодня мы начинаем новый этап в разработках по развитию физических возможностей человеческого тела. И это стало возможно лишь бла-

годаря самоотдаче и преданности делу каждого из Вас. Я, и все представители нашего общества искренне благодарны членам гильдии солдат за их жертвенность и целеустремленность. К тому же, этот замечательный день совпал с совершеннолетием моей единственной дочери и наследницы, будущего гильдии ученых, – он повернулся к Амелии, которая уже успела оказаться рядом, пока ее не настиг гнев отца, – Амелия, поздравляю тебя с этим днем. Ты будущее нашей касты, и я горд, что однажды смогу передать все наши достижения именно тебе. Будь терпелива. Будь предана своему делу.

Зал разразился громкими аплодисментами. Спектакль, точно разыгранный по нотам. Амелия улыбнулась, поблагодарила отца, всех присутствующих, и вечер продолжился в том же ритме и настроении, что и до. В атмосфере фальши, безразличия и пустоты.

В этом же зале, на этом же званном ужине присутствовал и Адремалех. Инкогнито. Он следил за порядком. Сопровождал мероприятие. Выполнял свои обязанности главы государства. Его присутствие было обязательно на подобных вечерах, и редко, когда ему приходилось скрывать свою внешность. В этот раз его учтиво попросили не бросаться в глаза и не отбирать славу у Марка. Он согласился. Ему было безразлично, кому уделяют большее внимание. К тому же, официально никто не знал, что он руководит этим балаганом. Все шептались. Догадывались и просто принимали, как

факт, но никто не произносил вслух. Правдой владел лишь Круг. Такова была его судьба. И он ее не отрицал. Принимал и следовал. Безукоризненно выполнял свой долг и обязанности. Тщеславие губит людей, особенно наделенных огромной властью. Он холодно смотрел на Марка. На его горделивость, властолюбие, которые застилали ему глаза и не давали мыслить разумно. Сколько еще он будет играть в эту игру? Как долго собирается скрывать информацию даже от своей наследницы? Никто в обществе не любил ни касту солдат, ни касту ученых. Обе сосредотачивали в своих руках слишком много власти, обе диктовали правила, которым не всегда хотелось подчиняться. Адремалеху было всего двадцать три года, а он уже заменил своего отца на этом сложном посту. Управлять государством. Принимать решения. Диктовать условия. Знать правду. Хранить тайны. Отдать свою жизнь ради системы. Порой, холодными одинокими ночами тоска душила его. Тоска по жизни, которой у него никогда не будет. Тоска по свободе, что еще с детства стала недостижимой, невозможной мечтой. Тоска по настоящему Рему, которого он приковал стальными цепями глубоко в свой душе. Он всегда знал, что был сломан. Сломан изнутри и не поддавался восстановлению. Но он продолжал каждое утро, просыпаясь в своей роскошной стеклянной башне, проживать новый день так, как следовало, как полагалось человеку его статуса. Как никак, свое место он отвоевал кровью у самой Богини смерти, одного из двух единственных богов, в кото-

рых верил.

От Амелии скрывалось многое. Она всегда задавала неправильные вопросы. Всегда. И каждый раз они оставались без ответа. Со временем пришлось смириться и довольствоваться теми, что были доступны. Пустота в душе росла. Она старалась верить в свое предназначение, но не могла не ставить под сомнение истинность целей их касты. Зачем они ставят столько экспериментов над людьми? Зачем им такой постоянный поток солдат, обладающих невероятными навыками и подготовкой, хотя их и выживает так мало? С кем они постоянно воюют? Ради чего? Амелия не догадывалась тогда, что ее отец движим лишь властью и страхом возмездия. И не от касты солдат. Зря они перестали верить в Богов, ведь один из них уже три сотни лет был заточен в лаборатории, терзаемый жуткими пытками и жестокостью человеческого рода. Им не нужны были солдаты, чтобы сражаться с другими странами. Им отчаянно требовались люди, что могут защитить их от гнева Бога, который рано или поздно найдет путь к свободе. Но его история нашла место на страницах совершенно другой истории. А эта? Она о людях, жизни которых сломали чужие ошибки.

Амелия стояла у окна, смотрела на звезды. К ней подошел привлекательный молодой человек. Он выглядел остро в своем черном в белую мелкую полоску костюме, а его бездонные голубые глаза завораживали.

– Прекрасная ночь, – тихо произнес он.

– Пожалуй, – безразлично ответила Амелия.

– Столько звезд на небе. Но большая их часть уже мертва.

Как и многие в этом зале. Печально, не так ли?

– Наверное.

– Не хотите потанцевать?

– Боюсь, я вынуждена отказаться.

– Очень жаль. Что ж, придется мне одному наслаждаться звездами на крыше в эту теплую летнюю ночь, – юноша развернулся и направился к лестнице.

Было в этом молодом человеке нечто загадочное и притягательное, что Амелия не смогла устоять перед соблазном обернуться. Она смотрела на его уверенную походку, на спортивную жилистую фигуру, пока он не скрылся за массивными дверьми, действительно ведущими на крышу. И ей стало любопытно. Она проследовала за ним, поднялась на самый верх, увидела, что он ее ждал с самоуверенной и самодовольной улыбкой на лице.

– Вы хотели потанцевать? – холодно спросила Амелия.

Юноша протянул ей руку, уводя за собой к центру площадки. Приятный теплый летний ветерок слегка развивал ее волосы. Над ними светили мириады ярких огней, а полная луна придавала лишь больше очарования происходящему. На крыше играла та же музыка, что и этажом ниже. Амелия почувствовала, как на ее талию легла сильная рука, и они медленно начали вальсировать. Только спустя пять лет, когда эта же уверенная рука поведет ее к центру мраморного

зала в красивом бальном алом платье, она поймет, с кем танцевала в этот вечер. Но это случится еще очень не скоро.

– Кто Вы?

– Не думаю, что наши пути пересекутся еще раз, так что пусть это останется загадкой вечера.

– Почему Вы в этом уверены?

– Почему Вы выглядите такой печальной?

– Вы ошибаетесь. Я не печальна. Просто устала.

Он не удержался. Ему не следовало подходить к тому окну и начинать разговор. Но этот вечер проходил так скучно, а ночь была так прекрасна. Пусть она и не знает, кто скрывается за этой выдуманной внешностью, пусть не узнает никогда, ему было так интересно посмотреть на человека, с которым придется делить свою власть в будущем, их главный государственный секрет. Он был не против. Нет. Он просто не верил, что та седовласая девочка, стоявшая по ту сторону стекла, сможет принять всю правду, сможет смириться с уродством этой системы.

Они танцевали в тишине, а после сидели у поручней и смотрели вдаль, каждый, думая о чем-то своем. Музыка уже затихла, и им давно бы пора спуститься вниз, в общий зал, но нечто неведомое держало, не давало уйти, будто нашептывая, что такой вечер больше не повторится.

– Не прекращайте искать ответы на вопросы. Возможно, однажды Вы найдете то, что ищете. Возможно, однажды пустота в душе заполнится, и Вы обретете удовлетворение.

– Слишком смелые заявления для незнакомца. Будьте аккуратны в своих выражениях.

– Считаю, что стоит аккуратнее обходиться не с выражениями, а скорее с желаниями.

– И чего же Вы желаете?

– Всего.

– Тогда будьте осторожнее в желаниях. Всего получить нельзя. За честолюбие и горделивость всегда приходится платить. И зачастую, эта цена оказывается не по карману.

– Скоро рассвет. Мне пора покинуть Вас, – тихо произнес он, и уже встал, чтобы уйти.

– Вы так и не назовете мне свое имя?

– Нет.

Уже на выходе, пропуская ее вперед, он сказал:

– Не тратьте свою жизнь на сожаления, Амелия. Не стоит. Это был его последний званый ужин.

Это был ее последний званый ужин, где она притворилась приемлемой наследницей.

Но все изменилось.

ГЛАВА 22.

Когда Амелия проснулась, Рем еще спал. Его тело все не приходило в норму, оставалось слабым, дыхание прерывистым. Слишком большая нагрузка даже для его физиологических возможностей. Простой человек уже бы умер.

За всю ночь он так и не отпустил ее руку, несмотря на очевидное неудобство.

Амелия аккуратно встала, стараясь не разбудить Рема, взбодрилась, приготовила им завтрак из оставшихся консервированных бобов, подготовила материалы, необходимые для перевязки. Закончив все утренние уже ставшие рутинными за последние дни приготовления, села на пол, облокотившись спиной о стену, напротив Рема. Оценивающим врачебным взглядом внимательно осмотрела его. По внешним признакам ему явно становилось лучше. Но не достаточно быстро для сложившихся условий выживания. Одолев заражение крови, его организм вновь мог начать процессы регенерации. Раньше она только слышала о поразительной скорости этого процесса у тех, кто смог пережить одну из самых опасных инъекций, летальность которой составляла 99 %. Около 90 % подопытных умирали сразу после ее введения, еще 9 % умирали к следующему дню. За две сотни лет испытаний только Адремалеху удалось ее пережить. Цена таких возможностей всегда слишком высока. Но детей из

касты солдат, которых отбирали по самым высоким жизненным показателям, даже не спрашивали, желают ли они этой силы. Решения за них принимали такие, как она.

Он выжил тогда, выживет и сейчас. Столько экспериментов, столько инъекций, столько изнурительных испытаний и тренировок, столько погибших детей, столько неудовлетворительных результатов, столько бракованных объектов, столько боли для тех, кто остался. Ради одной цели – безопасности. Независимости. Изобилия. Лучшей жизни для всех остальных граждан этой страны. Все ради власти одних над другими. Такова реальность, которую она знала.

– Я чувствую, что ты сейчас прожжешь меня взглядом, – тихо спросонья сказал Рем.

– Тебе необходимо перевязать раны. Отказы не принимаются.

– И не собирался.

Амелия поднялась с пола, ушла в ванную, чтобы обработать руки, взяла все приготовленные инструменты и села возле Рема. А он просто встал и ушел. Девушка не злилась. Это было абсолютно бесполезно. Она просто пошла следом за ним в ванную, где демон стоял перед раковиной уже без рубашки и пытался снять повязки.

– А попросить нельзя было?

– Я и сам могу справиться.

– Я не сомневаюсь в этом.

Она подошла, убрала его руки от раны и сама стала акку-

ратно разматывать бинты.

– Это не трудно. Жду тебя снаружи, – и Амелия вышла из комнаты, давая Рему возможность спокойно принять душ, смыть с себя остатки крови.

Когда он закончил и вернулся в комнату, она внимательно и бережно осмотрела его повреждения.

– Выглядит не так уж и плохо. Жить точно будешь.

– Какая жалость.

Рана на животе действительно выглядела лучше. Как минимум, от нее уже не несло признаками разложения. Только металлический запах крови. Шов глубокий, со множеством тугих стежков, смыкающих края раны. Воспаление почти сошло.

– Еще пара дней постельного режима и будешь как новенький.

– Новеньким я точно не стану, доктор.

– Я думаю, тебе не повредит немного движения, но не перенапрягай мышцы. Третий раз эти рваные лохмотья соединить получится уже с меньшей вероятностью.

Она закончила с перевязками и отошла в сторону, разместившись в кресле около стола, на котором стоял их завтрак. Рем тоже подошел к столу, взял в руку кружку горячего кофе и сделал глоток. Его все еще влажные огненные волосы красиво падали ему на лицо, и он периодически отводил их рукой назад. Рем был без рубашки, только в брюках. Теперь при свете дня Амелия четко видела и осознавала, какую цену

ему пришлось заплатить за победу в том бое. Кроме раны на животе, все его тело было покрыто синими кровоподтеками, на руках было много неглубоких порезов. Рем поднял на нее свои глаза, желая прекратить столь пристальное внимание к своему телу.

– У тебя хорошая регенерация. Процесс заживления идет довольно быстро. Но еще пару дней стоит воздержаться от активного времяпрепровождения, иначе швы опять разойдутся, и такими темпами раны никогда не заживут.

– Это уже зависит не от меня. Я долго не выходил на территорию.

– Думаю, гора трупов около нашего дома развеяла у всех остальных мысли о твоей слабости.

– Ты не можешь указывать, что мне делать, а что нет, – с нарастающим раздражением процедил сквозь зубы Рем.

Амелия не стала на это ничего отвечать, встала со своего места, взяла пачку лежавших на столе сигарет, спички и вышла на крыльцо. Только сейчас она отдаленно стала осознавать, насколько сложно им теперь будет сохранять баланс.

Пару минут они так и находились порознь друг от друга, каждый обдумывая, готов ли он идти на компромисс. Кому-то из них нужно было расставить все по своим местам, пока их упрямство и стремление к вечной отрешенности не одержали верх.

Рем достал из своей пачки сигарету, подкурил ее и направился к Амелии. Она стояла неподвижно на крыльце, вгля-

дываясь в серые туманные улицы заброшенного города и потирая начинавшую чесаться в некоторых местах рану. От снежной крупы не осталось и следа. Холодный, промозглый ветер пронизывал ее тело, но от этого становилось, на удивление, только спокойнее внутри. Рем подошел к ней сзади и приобнял за плечи одной рукой, другой все еще держа сигарету.

– Зачем ты стала притворяться кем-то другим? Зачем пытаешься быть той, кем не являешься?

Он наклонился к ней так, что его щека соприкоснулась с ее виском, и прошептал на ухо:

– Если ты и дальше продолжишь притворяться другим человеком, то наши пути разойдутся. Ничего не изменилось.

– И что же, будем делать вид, что все осталось, как прежде?

– А разве изменения произошли в нас самих? И разве я притворяюсь кем-то иным, как это делаешь ты? Изменилась только траектория нашего общения. И я не отрицаю ее.

Рем скользнул рукой вниз к ее талии и притянул к себе, как дополнительное доказательство своих слов.

– Холодно. Простынем ведь.

– Холод отрезвляет мысли.

– Пойдем, я заварю нам новый кофе, а то мы так и не смогли позавтракать.

Буквально несколько минут Рем стоял, не шевелясь, будто вовсе не услышал ее слов. Они так и оставались на крыльце,

ничего не говоря, чувствуя близость друг друга, прикосновение, биение сердец, а вокруг царила лишь холодная осенняя пустота мертвого города. Но потом он все же разомкнул руки, обвивающие ее тело и позволил пройти в дом.

– Кофе – это хороша идея.

ГЛАВА 23.

Дождливый и мрачный ноябрьский день, столь серый и темный, что напоминает вечер. Сырое холодное помещение. На столе две кружки кофе, потрепанная пачка сигарет. За ним, напротив друг друга, сидят два изувеченных жизнью чудовища. Держатся за руки, переплетая пальцы. Кажется, время вновь остановило свой неумолимый ход. Замерло. Застыло.

Они должны ненавидеть друг друга за всю ту боль, что им пришлось пережить. Они должны ненавидеть друг друга с рождения, хотя бы просто за то, кем они являются. Они должны ненавидеть друг друга за то, что однажды встретились, и эта встреча изменила их жизнь, хоть тогда они этого и не осознавали. Они должны ненавидеть друг друга каждой клеточкой тела, на уровне инстинктов, на уровне генов. Они должны ненавидеть друг друга за то, что другой существует, за то, что еще дышит этим проклятым воздухом. Вместо этого они сидят лицом к лицу, чувствуя, что во всем кошмарном мире только они вдвоем способны понять друг друга. Они чувствуют, как их собственная боль отзывается эхом в самых потаенных глубинах души другого, как она резонирует, разделяется, смешивается, становится единой, но поделенной на двоих. Они впервые в жизни не ощущают одиночество, не чувствуют на коже ее холодное дыхание, пресле-

довавшее все это время.

Им всегда твердили, что они монстры, и они действительно ими стали. Сколько жизней отобрала она ради удовлетворения своих эгоизма и амбиций, скольких убил он. Как много чувств похоронил он в своей душе, будучи еще ребенком, она же их почти не испытывала. И они ощущали себя ущербными. Сейчас, держа ее за руку, он больше не считает себя бракованным, а она себя изгоем. Им больше не нужно притворяться, прятать свою истинную сущность, просчитывать каждое движение, каждое слово, каждый взгляд. Они могут быть собой, не ожидая осуждения в ответ. Они не скажут друг другу, что оба настолько не вписываются в идеалы, ведь теперь этот уже давно потухший смысл жизни не имеет более никакого значения.

– Ты выглядела великолепно в том синем бархатном платье под светом полной луны.

– Этот вечер стал чудесным, когда загадочный юноша подошел к окну и стал смотреть со мной на ночное небо, испещренное звездами.

– На мгновение мир вокруг исчез с первыми нотами.

– Ты прекрасно танцевал тогда.

– Ты меня не знала.

– Зато знаю сейчас.

– Думаю, ты заблуждаешься.

– Я не сразу поняла, что это был ты в тот вечер. Никто не ожидал твоего прибытия.

– Я не удержался и подошел к тебе.

– К чему ты вспомнил этот вечер?

– Бойся своих желаний.

– Мои желания соразмерны моим возможностям.

– Он был последним. Почетное место в роскошной жизни. Но ты ждешь, что я верну его тебе, – Рем поднял голову, его тон становился жестче с каждым словом, он убрал руку со стола, – Это был мой последний званный вечер. Ты знаешь, что произошло дальше. Я почти пять лет прожил в унижении, и до сих пор не могу ответить на вопрос, почему не пустил себе пулю в сердце, почему не перерезал горло, вены, да что угодно. Почему я физиологически не лишил себя жизни. Почему позволил своему телу существовать дальше, если сам я умер.

«Лелеял ли я мысль вернуться в строй? И да, и нет. Я определенно хотел вернуть свое место, свой смысл жизни. Но я не настолько глуп, чтобы верить или хотя бы надеяться на это. Игроку, которого специально убрали с арены, ни за что не позволят забраться обратно наверх. Я жил, словно окутанный густым туманом, все эти годы. В каком-то пограничном состоянии между жизнью и смертью. Я много размышлял над этим в последнее время. Обо всех убийствах, что совершил, чтобы доказать остальным – с глазами или без, я все тот же демон, которого они взрастили из боли и отчаяния. У меня нет чувства вины за то, что я сделал, я не жалею об этом. Но ради чего все это совершено? Ради

чего? Бессмысленные попытки доказать самому себе, что я еще не списан в утиль, как ненужный хлам. Или же я просто хотел, чтобы однажды кто-то убил меня, ликвидировал. Вот она слабость моей души. Сам же мог тогда наложить на себя руки», – мысли бурным потоком пронеслись в его голове, но он не стал их озвучивать. Вместо этого продолжил:

– Меня не отпускает эта мерзкая земля. И знаешь, что самое забавное, Амелия? Когда меня разрывали на части отчаяние, злость, одиночество, я не готов был умереть. Я так хотел выжить, а оставшись жить, я возненавидел это чувство. Бойся своих желаний.

– Во всех этих метаниях, человека ты напоминаешь больше всего. Монстр ты в другом. У них не получилось вырвать из твоего сознания эти крупницы. А человек по своей натуре изменчив и своенравен, особенно каким ты был до всего. Они боялись, что однажды ты перестанешь выполнять приказы и начнешь отдавать их сам и те, которые им не понравятся. Поставишь себя выше моего отца. Мы так и не смогли понять, почему именно ты так выделялся на фоне своих братьев и сестер. Они до сих пор не могут выяснить, почему ты выжил.

Она сплела свои пальцы с пальцами Рема.

– Я итак отдавал приказы. Я был главой. Я был выше твоего отца.

Амелия нервно рассмеялась.

– Я даже не подозревала! Правда. Как глупо, что человек,

который должен знать все о своей касте, не знал даже того, кто нами на самом деле управлял.

– Тебе стоило усерднее искать ответы, я же говорил тогда, – Рем грустно ей улыбнулся.

– Я бы хотела сказать что-то иное, но это не будет правдой. В нашем мире ты и я – всего лишь два бракованных механизма. Нас стоило уничтожить еще в детстве, но людская алчность, жадность, научное любопытство оставили нам жизни.

– Зачем мы живем? Зачем боремся дальше? Выживаем? Если можно просто осуществить давнее желание – умереть.

– Я не хочу умирать.

– Я не вижу смысла жить.

– Смысл сковывает тебя. Пора двигаться дальше.

– Двигаться куда?

– Просто вперед.

– Я всегда был один. Всегда. Мой мир состоял только из боли. Из преодоления боли и самого себя. Мои братья и сестры то и дело умирали. Меня научили ни к кому не привязываться. Никого не любить, ни на кого не надеяться, ведь никто не спасет от этих бесконечных страданий. Никто и не спас. И я жил дальше. Каждый день. Мне было больно. Мне было тяжело. Но я шел дальше. Шел туда, куда другие даже не мечтали дойти – мне хватило сил, мне хватило смелости, упорства и стремления. Я хотел быть как все. По началу. Но проблема в том, что я никогда не был, как все. Я был создан другим. Я это чувствовал каждым миллиметром кожи. Ды-

хание вселенной. Именно я не выживу, не выдержу, не справлюсь, так часто эти слова дрожали на моих устах, желая сорваться. Возможно, произнеся их хоть раз, поддавшись слабости, я действительно не прошел бы и половины пути. Слова, в отличие от мыслей, имеют страшную силу сбываться. Я всегда был недоволен собой.

«Ты можешь лучше. Это не предел. Нужно стараться усерднее», – твердил я себе день ото дня. Особенно когда пришли отец и мать, если можно так назвать людей, от которых всего лишь взята ДНК. Один из немногих дней, когда они удостаивали нас вниманием. Мне было шестнадцать лет. Уже достаточно, чтобы осознавать, как устроен этот мир, и какое место мне уготовано в нем. К слову, меня все устраивало, что таить, и так очевидно.

Проходила моя тренировка, когда они явились, два главы клана солдат, решили посмотреть на своего сына. Меня подвесили вверх ногами, завязали за спиной руки, надели на лицо повязку, лишавшую возможности видеть. Так комично вспоминать это сейчас. В те времена их устраивали мои способности сражаться без глаз. Вокруг не было оружия. Правила просты. Противник начинает избивать твое беспомощное тело, и задача стоит лишь одна: убить или быть убитым. Главное выжить и лишиться жизни оппонента. Тренировка не останавливалась, пока один из нас не умрет. Иногда моими противниками ставили собственных братьев или сестер, как и в тот раз. Мне хватало ровно двадцать секунд, чтобы рас-

путать руки и оглушить противника. Дальше – дело за малым. Главное не выпустить его безвольное тело и успеть, все сделать, пока он не очнулся. Нужно сломать руку в нужном месте, тогда кость, острым концом выходит из мягкой плоти, и ее становится легко вырвать. Ты знаешь, что я это делал. Вырывал чужие кости из еще живых тел, из тел друзей, братьев по несчастью, острым концом перерезал веревки, связывавшие ноги, в кувырке приземлялся и сворачивал шею соперникам. Ты видела записи, я знаю. На это уходило не больше пяти минут. Каждый раз. Бессчетное количество раз, пока движения не будут доведены до идеала. Столько бессмысленных смертей. Я всегда выигрывал.

«Он безнадежен, – сказал тогда отец, – слишком долго. Он наслаждается процессом. И он должен меня заменить? Сейчас?».

«И Вы создали *Это*? От него не будет настоящей пользы. За что вы получаете свое финансирование?» – произнесла мать, развернулась и ушла.

Пять минут – слишком долгий срок для убийства в условиях, приближенных к провалу. Ты тоже так считаешь? Что я жаждал ощутить вкус смерти? Я ведь не хотел их всех убивать. Я делал жестокие вещи, даже не задумываясь о них, на автомате. Убийства стали рутиной. Обязательной частью каждого моего дня.

Вот она семья внутри моей касты. Вот кто мы. Лишь убийцы, которым с рождения предопределено отнимать чужие

жизни, либо жертвовать своими. Я пережил все эксперименты, даже те, которые не удалось перенести ни одному человеку до сих пор. И все еще выглядел недостаточно идеальным. Хотя на публике говорилось об обратном. А в итоге, оказался еще и ослеплен, лишен смысла жизни. Всегда один. Целую вечность. Мне не к чему стремиться, некуда идти, некуда возвращаться. Меня никто не ждет, никто не даст второго шанса. Возможно, я действительно был так безнадежен, как они считали. Я уже не узнаю... Лучше бы я умер в тот день. В любой их тех дней...

– Это избавило бы тебя от страданий, несомненно. Но разве убегать ты всю жизнь хотел?

– Убегать? Я всю жизнь хотел умереть. Закрывать глаза и не проснуться. Но покорно принимал судьбу. Убегаю я сейчас. И никак не могу этого сделать.

– Ты стал лучшим из лучших. Сильнее и могущественней. Разве это не стоящий результат?

– Я стал никем в этом мире. Я умею лишь убивать.

Рем закрыл лицо руками, опустил голову на колени.

– Я не жалею, что стал убийцей. Но сейчас я ни на что не способен больше. И никому не нужен.

– Я дорожу тобой. Не как стоящим соратником. Не как выгодным участником, за спиной которого всегда можно скрыться. Тобой. Именно тобой. Ты не только машина для убийств. Ты не только демон. Без тебя моя жизнь потеряет определенные краски. И я не хочу их терять.

– Тебе нужна безопасность. Шанс выжить. Но не я.

– Сколько должно пройти времени, чтобы ты позволил себе заметить, что это не так?

– Ты мне дорога, Амелия. Но мне нечего тебе дать. У меня нет чувств. И я не верю в любовь. Это в моей крови. Над моей жизнью все время висят часы, которые с каждым днем неумолимо приближаются к финалу, и мой будет гораздо раньше, чем у любого другого простого человека.

– Ты ошибаешься, думая, что мои эмоции столь примитивны. Они глубже и сильнее. Ты понимаешь меня, а я тебя. Иначе ты бы не рассказывал мне о своих старых ранах, иначе я бы не слушала тебя так, будто вскрывают мои собственные.

– Если я пойду вперед, то я никогда не увижу, куда приведет этот путь. Позади, у мира есть очертания, оставшиеся в памяти. Впереди – лишь зияющая чернота. Не проси меня вернуться.

– Я могу рассказать, как будет выглядеть мир вокруг.

– Я был главой. Я был выше твоего отца. Не вынуждай меня становиться тем, кем я уже не являюсь. Та жизнь умерла вместе с моей гордостью.

Адремалех отстранился от Амелии, вновь высвободил свою руку. Ее это не задело. Напротив, она привстала и положила руку ему на плечо:

– Я знаю, что тебе не нужна помощь. Но я все равно предлагаю свои глаза, как могла бы предложить брату, родной душе. Не как помощь, не как жалость. Подумай над этим.

Она встала и ушла из их убежища, желая пройтись и осмотреть территорию.

Ему сложно было переступить через себя, через свои самолюбие и холодность, и сказать Амелии, насколько он разбит и жалок. По его щеке покати́лась слеза. Он ощущал, как близко находилась возможность на счастье, стоило только встать с колен и реализовать ее мечту. И он знал, что ее желанию никогда не сбыться.

ГЛАВА 24.

Амелия вернулась домой ближе к вечеру. Большую часть времени она бесцельно ходила по округе, осматривала строения, пребывая в состоянии прострации. Взявшись за ручку входной двери, она поймала себя на мысли, что не хочет больше чувствовать беспомощность рядом с Ремом, ведь утром он фактически просил о помощи, кричал о своей боли, а она просто развернулась и убежала. Снова.

Амелия провернула механизм и зашла внутрь. На столе стояли две бутылки вина, на кресле лежала гитара, а Рем сидел на лестнице и точил ножи. На его лице уже не осталось и следа от недавних проявлений слабости и жалости к самому себе. Он вновь взял себя и свои внутренние переживания под контроль. Вновь стал сильным. Хотя бы внешне.

– Пока ты лежала без сознания, я нашел нам новое развлечение в одном из соседних домов. Только не представилось случая реализовать его раньше.

– Если бы на ней еще кто-то из нас умел играть, – грустно протянула Амелия, взяла вино со стола и подала одну бутылку Рему, – но идея была хорошей.

Рем невесело улыбнулся ей, поставил вино на пол, взял гитару в руки и устроился на кресле. Его раны все еще болели, а швы могли разойтись от нагрузок.

– Осторожнее. Тебе не стоит сильно напрягаться. Твой ор-

ганизм еще слишком слаб для активного времяпрепровождения.

– Я в порядке.

Амелия заворожено наблюдала за каждым его плавным движением, взволнованно предвкушая момент, когда пальцы дотронутся до струн.

«Не может же он еще и на музыкальных инструментах уметь играть!».

– Только на гитаре и немного на пианино, – словно прочитав ее мысли, сказал Рем.

Его тонкие пальцы беззвучно скользили по струнам, изучая их, привыкая к ощущениям. Амелия устроилась на полу напротив и открыла первую бутылку.

«Я видела, как играют на гитаре любители. Они часто смотрят на струны. Навык игры на музыкальных инструментах необходимо развивать и постоянно поддерживать. Так мне говорили представители касты искусства. Но Рем не имеет такой возможности».

Он поднял свой взгляд на нее, будто в доказательство ее мыслей, и начал играть.

Печальная мелодия наполнила комнату. Его изящные пальцы виртуозно перебирали струны, заставляя инструмент нести сквозь сплошную темноту ночи его грустную историю, отголоски которой звуком отражались от стен и заполняли не столько это сырое и холодное помещение, сколько пустую душу Амелии.

Затем Рем начал петь. Его голос звучал также печально, как и сама мелодия. Красивый голос. Невообразимо красивый и глубокий.

Он пел о потерях, об одиночестве. О самоубийстве. Он пел о том, о чем знает лучше кого-либо другого. Об отчаянии, которое невозможно скрыть ни под одной маской. Он пел о юноше, которому судьбою предназначалось всепоглощающее одиночество, душившее его годами. И вот однажды он утратил надежду на спасение, погружаясь в бездну своей черной души. Все глубже и глубже с каждым годом. Но потеряв надежду и осознав, что никто не придет на помощь, он нашел опору в самом себе, медленно залатав дыру в душе. Он не мог побороть свои слабости, но он научился их сдерживать, и в минуты, когда тьма, возвращенная из одиночества, сочилась сквозь бреши выстроенной защиты, он прятал ее еще глубже и продолжал идти дальше к своей цели. И однажды, этот юноша потерял все. Он потерял самого себя. Бесполезен. Не нужен. Один. Без цели. Без желаний. И он продолжал бродить по свету, разбитый на части, ища спасения. Но вновь никто не пришел. И юноша утонул в своем отчаянии и безысходности. Вот он стоит у обрыва, готовый сделать шаг в пропасть и обрести желанное спасение. И он делает этот шаг. Вниз. Кто-то хватает его за руку. Останавливает. И это оказывается еще больше, чем устремиться в пустоту. Больше осознавать, что спустя столько лет, кто-то услышал истошный вопль и пришел. Пришел. Но уже было поздно.

Амелия внимательно слушала голос Рема, вникала в каждое слово, ведь он пел о самом себе. Он рассказывал историю о ней. О них. Она подошла к нему сзади, обвила руками его шею и прильнула своей щекой к его. Ей стало больно. Столько ночей они пили и веселились под заводные мелодии старых песен. Смеялись, дурачились, словно мира вокруг не существовало. Словно исчезло их прошлое. Сегодня же они сидели в темноте, разрываемые музыкой струн, мелодией души Адремалеха.

Он еще долго играл на гитаре, извлекая из нее все больше и больше печальных нот. Они пили вино, и не задавали друг другу вопросов. Рем дал им возможность подвести итоги всех мрачных разговоров без слов, одной лишь музыкой.

Позже они оба устроились на полу, Рем продолжал смотреть на Амелию и перебирать струны. Она наслаждалась его голосом. Так они просидели до утра. Не сказав друг другу ни слова. Даже не соприкасаясь. Только с рассветом Рем отложил гитару в сторону. У него больше не оставалось сил физически поддерживать себя в бодром состоянии.

Никому не хотелось разрушать насыщенную настоящими чувствами атмосферу. Но время безжалостно идет дальше, день сменяет ночь, вынуждая приятные мгновения уступать место реальности.

Рем притянул к себе Амелию, поцеловал ее и провалился в бессознательное состояние от накопившихся усталости и боли. Она еще долго не могла уснуть.

ГЛАВА 25. (3 года назад).

Очередной день в лаборатории. Амелия идет по столь привычному ей белому коридору к лифту, затем на десятый подземный этаж, о существовании которого раньше даже не знала. Ей двадцать три года. Сегодня она получит ответ на один из своих вопросов. Но сможет ли она жить с этим знанием дальше?

Красный огонек в лифтовой кабине загорается, оповещая о прибытии на заданный этаж. Она наклоняется к устройству, сканирует сетчатку глаза, после прикладывает руку к другому механизму, который прокалывает ей палец, втягивает кровь, и только после двери лифта открываются. Личность подтверждена. Заместитель главы касты ученых. Амелия. Человек, которому сегодня дозволено узнать главную тайну этого мира, а может и не одного.

Она проходит вперед. Пусто. Слишком пусто. Амелию не смущают ни ослепительные белые стены, ни тишина – она привыкла к ним, лаборатория стала ее настоящим домом. Но на этом этаже царил атмосфера отчаяния и боли, словно в воздухе повисли безмолвные крики. Она не могла объяснить себе внезапно возникшее чувство, ведь вокруг все выглядело... обычно.

Длинный коридор без дверей. Без поворотов. Без окон в другие смежные помещения. Тревожно. Амелия дошла до

конца. Перед ней снова стояло устройство, предназначенное для сканирования крови.

«Почему именно крови? Зачем такой варварский способ? Кого здесь держат, что так усиленно стараются огородить от остального мира?».

Вновь укол. Алые капли падают на панель. Ничего не происходит. Она слышит, как позади открываются двери лифта. Тяжелые, неторопливые, уверенные шаги. Руки в карманах темных классических брюк в белую мелкую полоску. Светлая рубашка слегка выглядывает из-под расстегнутого белого халата. Темные, средней длины, волосы зачесаны назад. Карие, почти что черные, глаза придают его бледному лицу строгости и мрачности. Марк. Амелия знает его походку лучше, чем свою собственную. Сколько раз за свои ранние годы она прислушивалась к чужой походке, желая, чтобы по ту сторону комнаты оказался не ее отец. Но она почти всегда угадывала. Звук его шагов отзывался болью в теле. В коридоре резко стало тесно, будто одним лишь своим присутствием он поглощал воздух, отнимал свободу.

Амелия терпеливо ждала, пока он приблизится.

– Здравствуй, дочь. Удивлена, что тебе отказали в доступе? Скоро ты поймешь, почему я настолько осторожен.

– Здравствуй. Я лишь хочу узнать, что находится по ту сторону.

– Смерть.

Марк достал из кармана пробирку с кровью, вылил ее со-

держимое на устройство. Дверь открылась.

– Пойдем, – спокойно произнес он, проходя вперед.

Амелия ожидала увидеть что угодно, но не еще один коридор. Она еле сдержала подступившие чувство разочарования.

– Я объясню тебе все, запасись терпением, Амелия. Не стоит тяжело вздыхать, ты же знаешь, как меня это раздражает.

– Я достаточно терпелива, отец.

Белые стены тянулись по обе стороны от них. Абсолютная, всепоглощающая пустота.

«Возможно, мы все уже давно сошли с ума, живя в этих стенах».

В самом конце коридора Амелия увидела две двери: одну на левой стене, одну прямо напротив себя. Марк достал очередную пробирку с кровью, вновь вылил ее содержимое на устройство, и дверь тронулась с места, открывая доступ в помещение. Внутри стояла клетка. Металлические прутья выглядели так, словно их выпачкали в крови.

Амелия окинула взглядом помещение, посмотрела на отца. Он отстраненно стоял в дверях.

– Она для меня? – бесцветно спросила Амелия.

Марк рассмеялся:

– Конечно, нет. Но если тебе тут нравится, можешь оставаться.

– И что все это значит?

– Пойдем, за этой дверью тебя ждут ответы, которых ты так желаешь.

Когда Амелия поравнялась с отцом, он тихо произнес:

– Но готова ли ты к ним?

– Есть только один способ узнать.

Выйдя из помещения, Амелия поняла, что вторая дверь уже открыта. Она прошла внутрь. Худший и лучший день в ее жизни.

На первый взгляд, помещение, открывшееся обзору, напоминало хорошо обустроенную операционную в верхних лабораториях: те же хирургические инструменты, тот же операционный стол, кресло. Были и другие игрушки, скорее напоминавшие орудия пыток, но и их ей уже приходилось видеть и даже применять наверху.

У противоположной стены цепями был прикован юноша примерно ее возраста, может чуть старше. Черные смольные волосы. Жилистое, худощавое тело. Фарфоровая белая кожа, выпачканная свежей и уже запекшейся кровью. Множество недавно нанесенных ран, которые образовывали своеобразный рисунок на его теле, описывая ребра, уходя на спину, к позвоночнику. Белые хлопковые штаны порваны, сквозь одну из штанин выступает сломанная кость ноги, острым осколком прорвавшая ткань. Его голова опущена на грудь, тело повисло на путях. Юноша казался мертвым.

Амелия сделала несколько шагов по направлению к нему. Ей было интересно, почему из-за какого-то мальчишки отец

установил столько систем безопасности.

Юноша поднял голову. Его глаза светились голубым огнем. Нечеловеческие глаза. Амелия от неожиданности резко отпрянула назад и ударилась спиной о подошедшего Марка. Он засмеялся. Холодно. Мрачно.

– Вот он, наш самый страшный секрет. Чего же ты ожидала здесь увидеть, Амелия?

– Чего угодно, но не искалеченного юношу и клетку в соседней комнате. Мне нужны ответы, отец.

– Ты смотришь в глаза Богу, Амелия. Настоящему Богу, – в качестве доказательства Марк подошел к юноше и проткнул его сердце первым подвернувшимся под руку острым предметом.

– Видишь? Он бессмертен. Если ты мне не веришь, я могу отпилить ему голову, и он все равно останется жив.

– Этого не может быть. Это против законов природы.

– Значит, придется отпилить тебе сегодня голову. Моя дочь ненасытна в знаниях, – произнес Марк, обращаясь к Богу.

– Я не это имела ввиду.

– Следи за словами, Амелия. Ты сказала, что не веришь. Есть лишь один способ доказать правду. И не говори, что если не увидишь это своими глазами, то примешь на веру. Не примешь, – Марк взял со стола ручную пилу.

– Ты не сделаешь этого.

– Еще как сделаю. Ты хотела ответы, так получай их. И не

смея отворачиваться.

Марк затянул ремни на голове юноши, плотно притянув его к металлическому шесту сзади, затем отделил его голову от тела. Медленно. Упиваясь каждой секундой процесса. Болью. Юноша молчал, но Амелия видела в его глазах безграничную боль и страдание, отчаяние и разочарование. В людях.

Закончив, он крепко ухватился за черные волосы бога, приподняв голову и проведя рукой снизу, доказывая Амелии, что все происходит по-настоящему. Рукав его белоснежного халата тут же пропитался кровью. Затем он разжал пальцы, и голова Бога упала на тело. Юноша все также оставался пристегнутыми цепями и ремнями.

– Кто он? – в глазах Амелии стояли слезы. Неподдельные. Она так желала узнать ответы, а теперь готова была самолично вырвать их из своей головы.

– Он Бог. Он сама природа, именно поэтому, возможно, на него ее законы не действуют. Бессмертное существо.

– Почему он тогда не уничтожит нас? Его же не могут сдерживать простые цепи?

– Он лишен силы. Мы много лет держим его взаперти. О существовании Бога всегда знают только два человека из касты солдат – глава и наследник, и четыре из касты ученых – также глава, наследник и еще два приближенных человека, которые следят и помогают с экспериментами, и по одному от каждого члена Круга. Поколение за поколением.

– Зачем?

– Он бессмертен. Он молод. Здоров. Его невозможно убить. Он обладает невообразимой силой. Неужели для тебя этого не достаточно?

– Он нас уничтожит, – по ее щекам текли слезы, а голос дрожал от ужаса.

Амелия посмотрела в сторону юноши. Он ей улыбнулся. На отделенной от тела голове возникла ядовитая усмешка! Амелия непроизвольно закрыла ладонью рот, стараясь сдержать крик.

– Для этого нам и нужны такие, как Адремалех. Такие, как ты.

– Хочешь сказать, что создание Адремалеха – это попытка скопировать гены Бога, получить путь к его силе и бессмертию?

– Неудачная. Но это лучшее, что получилось на данный момент. У нас впереди еще много времени.

– Это ошибка. Это чудовищная ошибка.

Амелия не могла оторвать взгляд от юноши. Она видела, как ткани начали срастаться, как его тело восстанавливало свой прежний облик.

– И разве тебе не интересно, насколько сильна его регенерация? Насколько безграничны возможности этого тела?

– Интересно. Но я способна обуздать свои дурные склонности, отец. А ты просто безумен. Я видела твои глаза. Ты упивался болью, что причинял этому несчастному существу.

– Это несчастное существо разорвет тебя на части, только дай ему волю.

– И кто в этом виноват?

– Ты либо примешь сложившиеся устои, либо тебе не место здесь. Но подожди с ответом. Эмоции утихнут, разум подскажет правильное решение.

– Определенно, – и она направилась к выходу, бросив через плечо напоследок:

– Сколько, отец?

– Уже три сотни лет.

– Глава знает?

– Конечно, знает.

– И он согласен?

– Практически. Ему не нравятся некоторые наши методы.

Но солдаты никогда не понимали нас. Даже тот, в чьих жилах течет его кровь. Он попытался остановить меня, но у него ничего не выйдет, – и Марк кивнул в сторону юноши.

«На некоторые вопросы лучше никогда не получать ответов».

Амелия, словно в бреду, дошла до своих жилых комнат, закрыла за собой дверь и медленно сползла по стене на пол.

«Бог? Это произошло взаправду? Это не сон? Не один из моих кошмаров? Как это возможно? Богов не должно существовать!».

Амелия ощущала себя потерянной и разбитой. Жестокость. Ненависть. Страх. Нет. Не страх. Ужас. Ей дали вы-

бор. Стать одной из них, хранить эту жуткую тайну, либо покинуть касту, стать отверженной, без места и цели.

«Если я приму твоё предложение, отец, ты, ведь, заставишь меня пытаться его. Я не хочу убивать его. Раз за разом. Я ненавижу твоё честолюбие и жадность. Твоё сумасшествие. И что же мне делать? Утонуть в этом безумии с тобой?».

Она долго сидела в темноте. В голове пустота. Раньше, она считала, что с Адремалехом поступали жестоко, но теперь его пытки казались ей детским развлечением. Есть вопросы, на которые лучше не получать ответы. Но она слишком усердно их искала.

Амелия не продержалась и года. Она старалась заглушить здравый смысл и выполнять свою работу. Холодно. Отрешенно. Её отец жаждал бессмертия. Он сделал из неё монстра, только чтобы когда придет время, она дала ему желаемое – ответ, который не смог найти он сам. Все годы избиений за неудовлетворительные результаты приобрели новое значение.

«Это невозможно. Причина его бессмертия в нём самом. Мы не сможем отобрать. Это всё бессмысленно!», вторила она себе уже после первых месяцев работы. И ей стало слишком жаль это несчастное существо. Они не могли его освободить, страх слишком велик, но они имели возможность сделать его жизнь лучше, хотя бы исключить пытки. Бессмысленные истязания, которые не приносили никакой пользы, кроме личного удовлетворения чужой кровожадности.

Амелия пыталась выйти на разговор с Богом, ведь он молчал уже больше сотни лет, и однажды он ответил, видя слабость в ее глазах.

– Ты другая. Мне тебя жаль. Я вижу, как тебе не хочется убивать мое тело.

– Пытки бесполезны. Нам нужна лишь твоя кровь и информация.

– Так зачем продолжать? – он поднял на девушку свои нечеловеческие глаза, полные отчаяния.

– Я требовала прекратить, но осталась не услышанной.

– Почему? Почему люди так сильно жаждут моих страданий, моей крови на своих руках?

– Они хотят твою силу.

– Моя сила – это мое проклятие. Она приносит боль. Я бы с радостью умер.

– Зависит от точки зрения.

– Отпусти меня.

– Не могу.

– Я не буду мстить. Я исчезну. Если я потеряю здесь рассудок, то Вас ничего не спасет от моего гнева.

Его голос звучал в ее голове днями и ночами, пока не свел с ума. И она попыталась его освободить. Неудачно. От ее попытки остался лишь небольшой скол на его оковах. А после она оказалась в соседней клетке. Сбежать удалось примерно через год, а потом еще примерно столько же скрываться от отца, но он ее нашел.

ГЛАВА 26.

Они шли ранним утром вдоль пустой улицы, по обе стороны которой вереницей тянулись заброшенные серые здания. Что это был за город когда-то? Текла ли через него жизнь? Стремилась ли его обитатели остаться, или же он и в свои лучшие год выглядел столь же уныло, как и сейчас, что даже самые преданные граждане однажды решили его покинуть?

«Почему этот город? Почему именно здесь? Почему именно так? Столь огромная могила всего для двоих человек. Почему сейчас?» – обрывочные, разрозненные мысли наполняли разум и Амелии, и Рема. Либо они выживут, и день повторится вновь, либо настанет час, когда ее отец получит голову ненавистного Адремалеха, а ее прикует обратно цепями. Приближаясь к сердцу города, они чувствовали напряжение каждой клеточкой тела.

Оба были готовы к любому исходу, но не хотели сдаваться, не хотели проиграть сейчас, когда слабый силуэт надежды начал еле различимо мелькать на горизонте. Амелия не хотела молчать. Когда, как не сейчас, когда идешь на верную смерть, разделить печальные эмоции поровну.

Ученым свойственно любопытство. Даже в самых нелепых мелочах. Ей было страшно. Она чувствовала боль Рема, но ничем не могла ему помочь. В последние дни его раны заживали медленно, ослабляя с каждым резким движением.

Они преодолели заражение крови, воспаление тканей, гниение, но прошло слишком мало времени для полного восстановления. Девушка, будто на собственной шкуре, ощущала, насколько тяжело ему дается каждый новый шаг, как трудно поддерживать столь сильную и полную концентрацию, она видела, как на его бледном лице слегка выступают капельки пота, а они еще даже не дошли до места сражения. Сегодня Рему было особенно плохо. Голод. Раны. Большие кровопотери. Страшно. Ей было страшно. Но не за свою жизнь. Да, она не хотела умирать, но, по большей части, ей было все равно. Страшно, что она потянет его за собой. Слабое звено, вечно не в том месте и не в то время, всегда недостаточно хороша – так она о себе привыкла думать, это ей внушили другие, так ей *следовало* думать.

– У нас принято считать, что вы на физиологическом уровне не ощущаете страха и боли. Скажи мне, хоть что-то одно из этого правда? – она так хотела услышать, что да, это правда, я никогда не испытывал и не знаю, что такое страх, хотя разум твердил, что это невозможно.

– И ты еще спрашиваешь? Тебе до сих пор не понятен ответ? Да, нам с детства внушают, что боли нет, что ее не существует, ведь мы не можем ощущать то, чего нет. Но я тебе скажу как тот, кого пытали с четырех лет. Боль есть, невозможно представить, будто ее нет, когда от тебя отрезают куски твоей собственной плоти. Вам говорят, что мы ее не чувствуем. На самом деле нас учат, как ее терпеть и не показы-

вать окружающим. Со страхом проще. Страх искоренить из души ребенка не сложно. Но вырвать его с корнем – невозможно. Я всегда думал, что мне нечего бояться в этом мире, ведь что может быть хуже того, что уже со мной сотворили? По настоящему, страх я испытал лишь однажды, в *тот* день. Лежа на земле, не имея возможности пошевелить даже пальцем, зная, что дальше может случиться, что угодно, и ты никак не сможешь этому помешать – эта беспомощность пробудила во мне эмоции, что умерли еще в детстве. Бойся своих желаний. До того дня я никогда не мог понять, насколько нужно быть бесхребетным и жалким, чтобы бояться последствий своих собственных выборов. Тогда я отчаянно желал жить. Я так не хотел умирать. Мое желание исполнилось, и лучше бы я умер. Мой страх смерти заставил пережить тот день. Больше я не боюсь смерти, я ее жду.

– Ты готов умереть сегодня?

– Сегодня смерть за нами не придет. Нас дома еще ждет бутылка вина и долгие разговоры по душам.

– Разговоры по душам? Тогда ты точно уверен, что сегодняшний день мы не переживем.

– Не думай о смерти, Эми. Она найдет тебя, где угодно, когда настанет подходящее ей время. Смерть – не самое плохое, что может произойти с человеком.

– Я не готова просто сдаться. Я так хочу выколоть глаза этому ублюдку.

– Никто сегодня не сдастся. Просто всегда будь готова,

что день, когда ты выколешь глаза своему отцу, может не наступить. Думай о том, что нужно сделать, чтобы выжить сейчас. Не думай о том, что может когда-то произойти или не произойти в неопределенном будущем.

– Мы пришли.

– Кажется, что так. Нас уже ждут.

Вокруг арены собралась целая толпа игроков. Все знали. Все ждали этого дня. Чем ближе Амелия и Рем приближались к арене, тем громче ликовали взволнованные люди. Шум оглушал. Девушка взглянула на Рема и увидела, насколько напряженным он стал. Толпа выносила ему смертный приговор. Глазами демона являлся его слух, а, значит, на арене при таких обстоятельствах он останется слепым и дезориентированным. И их шансы на успех в сражении стали стремительно падать до нуля.

Они ступили на край арены. Амелия осмотрелась, вокруг было непривычно пусто. Слишком пусто. Она подняла взгляд на Рема и заметила на его лице еле уловимый оскал, словно у зверя, загнанного в угол.

Сейчас они стояли спина к спине. Толпа вокруг продолжала оглушительно реветь. Все были возбуждены до предела. Не каждый день выпадает шанс увидеть, как забьют до смерти великого демона.

Рем все еще оставался слаб физически, ведь еще пять дней назад он одной ногой был по ту сторону в царстве Богини Смерти. Его бледное и изможденное лицо бросалось в

глаза, и он не мог этого скрыть. Демон был обучен прятать за полностью равнодушным выражением лица свою боль, но он не мог заставить тело выглядеть живее. Люди это подмечали и делали ставки. Но даже в таком состоянии они боялись и нетерпеливо ожидали, когда настанет конец жизни столь сильного создания.

– Сегодня мы здесь умрем, – тихо произнес Рем, подняв голову к небу.

– Нет, не умрем, если будем работать вместе, если я стану твоими глазами. Да, тебе будет неудобно сражаться, когда я буду стоять прямо за твоей спиной, как сейчас, но так я смогу тебя координировать по обстановке. Это наш шанс.

– Это может сработать, если нам повезет. Причем крупно. Может лучше умереть красиво? Я убью тебя, а следом позволю растерзать себя?

– Даже если мы сегодня проиграем, то давай заберет как можно больше с собой.

– Определенно. Именно так и будет.

– Я рада, что наши пути пересеклись.

– Взаимно, – он развернулся к ней лицом, и поцеловал назло смотрящим. Толпа еще сильнее взревела.

– Мы справимся, – уверенным голосом произнесла Амелия, – арена стандартная. Организаторы не стали ее менять. Вокруг пусто. Нет ничего: ни лишних предметов, ни оружия, лежащего на земле, по краям нет возвышенных построек, на которые можно было бы запрыгнуть. Сражение будет проис-

ходить на земле. Оппонент может зайти с любой стороны. Скорее всего, их будет несколько одновременно. Я буду стараться повторять твои движения и не отставать. Если враг будет приближаться со спины, с моей стороны, я буду максимально низко пригибаться к земле, чтобы дать тебе место для маневра. Теперь остается только ждать.

– Мы не станем стоять статично на месте. Мы все время будем перемещаться по окружности. На одном месте, но медленно двигаться вокруг себя. Так у тебя постоянно будет максимальный обзор на арену.

– Поняла. Мы это сделаем. Мы выживем.

– Как и всегда. Готовься. Игра начинается.

Они никогда не сражались бок о бок, полностью полагаясь на силу товарища. Всю жизнь и Рем, и Амелия привыкли биться в одиночку, рассчитывать исключительно на собственные силы. Сегодня им пришлось подстраиваться под обстоятельства, вверив в руки друг друга свои жизни.

Рем понимал, что если бы не ее предложение, крошечный шанс на успех, на этой арене его бы затравили, как слабого, раненного зверя, который только и может бросаться из стороны в сторону, не нанеся ни одного удара по цели. Многие, смотря на его искусные движения, забывали одну простую истину – он все также оставался полностью слепым.

Никогда нельзя показывать свои слабости. Никогда и никому. Если ты покажешь свое больное место, именно туда тебя в первую очередь и ударят. Он научился жить без глаз,

но заставил окружающих забыть об этом.

«Демонстрация беспомощности – путь в бездну. Совершай все движения уверенно, даже если что-то идет не по изначально задуманному плану. Сохраняй хладнокровие, притворяйся, играй роль зрячего, и другие усомнятся в твоей слепоте. Тебя будут бояться. Это поможет выжить».

Столько раз он повторял себе эти слова, пока учился жить заново. И, в конечном итоге, это сработало. Поползли слухи, что к демону, хотя бы частично, но вернулось зрение. Если бы они только знали, как проста истина, что все это фарс, его давно загнали бы в угол, дезориентировали и убили бы. Даже Амелия, живя с ним под одной крышей, сомневалась и думала, что он может видеть хотя бы силуэты предметов.

Она понимала, что шум лишит Рема возможности услышать приближение своих оппонентов, предугадывать их направление движений и действий. Амелия же, в свою очередь, не была так хорошо обучена искусству сражения. Конечно, она могла за себя постоять, и доказывала это не единожды, однако, все же, преимущество в битвах оставалось не на ее стороне. Зато Амелия могла видеть. Ей не требовался слух, и крики толпы совершенно не сбивали с нужного курса. Зрение – ее преимущество, которое отсутствовало у Адремалеха. Если бы их разделили и заставили сражаться поодиночке, они были бы обречены на провал.

По правде говоря, Амелия с раннего детства с восхищением смотрела на таких, как Рем. На их искусность, отлажен-

ность действий, быстроту и остроту мышления в критических ситуациях. Она представляла, что однажды тоже сможет сражаться с ними на равных. Быть сильной и непобедимой. Детские грезы. Но оказалось, что стоять спиной к спине с лучшим бойцом и сражаться, как единое целое, дополняя друг друга и делая сильнее, более чем достаточно. Это воодушевляло ее.

И вот они стоят в центре арены, двигаясь по намеченной траектории. Их мышцы напряжены, внимание повышено, но нервы в спокойствии, дыхание урвнено. Амелия ощущала своим телом холодную решимость Рема, его готовность профессионального убийцы и солдата, и настолько сконцентрировалась на цели, что даже забыла про собственную рану.

– На три часа появился противник. Двигается прямо. В руках кирка. Пока что он один.

Еще до сражения они обусловили, что Амелия будет называть расположение противников относительно часов на циферблате, где положение Рема всегда будет двенадцатью часами. Это позволяло ему сократить время для реакции, а также помогало им не запутаться в разгаре сражения.

– Он остановился. На шесть часов. Примерно пятнадцать шагов. Больше пока никого нет.

– Пять шагов на него. Веди. Как сделаешь пять шагов, поворачивайся так, чтобы я оказался прямо перед ним, и как можно быстрее.

Первый шаг. Второй. Третий.

– На девять часов появился еще один. Стоит на краю арены. В руках ножи. Другого оружия не вижу.

Четвертый. Пятый.

Моментально они разворачиваются, Рем стремительно бросается вперед, отсчитывая еще семь шагов, на восьмом подпрыгивает вверх, делает кувырок в воздухе, разворачивается лицом к спине противника, надеясь на правильный расчет Амелии и собственную удачу. Одновременно приземлившись на землю, он взмахивает двумя ножами с удлиненными лезвиями, чем-то похожими на сильно укороченные мечи, и голова соперника заваливается на один бок, окропляя лицо Рема свежей кровью.

– Слишком легко, – говорит Рем, вернувшись к Амелии, – они проверяют нашу тактику. Организаторы рассчитали, что крики толпы ослабят меня. Будь внимательнее.

Они продолжили движение по кругу.

– На два часа. Он так и стоит там. Даже свое положение не изменил.

– Он усыпляет внимание, нашу бдительность, либо желает выманить на проигрышную позицию. Тактика окружения. Как у зверей. Будь внимательнее. Не спускай с него глаз.

Они проходили так еще не меньше десяти минут. Ничего не происходило. Обстановка накалялась. Тревожность возрастала внутри Амелии. Рем чувствовал ее напряженное дыхание. Ей не следовало поддаваться на такую примитивную уловку. Но в условиях настоящего боя мало кто может дей-

ствительно оставаться хладнокровным. Этому учат десятилетиями.

Он еле заметно провел тыльной стороной ладони по ее руке. Девушка вздрогнула от неожиданности, но такое нежное, непривычное прикосновение вывело ее из состояния тревожности, будто из транса.

Амелия громко выдохнула, осознав, в какую ловушку угодила, и что ее внимание притупилось. Рем слегка улыбнулся, ощутив, что его товарищ снова в строю.

Через непродолжительное время, минут семь – девять, не больше, игра продолжилась.

– На час, четыре, семь, десять, двенадцать, восемь, девять появились враги. Двигутся к нам с разной скоростью. На двенадцать стоит на месте. На семь приближается быстрее, через десять шагов с такой скоростью будет у тебя за спиной. На пять часов будет следующим. Разница примерно пять шагов.

– Пригнись.

Амелия молниеносно прижалась к земле, как Рем в полуобороте швырнул нож в одного из противников, но промахнулся, перепрыгнул через Амелию и скрестил свой клинок со вторым. Остальные оппоненты тоже стремительно приближались к ним.

Не теряя времени, Рем оттолкнул ногой от себя соперника, и, выхватив второй рукой длинный клинок, рассек ему живот. Амелия ждала подходящего момента, чтобы снова за-

нять их боевую позицию.

– Одновременно. Не больше семи шагов. На девять, шесть и два часа. Не успела она договорить, как Рем бросился вырывать из рук убитого топор и бросил его в соперника на шесть часов, но лишь ранил его. Затем он оттолкнул Амелию назад, оставляя ее за своей спиной и устремился вперед. Их тактика сломалась. Он не мог сражаться со всеми соперниками сразу, когда за его спиной стоял другой человек и мешался. Рем принял решение биться в одиночку, хотя знал о своих небольших шансах на победу.

«Да, хорошая была тактика. Но для постановочного боя».

Противники зажали Рема в кольцо. Сегодня удача на его стороне. Теперь ему не требовалось слушать соперников, когда он точно знал, что они все собрались вокруг него, и куда бы он не ударил сейчас, не промахнется. Рем закружился на месте, поочередно выбрасывая метательные ножи в разные стороны – четыре противника упали замертво. Он еле услышал их падение. Дальше становилось сложнее. Эффект неожиданности прошел. Теперь жертвой будет уже он.

Амелия судорожно пыталась придумать, чем помочь Рему. Она быстрым взглядом осматривала трупы, ища подходящее оружие, какую-нибудь лазейку, пока не заметила за спиной одного из них лук и стрелы. Рем убил его еще до того, как тот успел их применить. Она подобрала оружие и прицелилась – один противник упал на колени, и Рем, не упустив возможность, перерезал ему горло. Живых еще пять.

Она вновь прицелилась, но промахнулась. В колчане оставалось только четыре стрелы. Амелия видела, как Рем проигрывает, как его поведение начинает напоминать зверя, которого со всех сторон охотники пытаются пронзить штыком. Она бежала к нему, забыв об осторожности и страхе, боясь лишь одного – не успеть до того, как он сдастся, до того, как позволит убить себя. Она бежала по мокрому песку изо всех сил, крепко сжимая в руке свое любимое оружие, то, что он подобрал ей в самый первый день. С неба срывались крупные капли дождя. Ее ноги увязали во влажном грунте. Она почти добежала. А он уже стоял на коленях. Весь в крови. На лице улыбка. Прощальная.

– Демон все же оказался простым смертным человеком, – произнес один из противников, который уже заносил руку для удара.

Амелия успела. Со всей со своей силы она рубанула этого человека по спине и проскочила в центр круга, вложила Рему в руку его меч и громко прокричала:

– Ты же не просто человек, вспомни, кто ты на самом деле. Дерись! Огненный демон не может просто сдаться и умереть жалкой и позорной смертью.

Рем поднялся, тяжело облокотившись на меч. Амелия с яростью отражала удары. Но ей не хватало силы, не хватало умения.

– Я их не слышу. Мы умрем сегодня.

– На двенадцать, шесть, час, три. Дерись. Мы справимся.

Они убили всех. Сражась спина к спине.

Толпа умолкла.

Рем и Амелия стояли посреди арены, заваленной трупами. Мокрый песок вокруг приобрел багровый оттенок. Капли дождя, смешиваясь с кровью, стекали по их лицам. Они бились слишком долго. Они убили слишком многих сегодня. Но они победили. Победили ли?

Рем опирался на плечо Амелии. Она пострадала меньше всего в этом сражении, хотя и получило достаточное количество ран.

– Что дальше? Кто следующий? – яростно кричала она, смотря в камеру, – выходи на арену и убей меня своими собственными руками, трус!

Из громкоговорителя раздался скрипучий голос Марка:

– Убейте демона и его подружку, и игра может быть окончена.

Никто не сдвинулся с места.

– Ты думаешь, они хотят окончания игры? Что с ними со всеми станет, когда они выйдут отсюда? Что? Скажи мне! Скажи им! Что бывает с преступниками? Никто не хочет укорачивать себе жизнь. Я расскажу им. Я расскажу им о цене, которую платят наши касты ради твоих непомерных амбиций прямо сейчас. Они знают, кто такой Адремалех. Теперь пусть узнают, чья кровь течет в его жилах. Они не захотят умирать сегодня.

– Может тогда они хотят умереть завтра?

– Мы все здесь – трупы. Тебе не запугать нас смертью.

– А они знают, кто ты на самом деле? Что ты моя дочь и наследница? Многих ведь ты сама посадила в эту клетку.

Амелия громко засмеялась.

– Посмотри на меня. Присмотрись внимательнее. Ты отказался от меня, и дал всем это увидеть. Ты ошибся. Надо было убить нас тихо и незаметно.

– Я могу сделать это и сейчас.

Рем вытянул руку перед лицом Амелии. Ему в ладонь вонзилась стрела.

– Послезавтра вы все умрете.

Громкоговорители отключились. Абсурдность ситуации поражала даже просто пришедших развлечься участников.

Рем сломал стрелу и уже хотел вырвать ее из своего тела, как Амелия схватила его за руку.

– Нет. Ты и так потерял много крови. Рану будет необходимо сразу обработать и перевязать. Потерпи до дома.

– Мне не больно.

– Ты еле стоишь на ногах.

– Так давай скорее вернемся.

Он убрал руку с ее плеча, и уверенно прошел мимо толпы. Люди расступались перед ним. Страх и уважение. Рем никогда не думал, что обретет в этих потерянных душах отклики уважения к себе.

Никто не знал, кто управляет кастами. Никто не знал этого точно. Да и маловероятно, что люди одобрили бы находж-

дение на этом посту самого безжалостного и сильного убийцы. Стереотипы. Клише. Монстр. Чудовище, порожденное кастой ученых. Люди бы не поверили, что под его руководством жизнь может стать лучше. А она стала. Ненадолго. Всего на пару лет. Политика слегка изменила свой курс, экономика взлетела, преподнося гражданам жизнь в достатке, безопасности и спокойствии. Люди чувствовали изменения. Но они не хотели знать, почему эти изменения произошли. Зачем? Если можно лишь пожинать плоды чужого труда. Рем всегда относился к своей работе серьезно. Рем хотел привнести в систему хоть немного порядка и справедливости. Он сделал многое за столь короткое время. И поплатился своими глазами.

Ему хватило сил пройти до поворота, твердо держась на ногах, после чего он облокотился спиной об стену.

– Пустое позерство.

– Мое лицо, это все, что осталось. Я не могу потерять и его.

– Иди сюда, – она помогла ему закинуть руку на свое плечо, облокотиться, и так они медленно направились к их дому. Не убежищу. Дому.

ГЛАВА 27.

Амелия завела их в дом, Рем тяжело опустился в кресло. По окнам барабанил дождь. Одежда полностью промокла.

– Дай мне минутку.

– Я хочу осмотреть твои раны.

– Ты не оставишь меня в покое, верно?

Она помогла ему снять плащ, расстегнула пуговицы разорванной рубашки, аккуратно стянула ее, и принялась внимательно осматривать.

– Новые раны не глубокие. Тебе повезло. Старая, несмотря ни на что, не разошлась. Правда, все в крови. Ты потерял много крови. Снова.

– Восстановлюсь, я же не человек.

– Хочешь поговорить об этом?

– Я хочу отдохнуть.

– Твой осмотр еще не окончен.

– Если тебе нужен повод, чтобы раздеть меня, я разочарован. Ты могла просто попросить.

– Я разберусь с твоей рукой и отпущу, потерпи.

Она набрала в кастрюльку теплой воды, промыла руку Рема, затем взяла прокипяченный нож и аккуратно достала наконечник стрелы, зашила рану и наложила повязку.

– Хорошо, можешь быть свободен. Но если ты опять решишь умереть от раны, о которой мне не скажешь, я приду-

шу тебя.

– Ты же понимаешь, что твои угрозы бессмысленны.

Рем попытался встать. Ему было тяжело, она это видела.

«Сегодня ты вновь обманул смерть. В который раз. Представители касты искусства сложили много мистических баллад о жестокости, жадности и ревности богов. Что ж, если Богиня смерти и реальна, то он самый щедрый из всех. По крайней мере, для тебя. Но что она заберет в следующий раз?».

Амелия не стала предлагать ему помощь, он уже и без того позволил больше, чем она могла рассчитывать. Возможно, доводы здравого смысла порой способны пробить даже эту непреодолимую стену из гордости.

– Я в соседний дом. Приведу себя в порядок и вернусь, – Амелия уже встала, чтобы уйти, как Рем взял ее за запястье.

– С тобой все в порядке? – в его голосе отразилось волнение, еле уловимое, но достаточное, чтобы Амелия заметила.

– Меня почти не ранили, все нормально.

– Чьи трупы остались лежать на арене?

– Добровольцы. Смертники.

– Из какой касты, Амелия?

– Правосудия, – он отпустил ее руку и позволил уйти.

«Мы пережили эту битву, хотя она и была одним лишь фарсом. Вновь. Неужели отец настолько обезумел? Чего он добивается этой бессмысленной игрой? Зачем мы здесь? Зачем давать нам шанс, смотреть, как мы сражаемся, выжива-

ем, побеждаем, если убить так просто. Для чего это шоу? Для кого? Чем ближе конец, тем бессмысленней происходящее. Я совершенно потерялась. Я больше не уверена, что могу в должной мере оценить сложившуюся реальность. Мотивы. Цели. Как гадко. Как отвратительно жестоко держать меня в неведении. Меня! Да, я тебя разочаровала. Но и ты держал меня куклой рядом с собой. Позволял верить, что я знаю больше, что мне доступны тайны. Сколько еще людей ты посвятил в них? Сколько людей смотрело и в тайне усмехалось над моим полным неведением. Чего я добилась? Ничего. Почему ты просто не убьешь меня, раз я так бесполезна? Зачем я тебе? Зачем тебе он? Чего ты боишься настолько, что не желаешь держать нас рядом, но и не можешь убить? Если я приду к воротам, уничтожишь ли ты меня? Я в это не верю».

На улице стоял промозглый ноябрьский вечер. Амелия быстро проскользнула из соседнего здания домой. В руках она несла сумку с найденной едой, свежими бинтами и банкой кофе. На столе и тумбе около дивана стояли зажженные свечи. Тени завораживающе играли в комнате. По лестнице спускался Рем.

– Я ждал тебя.

– Я принесла еду и бинты. Твои раны необходимо обработать.

Он спустился к ней и крепко обнял.

– Спасибо, – тихо произнес ей.

Она не стала отвечать словами, лишь сжала руки сильнее,

делая объятия еще крепче. Слова были лишними. Ей не к чему было произносить их вслух. Она не оставила его одного, несмотря на безвыходность ситуации. Она пришла, готовая умереть бок о бок с ним. Не бросила. Не предала. Он нашел в себе силы сражаться дальше только, чтобы спасти их. Спасти ее.

Рем отстранился. Амелии на секунду показалось, что в его глазах блестят остатки слез. Он положил ладонь на ее щеку, а затем поцеловал.

– Тебе рассекли скулу, – тихо отметил Рем.

– А у тебя снова разбита нижняя губа.

– Да, мне несколько раз двинули по лицу.

– Мне нужно обработать твои раны.

Рем стянул с себя футболку. Его рельефный торс был усеян порезами и кровоподтеками.

– Я уже их обработал. Они не серьезные. Со мной все будет в порядке.

– Я даже не удивлена, что ты решил сделать это сам, – недовольно произнесла Амелия.

Рем начал расправлять футболку, чтобы надеть ее заново, но Амелия остановила его.

– Она тебе ни к чему. И мне не нужен повод.

– Сейчас мое тело не совсем презентабельно.

– Тебе неловко?

– Ты же знаешь... не стоит слишком сильно ко мне привязываться... потом будет сложнее...

– Ты можешь сказать мне прямо, что не так. Прятаться за словами – не твое это.

– У всего есть своя цена. Я заплатил больше, чем другие. Мне осталось не так уж и долго.

– Я тебя не понимаю. Я читала записи, карты. Там ничего не было.

– Это не существенно. Не все мои органы восстановились после той инъекции. Я не проживу дольше тридцати пяти лет. Мое тело медленно уничтожает себя.

– Но это меньше, чем Ваша средняя продолжительность жизни! Тридцать пять лет...

– Я уже говорил однажды, моя жизнь угаснет быстрее, чем твоя.

– Но не настолько же!

– Мы не можем изменить то, что уже произошло. Я должен был умереть в тот день, но получил отсрочку примерно на двадцать лет. Я вернулся с того света с бонусом в виде силы.

– Я уверена, что можно найти выход. Твоя регенерация. Она поражает. Твой организм справляется хорошо со всеми повреждениями. Почему же при таких высоких результатах он должен отказать?

– Регенерация – это еще не все. В организме есть части, которые нельзя уже починить.

– Я способна на многое. Мне нужна только моя лаборатория и смерть отца. Я все исправлю.

– Ты не виновата в том, что со мной произошло, и на тебе не лежит обязанность это исправлять. Все в порядке. У меня было достаточно лет, чтобы принять этот факт.

– Ты хочешь сдаться! Опять! – в ее голосе смешивались злость и горечь.

– Нет. Это ты не хочешь принимать истину, как она есть.

– Я просто не хочу тебя терять.

– Я продолжаю дышать только по этой причине. Но ты не изменишь моего прошлого. Ты не изменишь мою судьбу. В другой реальности наши жизни могли бы оказаться счастливыми, но не в этой.

– Я все равно могу попытаться. Мы уже сделали невозможное. Повторим.

– Найди мою настоящую медицинскую карту однажды. Тогда ты поймешь, что выход есть не всегда.

Амелия положила голову ему на грудь, он вновь ее обнял.

– Не трать свою жизнь на сожаления, – он отстранился, чтобы надеть футболку.

– И не собираюсь, – Амелия выдернула ее из рук Рема, бросила в сторону, притянула его к себе и поцеловала. Жадно. Страстно. Одно рукой она провела по его волосам, а второй, скользнув по обнаженному торсу, стала расстегивать ремень его брюк.

– Не стоит, – Рем разорвал их поцелуй и попытался отклониться.

– Я просто не трачу свою жизнь на сожаления, – девушка

сделала шаг вперед, заставив его непроизвольно отступить назад и упереться спиной в стену.

– Невыносимая, – будто признавая свое поражение, на выдохе произнес Рем.

Он подхватил ее за бедра, поднял на руки и, развернувшись, прижал спиной к стене. Амелия улыбнулась и крепче обхватила Рема ногами. Он начал целовать ее в шею, нежно водя пальцами по линии позвоночника под футболкой. И он медлил, словно боясь зайти дальше.

Они были слишком разными. Чувства всегда душили Рема. Он прятал их глубоко внутри, стараясь убедить самого себя, что их не существует. Так было проще. Всем, кроме него. Но разве солдат должен испытывать эмоции? Конечно, нет. Не положено. Однако чувства всегда были с ним, мучили и терзали. Боль, отчаяние, злость, зависть, страх, но также и надежда, уверенность, уважение, любовь. Все они менялись на протяжении лет, но неизменно находились в глубине его души. Он не желал их, старался вырезать из сознания. Не получалось. Любовь. Он никогда никого не любил, и был рад, что освобожден хотя бы от ее оков. Но она возникла. И он не желал испытывать это чувство сейчас, не хотел, убегал, душил, как все остальные эмоции, а она все не покидала его, не отпускала. Настало время признать ему это и перестать отвергать. Он понимал. Он давно уже признал, что проиграл эту битву. Но осознать не так страшно, как сделать шаг и воплотить в реальность. Был ли он готов? Нет. А по его маске

с каждым ее прикосновением расползлось все больше трещин. И вот, фарфор, покрытый паутиной расчерченных линий, падает вниз. Он чувствует, как маска разрушается, как вдребезги разлетается о холодный пол.

«Готова ли ты увидеть, что я всего лишь живой человек, а не идеальный механизм? Готова ли ты почувствовать то, что ощущаю я?».

Амелии всегда не доставало чувств. Простых человеческих эмоций. Но для нее это не являлось препятствием, ведь ученые – скептики. Кто захочет идти на поводу у ненужных ощущений, когда их так легко обуздать? Научное обоснование, химическое описание, биологическое подтверждение. И вот вместо чувств в ее голове звучат лишь формулы. Но ей хотелось быть живой. «Зачем тебе чувствовать?» – спрашивала себя она, и тут же отвечала: «Да, это лишнее». А в душе продолжала зиять пустота. Позже пришла боль. А после злость и разочарование. Любила ли она? Нет. Способна ли была? На этот вопрос она не знала ответ, пока не вошла в дверь, по ту сторону которой умирал демон. Призналась ли она себе? Со временем. И после хотела лишь сильнее и больше ощущать эту связь. В тайне. В душе. Но и ей было страшно переступить черту, ведь в отличие от знакомых боли и злости, эта связь так легко могла порваться и исчезнуть. Стоило ли об этом думать сейчас? Нет. И она сделала единственное, что могла – позволила своему холодному сердцу пропустить удар. «Не во всех битвах можно победить».

Амелия сняла с себя футболку, небрежно бросив ее в сторону, и прикусила его нижнюю губу, из которой стала понемногу сочиться кровь. Ее это не отталкивало. Рем сильнее притянул к себе Амелию за талию. Один удар. Второй. Третий. Он слушал, как бешено бьется ее сердце, как прерывается дыхание.

«Как долго я ждал искренних эмоций».

«Как долго я жила без чувств».

Рем поднялся по лестнице на второй этаж, ногой открыл дверь в спальню, опустил Амелию на кровать, нависнув сверху. Сколько фальшивых лиц и эмоций он видел раньше. Столько мерзких ночей, проведенных с неправильными людьми, на которых не хотелось даже смотреть. Он прикоснулся тыльной стороной ладони к ее щеке.

– Как бы я хотел увидеть тебя.

Она заставила его перевернуться на спину, сев сверху.

– Тебе не нужны глаза, чтобы видеть меня.

Они провели прекрасную ночь, полную неподдельных чувств, страсти, желания. И они оба теперь понимали, что дороги обратно, порознь, они уже не смогут найти. Оставалось только идти вперед.

Амелия лежала головой на груди Рема, он обнимал ее за плечи. Им не хотелось говорить. Слова были лишними. Они всегда были лишними. Им просто хотелось остаться в этом моменте навсегда, забыть о реальном мире, о смерти, что следует по пятам. Им просто хотелось быть счастливыми. И

они понимали, что это слишком несбыточное желание. А новый день уже готовился принести в их жизни новую боль.

ГЛАВА 28.

Рем был слишком истощен. Чрезмерно. Серьезные раны, обильная кровопотеря за довольно короткий промежуток времени накладывали свой отпечаток, не говоря уже о его нескольких несостоявшихся свиданиях с Богиней смерти. Ему требовался отдых, восстановление, но на это не было времени. Совершенно. Время всегда неумолимо двигалось вперед, отмеряя оставшиеся часы их жизни. Но и оно проявляло лояльность. Иногда. Время дало им столько неподдельных эмоций, о которых они не могли даже мечтать. Однако оно всегда забирало в плату больше, чем давало взамен. Всегда. Люди редко понимают истинную ценность времени, пока не станет слишком поздно. Единственный ресурс, которым невозможно завладеть, ведь время не подчиняется никому. Оно сводит с ума, лишает разума. Время – самый страшный противник, которого человеку никогда не удастся победить.

Амелия тоже не осознавала его неумолимого течения, пока ей не довелось прочувствовать, как каждый шаг часовой стрелки отмеряет новый срок страдания для тех, кто этого не заслуживал, кто был ни в чем не виноват. Время. Она столько лет жила, как во сне. Ни чувств, ни эмоций, ни ощущения самой жизни. Одинаковые дни. Размеренные будни точно по плану. Когда же этот привычный ритм сменился одним

лишь сплошным побегом, желанием покинуть реальность? Или это и был бесконечный бег в никуда?

Она смотрела на Рема. Для нее он был просто Ремом. С самого начала игры. И порой она забывала, что Рем – это бывший глава гильдии солдат, Адремалех, тот, в чьих жилах течет кровь Бога, плененного Кругом. Незначительная часть. Крупица силы, которая медленно с годами сжигала его изнутри. Эта кровь принесла ему только страдания, будто была проклята изначально. Но губительной являлась скорее не кровь, а желание ею обладать, обладать тем, чем не положено. Способны ли могущество и сила хотя бы раз принести простому смертному счастье? Маловероятно. Люди не созданы для такой власти. Слишком алчны. Слишком жестоки.

Ее мысли прервал Рем. Порой, Амелия забывала, насколько чуток его сон.

– Хватит будить меня своими томными взглядами, – сонья произнес он.

– Я даже не думала о тебе.

– Что ж, я разочарован. Смотреть на меня, думать о другом.

– Ты знаешь, что я не это имела ввиду, – ее рука непроизвольно потянулась к груди, где снова начала гореть рана.

«Кажется, началось воспаление. А я то думала, что все обойдется. Даже забыла про нее на какое-то время».

– Да что ты. Ты меня пытаешься обмануть? Seriously? – от

сонливости не осталось и следа. Амелия поражалась, откуда в его теле и сознании берутся силы, особенно так внезапно, — я знаю, почему тебя изгнали. Я осведомлен, почему ты ненавидишь Марка. Я только не понимаю, почему ты до сих пор предпочитаешь скрывать от меня свою сторону правды.

Амелия молчала. Она не находила в себе слов.

— Я буду ждать тебя внизу, когда будешь готова рассказать свою сторону происходящего, спускайся, — с некой нотой грусти в голосе произнес Рем, тяжело поднялся с кровати и спустился вниз.

Спустя час Амелия присоединилась к нему на кухне.

На столе уже стоял свежий сваренный кофе.

— Что ты хочешь услышать? — спустившись по лестнице, спросила Амелия.

— Правду.

Она отхлебнула кофе.

— Я пыталась освободить Бога. За это Марк не выгнал меня из гильдии, а посадил в клетку рядом. Я сбежала, мне помогла Катарина.

— Я знаю. Почему ты решила его освободить?

— А почему этого не сделал ты?

— Потому что это глупая затея.

— Я год истязала это создание. Изучала. Я знаю, что сделала свой выбор. Знаю. Но я оказалась не готова к тому, что делал мой отец. Я не хотела убивать Бога. Я заставляла его умирать раз за разом. Каждый день. Я не желала продолжать

нести культ насилия в моей касте. Я не смогла смотреть на вещи больше под тем же углом. Мы мучили и убивали детей твоей касты, лишь чтобы заполучить могущество существа, которого пытали больше трех сотен лет. Ради чего? Ради чего? Я не желала возвращаться в этом порочном круге. Я так хотела вырваться из него. Я думала, Марк убьет меня. Он никогда не любил свою наследницу. Отец знал, что я не переживу кровь Бога. В тайне он мечтал быть тобой. Быть способным вынести инъекцию и приблизиться к желанному бессмертию. Не смейся. Именно поэтому он тебя так ненавидел. Особенно с годами. Он хотел, чтобы его наследие приблизилось к статусу Бога. Мы же выдержать испытание его кровью были не способны. Никто не способен. Марк – безумен. Он слишком долго всматривался в эти бездонные голубые глаза. Слишком много лет. Они свели его с ума. Чужая боль. Кровь. Смерть. Отрезанные конечности. Выпотрошенное живое существо. Истошные крики. Дрожащие от возбуждения руки. Кровожадность. Он не смог пережить этот душевный надлом, когда ему открыли правду. Также, как я, не смогла своей. Только мой путь пошел в обратную сторону.

– Так странно. Ты и твой отец так похожи. Боюсь, безумие в твоей крови, Амелия. В молодости, Марк тоже желал выпустить Бога на свободу. Ему отказали. Круг. Моя каста. Моя семья. Не он первый возжелал бессмертия. Ему дали такой же выбор: либо делай свою работу, и если справишься, получишь свой бонус, либо убирайся из гильдии. Вот только

предложение уйти равносильно смерти, ведь оставить в живых человека, обладающего такой тайной, Круг не мог. Он, скрипя зубами, принял условия. Но даже тогда Марк пытался пойти иной дорогой: пытался заслужить доверие Бога, занимался с ним, читал ему, рассказывал о людях, об устройстве нашего мира, был великодушен. Недолго. Его заставили пытаться Бога. С годами, он потерял здравый смысл. Ему понравилось. Он вкусил чужой крови и не смог остановиться. Марк возненавидел мою касту после того голосования, которое лишило его выбора и разрушило психику. Я не знаю, как он до сих пор умудряется убеждать Круг оставлять тебя в живых.

– Мы прокляты? Он нас проклинал, не так ли? Пленный Бог.

– Нет. Мы с тобой лишь расплачиваемся за ошибки своих предков.

– Ты не ответил на вопрос.

– Я отвечу, после того, как ты расскажешь, по какой причине действительно ненавидишь Марка. Откуда твои шрамы, Амелия?

– У меня достаточно причин для ненависти. Шрамы..? Когда у меня что-то не получалось или получалось плохо, он бил меня по спине или рукам, куда уж попадет, электрическим предметом. Таким, обычно, умиряют преступников. Он оставлял раны, которые со временем стали шрамами. Отец хотел гения. Настоящего гения, а не простого ученого. Мне пришлось заплатить свою цену, чтобы им стать.

Не такую, конечно, как тебе. Меня держали в одиночестве и изоляции долгие годы. Я боялась его шагов. Я знала, когда он идет, когда он войдет в мою комнату. Я ненавидела его, сколько себя помню. Причин слишком много, чтобы выделить конкретную. Я хочу его смерти, потому что он сошел с ума и не может больше возглавлять целое государство.

– Мир, Эми. Мир. Уже давно нет государств. Нам давно не с кем воевать. Мир один, и им правит Круг, членом которого я был семь лет.

Ощувив ее растерянность, Рем продолжил:

– Эта тайны Круга. Их не положено знать никому за его пределами.

– Я должна была стать его частью?

– Возможно. Плоды его жестокости дают свои результаты.

– Да. Но я желала другой жизни.

– Другой? Ты пытаешься обмануть саму себя? Ты сделала выбор. И не единожды.

– У меня не было выбора.

– Был. Но я тебя не осуждаю. Как-никак, я сделал свой.

– Ты же знал эту тайну?

– Конечно, знал. Я сделал все, чтобы его страдания прекратились. И поплатился за это глазами и своим местом в касте.

– Это главная причина?

– Одна из.

– Мы нужны ему. Ты точно. Но я не понимаю, зачем ему

моя жизнь.

– Все как раз наоборот. Ему не требуется моя жизнь, Амелия. Лишь тело. Хотя в работоспособном состоянии оно было бы полезнее. А вот твоя жизнь ему нужна. Он верит, что если ты примешь судьбу и подчинишься, то сможешь реализовать его «мечту», ведь он просто не доживет до того дня, когда ее реализуют твои преемники. Он боится времени, старости. Он боится не успеть, а ты готовый солдат науки, на создание которого он положил столько сил.

– Я никогда этого не сделаю. Нам даже физиологически невозможно обрести бессмертие. И это не зависит от моего желания.

Рем взял Амелию за руку.

– Ты его ненавидишь. Я знаю. Понимаю. Хватит бежать. Чего ты хочешь, Амелия? Чего ты на самом деле желаешь?

– Счастья.

– Мы не сможем его обрести в этом мире.

– Мы можем попытаться.

– Или сегодня, или завтра нам придется биться в последний раз. И я не думаю, что мы сможем победить. Но он даст уйти тебе.

– Я не уйду одна.

– Знаю.

– И что же мы будем делать?

– Не знаю.

ГЛАВА 29.

Послеполуденное солнце слабо освещало комнату редкими лучами. Рем сидел на лестнице, Амелия бесцельно бродила по комнате из стороны в сторону. Напряжение росло с геометрической прогрессией, а у них так и не было плана. Никакого.

– Хватит, остановись, – тихо произнес Рем.

Больше всего ему хотелось просто лечь, уснуть и не просыпаться. Каждая клетка в теле отзывалась болью, слабость разливалась по венам вместо недостающей крови, кожу обжигал холодный воздух. Он чувствовал, как проявляются первые признаки лихорадки: тело знобило, губы иссохли и покрылись болезненной коркой, глаза горели.

«Самое неподходящее время для болезни. У меня совсем не осталось времени».

Амелия имела дурную привычку поддаваться чувству тревожности и даже паники. Ей трудно было сдержать раздражение от своей беспомощности. Она смотрела на Рема и не могла не заметить его ухудшающее состояние. Он находился уже на грани своих сил и возможностей, и она ничем не могла ему помочь. У них не было необходимых лекарств и условий, чтобы ему начало становиться лучше. Время обернулось против них, и каждый день, что они стали ждали, медленно уничтожал последний шанс выбраться.

Амелия настолько погрузилась в свои мысли и отчаянные попытки придумать выход, что не услышала слова Рема. Она произвольно отдернулась, словно в испуге, когда он взял ее за плечи и остановил.

– Хватит, – тверже произнес он.

– Прости... я слишком сильно ушла в свои мысли.

– Паника никому еще не помогала. Тебе необходимо успокоиться.

– А тебе следует отдыхать.

Рем горько улыбнулся.

– Ты уже знаешь, чем все закончится. Просто не желаешь признавать.

– Я хочу жить на другом конце мира, в лесу, на берегу озера как можно дальше от наших каст. Хочу провести счастливую жизнь, сидеть вместе на причале, читать книжки вслух, греться около камина в уютном домике. Я не хочу возвращаться. Я не могу вернуться. Так же, как и ты. Я готова отказаться от мести ради этой мечты.

Амелия положила голову Рему на грудь, он обнял ее, нежно поглаживая по спине. Она не плакала, нет. Но она не могла посмотреть на него, ведь в точности знала, что он ответит. Она не хотела слышать эти слова.

– Право выбора – лишь иллюзия. Мы не заслуживаем счастья.

– Значит, решение уже принято?

– Ты же сама знаешь уже ответ.

– Просто сдаемся? Мы?

– Ты сама решила заплатить эту цену, когда выторговала мою жизнь, – Рем разжал руки и сделал шаг назад, – посмотри на меня. Посмотри, Амелия! – ему пришлось повыситься голос, – ты согласилась смириться. Марк думает, что ты вернешься по доброй воле. Тебе позволят уйти. Он сохранит тебе жизнь, со временем, возможно, вернет все регалии. Иного пути нет.

– В этом плане нет тебя.

– Я что-нибудь придумаю. Как минимум, мое тело до сих пор представляет для него интерес.

– Я против этого плана. Ты же понимаешь. Но я соглашусь, если ты пообещаешь остаться живым.

– Я не могу тебе этого обещать.

– Я знаю.

– Когда?

– Утром?

– Хорошо.

– Не бойся.

– До рассвета еще есть достаточно времени. Отдыхай.

– Если я усну, то скорее всего не смогу завтра проснуться.

– Тогда нет смысла ждать до утра.

– Ладно. Собирайся.

Рем понимал, что каждый час дорог, но ему хотелось отсрочить конец их истории хотя бы до утра, провести вместе еще одну ночь, не думая о последствиях принятого ими ре-

шения. Он готов был бороться с усталостью, с болезнью, с обстоятельствами, но Амелия не поняла этого. Она не знала, что Рем собирался умереть. Он не смог ей сказать.

ГЛАВА 30.

Они шли по безжизненным улицам к восточному выходу. На этот раз город действительно был мертвым. Всех участников устранили за предшествующую ночь. Они остались единственными живыми душами в этом забытом месте.

«Если Марк откажет, мы умрем, сражаясь? Бок о бок?» — спросила Амелия незадолго до этого.

«Я не могу тебе ответить на этот вопрос, Эми».

Они дошли до самой «стены» свободно, никто их не пытался остановить несмотря на устрашающий вид Адремале-ха, взявшего с собой, как всегда, целый арсенал оружия.

Амелия прошла вперед. Никаких признаков угрозы, словно их выпускали из города добровольно. Странно. Подозрительно. Напряженная атмосфера наполняла пространство вокруг. Шел дождь. Крупные, холодные капли разбивались о землю с неприятным громким звуком, рассекавшим тишину. Солнце уже скрылось за горизонт, и черная ночь вступила в свои права.

Рем следовал позади. Он специально отстал от Амелии, аккуратно и бесшумно скинул плащ, закатал рукава фланелевой рубашки. Лезвие металла сверкнуло в темноте. По его рукам бежала кровь. Он вскрыл себе вены. Чтобы они видели. В его кармане лежала записка. Напоминание. Предложение. Его жизнь в обмен на ее. Его мертвое тело, ее свобода.

Рем сделал свой выбор. Но не смог ей сказать. Он уже давно знал, чем закончится для них игра. И шанс на счастье существовал только в его мечтах.

Амелия услышала за своей спиной глухой звук удара о землю. Падение. Ей было страшно обернуться. Она знала, что увидит, когда сделает этот шаг назад. Смерть. Смерть человека, которого она не хотела терять. Которого она не могла потерять. Но ей нужно было обернуться. Ей нужно было увидеть своими глазами. И она сделала шаг назад.

Рем стоял на коленях. По его рукам, ногам, на землю, смешиваясь с каплями дождя, стекала кровь. Много крови. Амелия забыла, как дышать. Как жить. После секунды оцепенения она подбежала к нему, подхватила на руки. Он прошептал ей на ухо слова. Она закричала. Ее боль была безграничной, а злость всеобъемлющей.

Цена за сделку была уплачена. Для нее открыли проход. Девушка, с трудом, из последних сил, заставила себя подняться и пройти за границу города. На той стороне ее ждал Марк. Тот, кого она так отчаянно желала лишить жизни, но способна ли была сейчас на это? По всей вероятности, он считал, что нет. Безумец.

«Ты только что отобрал у меня единственный шанс на счастье. Я никогда тебе этого не прощу».

– Здравствуй, Амелия. Я вижу, твой друг принял мое предложение. Я рад, что хотя бы один из Вас оказался рассудительным. Хотя Адремалех всегда был умен. Даже слыш-

ком. Может, стоило *его* воспитать, как ученого? Ты избавила чудовище от боли. Он обрел то, чего так давно желал.

– И что ты теперь сделаешь со мной, отец? – холодно проговорила Амелия.

– Позволю занять свое законное место? Убью? Все зависит от тебя. Мы заключили сделку, свою часть я выполнил, очередь за тобой.

– Ты всерьез полагаешь, что я стану ее исполнять? Сделка расторгнута, он умер.

– Не будь такой упрямой. Адремалех сделал свой выбор. Но, по всей вероятности, забыл тебя уведомить о нем. Ему больше нет места в этом мире. Какая жалость.

– Я убью тебя.

– Обыщите ее.

Два представителя касты солдат внимательно осмотрели Амелию и забрали у нее оружие.

– Неужели Вы так просто позволите ему убить Вашего главу? В Вас совсем нет даже капли верности?

Они ей ничего не ответили. Только с усилием схватили за предплечья, удерживая на месте.

– Отпустите. Это лишнее.

«Охранники» небрежно оттолкнули Амелию в сторону. Жгучая боль резко опалила раны от такого обращения.

К ней подошел Марк и ударил по лицу. По подбородку побежала тоненькая струйка крови. Он почти выбил ей зуб. Девушка нервно стерла ее тыльной стороной ладони и засме-

ялась. Истерический женский голос залил небольшое помещение.

– Хватит, – твердо произнес Марк. Амелия продолжала смеяться.

– Я сказал, прекрати, – уже раздраженно продолжил он. Девушка закрыла рукой рот, но все продолжала смеяться. Со стороны она напоминала обезумевшего человека, который больше не мог контролировать свое тело и эмоции.

Марк злился. Ему не нужен был сломанный механизм. Он инвестировал в послушную машину, которая станет выполнять все его прихоти, хоть и не сразу. Он подошел к Амелии, взял ее за волосы и заставил подняться с колен в полный рост.

– Успокойся. Ты уже ничего не изменишь, – он встряхнул ее за голову, словно тряпичную куклу. Это явно должно было доставить неприятные ощущения, но Амелия словно не заметила их вовсе. Тогда Марк снова ударил ее по лицу, сильнее и жестче. Она перестала смеяться, сплюнула кровь на пол. Ее губы растянулись в едкой ухмылке.

Девушка посмотрела в глаза отцу. В них не было ничего, кроме черной бездны пустоты. Все произошло быстро.

Она резко выпрямилась в ногах, схватила руками Марка за плечи, с усилием подтянулась к нему, не жалея собственных волос, которые все еще были крепко зажаты в мужской руке, не чувствуя боли, и вцепилась зубами в его горло.

У нее не было оружия. Она не владела особыми боевыми

техниками. Но она имела большее. Жажду. Горечь. Отчаяние.

Амелия жаждала смерти отца.

Ее переполняла горечь от ускользавшего, словно песчинки, просыпающиеся между пальцев, счастья.

Отчаяние потерять свой новый смысл жизни.

И все эти чувства, слившись воедино, дали ей возможность, шанс заставить судьбу переменить свои планы, а стрелку часов идти в обратную сторону. Безумие убитого горем человеком, которому больше нечего терять. Если долго жить с демоном, делить с ним пищу, кров, боль, можно стать одним из них. Можно. Вот только она жила не с монстром, а чудовище из нее сделали обстоятельства, порожденные несправедливостью мира, системы. Монстров порождает человеческая жестокость и ничего кроме нее. Как правило.

«Ты бы гордился своим учеником».

Охранники вздрогнули. Марк повалился на пол, пытаясь зажать рукой рану, но кровь безостановочно хлестала в стороны, окрашивая в бардовый цвет его белый халат и мраморную плитку. Она задела артерию. Знания человеческой анатомии и ярость помогли. Она достигла своей цели.

Амелия присела и склонилась над отцом. Он жадно хватал ртом воздух, не веря, что позволил себя так легко обмануть. Одолеть.

– Ты слишком долго играл в свои игры, отец.

Она обернулась к солдатам. Ее лицо было залито кровью бывшего главы касты ученых, желтые глаза горели.

– Теперь Вы подчиняетесь мне.

ЭПИЛОГ.

За окном вновь стоял холодный ноябрьский вечер. Капли дождя барабанили по стеклу. В просторной гостиной в камине горел огонь. Прошел почти год после окончания игры. Прошел почти год с того дня, когда Амелия зубами вырвала жизнь из тела своего отца. Прошел почти год, а она все еще чувствовала стекающую по рукам кровь Рема, слышала замедляющийся стук его сердца. Прошел почти год.

Амелия подошла к окну, ее взгляд задержался на пепельнице, одиноко стоявшей на крыльце, переполненной дождевой водой и разбухшими от влаги окурками. Она так и не смогла бросить курить. Особенно в дни, так напоминавшие о лучших, как ни странно, месяцах ее жизни. Времени, когда она встретила его, ощутила себя по-настоящему живой.

Амелия почувствовала, как к ней подошли сзади, как сильная рука обвила ее за талию.

– Поздняя осень стала и моим любимым временем года, – тихо произнес собеседник.

Она подняла на него взгляд. Все такой же невыносимо идеальный *для нее*. Бледная кожа, белые глаза и огненные волосы.

– Не понимаю, о чем ты. Во мне ноябрь вызывает только желание придушить одного самоуверенного демона.

Он рассмеялся.

– Не стоит разбрасываться словами. У тебя было столько возможностей.

– Я слишком эгоистична, чтобы позволить тебе обрести счастье и покой.

– Уже.

Год назад...

«Я лежу на мокрой земле и истекаю кровью. Шум дождя успокаивает. Я не мог и желать более подходящей погоды. Моей любимой. Чувствую, как тело покидают остатки жизни. Как долго я ждал этого момента! И как сильно не хочу умирать сейчас! Судьба жестока. Она предоставила мне прекрасный шанс покончить со своими мучениями именно тогда, когда дни стали вновь обретать краски, пусть и воображаемые. В моем кармане лежит записка. Надеюсь, она меня простит. Я принял решение, ведь оно было единственным выходом. Она сможет жить дальше, а если не позволит ярости взять вверх над разумом, то и осуществит свое заветное желание. Я не могу сделать больше ничего для нее. Хотя она, конечно же, предпочла бы мою жизнь. Лишние пару-тройку лет, пока мои системы жизнедеятельности еще будут способны функционировать. Почему же я тогда жалею? Жалею о том, что не смог сказать ей. Жалею об упущенной возможности на счастливую жизнь. Домик у озера. Панорамные окна с видом на хвойный лес. Мы сидим у камина или на веранде, или на причале. Осень. Но не такая, как сейчас. Октябрь. Золотая пора. Одновременно теплый и свежий воздух, кружа-

щиеся листья. Она, как и обещала, читает нам книгу. Вслух. Тишина. Спокойствие. Иллюзия. Хорошая была мечта. Смелая. Дерзкая. Несбыточная. Сколько прошло времени? Секунды? Минуты? Как долго человек умирает от кровопотери? Мне всегда казалось, что это не займет много времени. Что же ты не показываешься, моя Богиня смерти? Неужели ли не забереешь мою душу в свое царство? Я больше не ощущаю холода. И капель дождя на коже. И жжения в руках. Осталось не долго. Так странно, просто лежать на земле и умирать, не пытаться бороться, не стараться выжить. Я всю жизнь сражался. Сражался с противниками. Сражался с машинами. Сражался с судьбой. Сражался с системой. Сражался со Смертью. Сражался с самим собой. Смогу ли я теперь отпустить этот мир? Сможет ли мир отпустить меня? Мне следует это сделать. Перестать цепляться за мысли, которые, по всей видимости, заставляют и дальше делать эти болезненные вдохи и выдохи. Настало время отпустить ее. На этот раз она не сможет меня спасти».

Амелия приказала бывшей охране Марка следовать за ней. Она выбежала на улицу, приложила указательный палец к сонной артерии Рема. Секунды тянулись, будто часы. Так, словно время именно сейчас решило остановить свой ход. Слабое биение. Она еле уловила его, но этого оказалось достаточно. Еще один шанс. Надежда. Его организм продолжал цепляться за жизнь, пытался восстановиться. Возможно, кровь Бога все же дает свои положительные стороны. Пусть

и проявляющиеся не настолько очевидно. Амелия туго затащила оборванные лоскуты ткани выше плеча на обеих руках Рема, чтобы временно замедлить кровь, приказала солдатам отнести его внутрь.

Очередная бессонная ночь. Тяжелая операция. Навыки, которые годами оттачивались до уровня рефлексов. Слабые удары сердца. Переливание крови. Выровнявшаяся линия на кардиомониторе. Адреналин. Один. Два. Три. Сердце вновь запустило свой ход. Кома. Перемещение из одной лаборатории в другую. Тридцать четыре дня. Тридцать четыре дня Амелия практически не ела, не спала, не жила. На тридцать пятый Рем открыл глаза. Она читала книгу. Вслух, как и обещала, одной рукой держа его ладонь. Он слабым движением сомкнул пальцы. Амелия вздрогнула. Она посмотрела на него.

«Жив!», – по ее щеке покатилась слеза.

Она снова не смогла его отпустить. Снова отвоевала у самой Смерти.

– Здравствуй! – одними губами прошептал Рем и постарался улыбнуться, но тело предательски отказывалось слушаться.

Амелия не сказала ни слова. Она не знала, что говорить. Просто выронила книгу из рук и легла головой к нему на грудь. Ей не нужно было говорить ничего. Рем понимал все, что она хотела сказать, но не могла. Эти слова облекать в звуки именно сейчас было не обязательно.

«Я ждала. Я ждала слишком долго, а теперь не могу выговорить даже слово! Эти дни показались мне целой вечностью. Нескончаемой бездной остановившегося времени. Порой, я начинала думать, что это мой персональный ночной кошмар, от которого мне уже никогда не оправиться. Видеть его каждый день. Не живой, не мертвый. Тот, кому я так и не смогла помочь. Я готова спуститься вниз. Готова совершить еще большую глупость. Просить об одолжении. Вымаливать жизнь. Но он не согласится. Никогда. Не после того, что я делала с ним.

Мне кажется, я забыла, как дышать. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Мне нужно взять себя в руки. Вдох. Выдох. Кровь. Ее металлический запах, смешанный с запахом дождя и мокрой земли. Слабое биение сердца. Звук кардиомонитора, оповещающего о смерти пациента. Я не забуду никогда. Мой страх. Холодный липкий ужас. Раньше была бесстрастной королевой науки, а стала разбитым чувствами ординарным человеком. Я отчетливо слышу его сердце, как оно стучит о ребра. Кажется, я выронила книгу. Неважно. Стрелка часов сделала свой шаг. Я почти физически ощутила, как время снова запустило свой неумолимый ход. И лишь четыре слова в голове, которые он сказал в ту ночь

«Прости. Я смог полюбить».

Год спустя...

На улице правила ночь. Свет в гостиной исходил только от зажженного камина. Они лежали на полу так, как дела-

ли это, пока участвовали в игре. Рем медленно водил рукой по волосам Амелии. Она лежала головой на его обнаженной груди и прислушивалась к стуку сердца. Для нее это стало необходимым ритуалом.

– Порой, мне кажется, что все это сон. Чертовски приятный, но все же сон, – тихо прошептал ей на ухо Рем.

Амелия привстала на локтях, нависнув над ним.

– Если это сон, то я предпочту никогда не просыпаться, – и она поцеловала его.

– Я тоже, – он притянул ее к себе ближе и стал целовать в ответ.

Они смогли воплотить в жизнь свою мечту. Первые два года были самыми тяжелыми. Им приходилось уделять внимание своим кастам, искать и утверждать замену. Им пришлось против воли вернуться обратно, чтобы окончательно поставить точку и покинуть систему. Вот только система не хотела покидать их. Рему вернули его регалии. Он отказался. Тогда ему навязали похожий статус в качестве главного советника и распорядителя. Амелии пришлось занять место отца. Всего на год. Чтобы успеть выбрать преемника, открыть их самый страшный секрет и покинуть этот дворец боли и страданий навсегда. Но ей тоже не дали уйти окончательно. Как и Рему, ей пришлось ставить свою подпись согласия под самыми важными решениями. Круг боялся возмездия. Но в целом, им позволили уйти. Они столько лет жили и страдали ради своих каст, ради своего смысла жизни. И теперь были

свободны.

Их дом до самого конца всегда был наполнен уютом с отпечатком печали своих хозяев, ведь нельзя вырвать из сознания болезненное прошлое, которое сделало их такими, какими они были. Их глубокие и сильные чувства не угасали с годами, а переплетенные судьбы больше никогда не расходились в разные стороны. Они часто вспоминали месяцы, проведенные в заброшенном городе. Танцевали, пили вино и наслаждались жизнью настолько, насколько могли. Им всегда казалось, что столь сломленным и душевно уничтоженным людям не полагается быть счастливыми, что их сознание не способно воспринимать мир под другим углом. Счастье существует лишь в самых дерзких и несбыточных мечтах. И они нашли в себе силы пойти на этот риск.

Их счастье продлилось не долго. Спустя шесть лет Рем начал сильно болеть, его органы стали отказывать, жизнь быстро угасала. Прошло еще два года, и он умер. Амелия была рядом. Всегда. До его последнего вдоха. На этот раз Богиня смерти не согласилась отступить. Она лично пришла за его душой и увела в свое царство.

Амелия была безутешна. Горе съело ее заживо, и хотя она пообещала Рему, что будет жить дальше, всего через пару лет болезнь забрала и ее. Теперь и она смогла увидеть огненные глаза, о которых много лет назад ей говорил Рем. Смерть принесла покой.

Они не сломали систему, не изменили устрой. Два неве-

роятных человека, пожертвовавших столь многим ради других. Они решили просто жить дальше, вдали от дел. Прожить остаток своих дней в мечте. И им удалось. Они не могли изменить мир, даже если бы захотели. Но они могли вновь выстроить свою жизнь на руинах прежней. Новую. Лучшую. Наполненную не только болью и отчаянием.

P.S. Даже из безысходности можно найти выход в моменте, где судьбы пересекаются.

Продолжение истории о Боге следует.